

Андрей Буторин
БутАстика (том I)

«Издательские решения»

Буторин А.

БутАстика (том I) / А. Буторин — «Издательские решения»,

В первом томе сборника фантастических рассказов, объединенных общим названием «БутАстика», писатель-фантаст Андрей Буторин предлагает читателям произведения, представляющие поджанры «научная фантастика», «мистика, ужасы» и «юмористическая фантастика».

Содержание

От автора	6
Курс на мираж	8
Во всём свои плюсы	8
Бобик по кличке Жучка	20
Гуси-лебеди	33
Желтый аспид	36
Лечебный курс	42
Гул	47
Сенсационное интервью	55
Чужой	58
Тест на функциональность	71
Омут	76
День свадеб	85
Корабль, Семья,...	85
...Племя	92
Коммуналка	93
Мать космонавта	101
Шеф-повар	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

БутАстика (том I)

Андрей Буторин

© Андрей Буторин, 2016

© Андрей Буторин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мысль сделать сборники моих рассказов появилась у меня давно. Я начал писать фантастику в 90-х годах прошлого века, и, как водится, сначала это были рассказы. Но и позже, когда были написаны и изданы произведения крупной формы, рассказы я тоже вниманием не обделял. Что-то возникало спонтанно, в результате «творческого озарения», что-то писалось для конкурсов, таких как «Рваная грелка», «КолФан» и пр., что-то создавалось специально для журналов и сборников.

Кстати, о журналах и сборниках. В них на сегодняшний день опубликовано более тридцати рассказов. Это такие журналы как «Если», «Техника-молодежи», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник» и другие, менее известные, в том числе и зарубежные. В итоге мои рассказы увидели свет в таких странах как Россия, Великобритания, Канада, Израиль, Латвия, Украина и США.

Однако я не стал делить рассказы для задуманных сборников на те, что уже опубликованы (есть такие, что и не единожды), и на те, что так еще и не видели свет. Не думаю, что факт публикации автоматически делает текст лучше. Мало того, я даже оставил все рассказы в первоначальном виде, без той переработки, что требовали некоторые издания. Единственное, что я позволил себе, это еще раз сделать вычитку и провести минимальную редактуру с позиции моего нынешнего опыта, а также реалий сегодняшнего дня.

Произведения наверняка неравноценны по стилистике, уровню подачи материала, занимательности сюжета и прочим литературным параметрам, ведь писались они в разное время – и когда я еще только начал приобщаться к литературному творчеству, и когда приобрел уже какой-то опыт. Тем не менее, я не стал делить их по признаку новые-старые, потому что все они для меня родные дети, с каждым что-то связано, каждый чему-то меня научил. Не стал я и сортировать их по датам написания, посчитав, что это вовсе не самое главное.

Я провел деление по другому принципу. Хотя все рассказы принадлежат любимому мною жанру фантастике, но тематика у них очень разная; она представляет такие поджанры как фантастика научная, юмористическая, любовная, проза для детей и юношества, мистика-ужасы, сюрреализм... В связи с тем что рассказов накопилось много, порядка восьмидесяти, и все они представляют перечисленные выше направления, я решил сделать объединенный сборник в двух томах, где создал отдельные разделы – каждый по своей тематике. Объединяет их придуманное мною название «БутАстика»; потому что это Буторин Андрей, и потому что это фантастика.

В первом томе «БутАстики» я выношу на суд моих уважаемых читателей рассказы, представляющие поджанры «научная фантастика», «мистика, ужасы» и «юмористическая фантастика».

Возможно, мою научную фантастику следовало назвать «псевдонаучной» или «околонаучной», но это, думаю, было бы ненужным кокетством и рисовкой, а выпендрож я не люблю во всех его проявлениях.

Некоторые рассказы я отнес к поджанрам «мистика» и «ужасы» условно. Условно – потому что в момент написания многих из этих историй я не стремился специально «выписывать» их именно в этих категориях. Я писал то, что казалось мне тогда интересным, что захватило, заставило потянуться «к перу». Но сейчас, перечитывая и классифицируя свои рассказы, именно эти показались мне наиболее близкими к данным поджанрам. Даже если я при этом слегка и ошибся, так ли уж это важно?

Наверное, не все рассказы, которые я отнес к юмористической фантастике, покажутся вам смешными, но я очень надеюсь, что хотя бы один из них заставит вас улыбнуться.

Приятного вам чтения, дорогие друзья! Жду ваших отзывов.

Искренне ваш,
Андрей Буторин

Курс на мираж (Научная фантастика. Рассказы)

*Не хотел я жизни под копирку,
Что имеет «средний» человек,
Я мечтал о лунных горных цирках
И о марсианских руслах рек.*

*Я мечтал меж кольцами Сатурна
Прошмыгнуть космической иглой,
В их рисунок сказочно-ажурный
Я узор хотел добавить свой.*

*Россыпь звезд мечтал увидеть близко,
Без помех воздушной кисели,
Но... на кухне я жую сосиски,
Сухари макаю в кисели.*

*И, взглянув сквозь форточку на небо, В крошках звезд увидев
Млечный Путь, Вспомнил: «Молока купить и хлеба, —
Мне жена сказала, — не забудь!»*

(Стихи автора)

Во всём свои плюсы

В любом положении есть свои плюсы. Даже в том, что оказался Мьенг. Он сидел в камере смертников и впервые за тридцать шесть лет наслаждался одиночеством.

Мьенг не любил людей. Они отвечали ему взаимностью. Его это не трогало. Но раздражало, когда трогали его. И в том, что убил тех троих, он ничуть не раскаивался. Не надо было его задевать.

Смерть Мьенга не страшила. Тягостным было ее ожидание. Собственную казнь Мьенг относил к событиям достаточно важным, хоть и не из ряда вон выходящим. Людей казнили испокон веков...

...а вот то, что произошло вскоре, относилось именно к той категории. Из ряда вон. Ни одному человеку не предлагали подобного. Он стал первым.

Когда щелкнул замок, Мьенг невольно вздрогнул. Стало трудно дышать, рука потянулась к вороту робы. Сейчас к этому вороту добавят пеньковый воротник. Или из чего там делают веревки для виселиц?.. Ах да, ему же введут яд внутривенно, повешение считается теперь негуманным.

Он поднялся и уже рефлекторно завел за спину руки. Прислушался к чувствам и остался доволен: всплеск эмоций угас. Страх почти не было. Кроме того, что предвещает любую неизвестность. А умирать ему доселе не приходилось.

— Заключение Мьенг Мьянга? — Лицо охранника казалось ледяной маской, в голосе было не больше тепла. Мьенг хотел ответить: «Нет, Санта Клаус», но сумел побороть раздражение. Близость смерти действовала на нервы сильнее, чем он ожидал. Единственное, что он позволил себе, — назвал полное имя:

– Заключенный Мьенг Кипрус Мьянга.

– На выход.

Мьенгу стало весело. Выход!.. А что? Все верно. Сейчас он выйдет из тюрьмы. И уже никогда в нее не вернется. Во всем есть свои плюсы.

На место казни помещение походило мало. Скорее, это была комната свиданий. Но у Мьенга не было близких, его никто не посещал. Да и применимы ли к смертникам подобные льготы?

По старым фильмам он помнил: перегородка из толстого стекла, два ряда кресел – по ту и эту сторону, переговорные устройства. Правда, теперь стекло заменили силовым полем, звуку оно не препятствует, так что и переговорных гаджетов нет. Остались только кресла. В этой комнате их было три: один для него, два – напротив – для его собеседников. Одного из них он видел, когда его сюда оформляли: неприятный лысеющий тип в сером кителе; какой-то здешний начальник, может, и самый главный. Мьенгу это было неинтересно. Второй – подтянутый, стройный, в строгом костюме. Очень не молод, но выглядит супер. Герой любовной мелодрамы. Дамочки любят таких седовласых, умудренных жизнью красавчиков.

Лысый тип приказал охраннику выйти. Тот козырнул и исчез. Начальник вылупил на Мьенга бесцветные, в красных прожилках, глаза.

– Хочешь жить?

Мьенг только хмыкнул. На глупые вопросы он отвечать не собирался. Но дальше стало интересней.

– Тебе выпал шанс, – сказал начальник. – Сейчас доктор Дрожек сделает тебе предложение. Времени на раздумье не будет. «Да» или «нет» ответишь сразу. Если выберешь «нет», тобой займется другой доктор.

Седой красавчик поморщился.

– Вы ведь гелиоэнергетик? – вежливо спросил он.

– Когда-то был, – осторожно ответил Мьенг.

– И вы обслуживали гелиостанции на Луне и Меркурии?

– И еще орбитальные. – Профессиональный интерес заставил Мьенга забыть, но он быстро пришел в себя и желчно добавил: – Вы ведь и так все знаете. Не тяните. Что вам нужно?

– Вопросы здесь задают тебе, а не ты! – рявкнул лысый. – Ты куда-то спешишь? Еще одна подобная выходка – и...

– Не надо, господин Сушик, – снова поморщился «супергерой». – Я с удовольствием отвечу на все вопросы господина Мьянга.

– После того, как он ответит согласием, – мотнул головой начальник. – Так что и впрямь переходите к делу, доктор.

– Хорошо. – Дрожек посмотрел прямо в глаза Мьенгу, и тот невольно поежился. В противовес располагающей внешности и вежливой речи, взгляд доктора был лишен даже капли человечности. Он изучал им Мьенга, словно лабораторную крысу... Даже не крысу – бактерию! Не хватало лишь микроскопа. – Итак, – сказал он, – космос вам хорошо знаком. Вы – опытный инженер. К тому же – специалист по гелиоэнергетике. Во всем этом – большие плюсы. Собственно, потому выбор и пал именно на вас. Всему остальному мы вас научим.

Мьенг чуть не потерял самообладания. Закричать: «Чему научите? Зачем?!» ему помешало лишь опасение, что разозленный начальник восстановит статус кво. А Мьенгу уже расхотелось умирать, не узнав, под какой микроскоп его хочет засунуть доктор Джекилл... то бишь, Дрожек. И он, стиснув зубы, промолчал, ожидая продолжения.

Оно последовало. Но было столь неожиданным, что не сразу дошло до сознания Мьенга.

– Мы хотим вас отправить к Альфе Центавра, – подытожил «герой-любовник» и откинулся на спинку кресла.

– Ну? – посмотрел на Мьенга тюремщик. – «Да» или «нет»? Отвечать сразу!

– Но... – заморгал Мьенг, пытаясь собрать рассыпавшиеся мысли.

– Только «да» или «нет»!

– Да, да!! – заорал Мьенг, так и не понимая, на что подписывается. Он лишь успел сообразить, что умереть никогда будет не поздно. Так что в подобном выборе имелся внушительный плюс.

Мьенга вернули в прежнюю камеру и не трогали целых четыре дня. Но теперь он уже был не рад этому. И чем дальше, тем странный разговор с доктором Дрожеком стал казаться всего лишь выкрутасом отрицающего гибель сознания; обычным, хоть и очень реалистичным сном. Впрочем, засыпал он теперь плохо. Все пытался понять, может ли иметь произошедшее... или все-таки привидевшееся?.. хоть какой-либо смысл?

Да, он не раз летал в космос. И, не будучи специалистом по астронавтике, тем не менее знал, что современное развитие космической техники не позволяло путешествовать к звездам. Повсеместно применялись ракетные двигатели, основанные на химической реакции горючего и окислителя, – как в самом начале освоения космоса, пусть и гораздо более совершенные. При межпланетных полетах использовались ионные и плазменные двигатели, существовали уже корабли с ядерными установками. Плохо прижились, но кое-где еще «бороздили просторы Вселенной» экзотические и неуклюжие космические парусники. Но любой из этих аппаратов мог летать только в пределах Солнечной системы, а до той же Альфы Центавра их полет занял бы столько времени, что терялся его практический смысл.

И если его хотят отправить на таком корабле, то зачем? Проще, и гораздо дешевле, оставить его до конца дней в этой камере, если уж так жалко тратиться на яд.

На пятый день за Мьенгом пришли. Вначале он испытал чувство дежа-вю.

Щелчок замка. Ледяное лицо охранника.

– Заключенный Мьенг Мьянга?

– Мьенг Кипрус Мьянга.

– На выход.

Неужели все-таки приснилось? И никакой Альфы Центавра, лишь какой-нибудь «альфа-цианид» внутривенно...

Однако на сей раз его вывели во внутренний двор и усадили в закрытую, без окон, коробку кара. Примерно через полчаса он сидел в такой же точно коробке, но уже на борту вертолета. Полет продолжался долго, Мьенг заснул.

Он проснулся от толчка. Свист винтов стал затихать, перешел в чавкающий шелест, а затем по ушам вдарил тишина. Но длилась она недолго. Вжикнул запор, отошла вбок дверь, и сразу резануло по глазам давно забытое солнце, а йодистый запах моря, ворвавшийся в ноздри, выдал из глаз слезы. Ведь именно так – солнцем и морем – и должна была пахнуть свобода!

К огромному удивлению Мьенга, он и в самом деле оказался свободен. Относительно, конечно, но по сравнению с камерой смертников он чувствовал себя блохой на бродячей собаке.

Плюсов в его новом положении было – хоть отбавляй. Начать с того, что в шикарном – с отдельной спальней! – номере не оказалось... запоров! То есть, замок в двери имелся, но вполне обычный, кей-чип от которого Мьенгу тут же выдали. У входа в жилой корпус дежурила охрана, но конкретно на Мьенга она обращала внимания не больше чем на прочих.

Сопровождавший Мьенга светловолосый крепыш в белом летнем костюме, назвавшийся Полем, заметил его изумление и пояснил:

– Бежать некуда. Это остров, вокруг океан на многие мили. К тому же, тут все охраняется. Основательно, смею вас заверить. Особенно это касается Центра, причала и геликоптерной площадки. Так что не советую...

Что именно он не советует, крепыш говорить не стал, но Мьенг и так все понял.

Поль глянул на часы.

– Обед через полчаса. Ресторан на первом этаже. Принимайте душ, переодевайтесь и подруливайте. Зеф тоже там будет, так что...

Похоже, белобрысый крепыш не любил завершать мысли, но на сей раз Мьенга это не устроило.

– Зеф? – переспросил он.

– Ну, да. Йозеф Дрожек. Это ведь он вас сюда сосватал?

Мьенг не ответил. Раздвинул дверцы шкафа, нашел полотенце и направился к ванной.

Дрожека он заметил сразу, как вошел в ресторан. Доктор тут же повернул в его сторону голову, и Мьенг заподозрил, что без датчиков слежения в одежде или обуви не обошлось.

– Идите сюда! – замахал рукой Дрожек. Мьенг кивнул и направился к столику, за которым кроме доктора сидел бородатый черноволосый мужчина лет сорока.

– Доктор Штофман, господин Мьянга, – представил их Дрожек. И сказал, обратившись к Мьенгу: – Господин Штофман проектировал ваш корабль.

– Ну, не я один... – жеманно отмахнулся Штофман, но Мьенг его перебил.

– Мой корабль? – сделал он упор на первом слове. – Ладно. Раз он мой, то без меня не улетит. Давайте сначала поедим.

На самом деле ему чертовски хотелось узнать побольше и о корабле, и о своей миссии, и почему выбор пал именно на него... Да у него накопилась хренова туча вопросов, от которых мозги только что из ушей не капали! Но больше всего на свете ему сейчас хотелось есть. Увидев и унюхав то, что ели и пили его визави, он был готов отобрать у них бокалы и тарелки, пока дожидался официанта с заказом. И ни думать, ни говорить о чем-либо еще он был сейчас попросту не способен.

Настоящая человеческая пища, вкус которой он почти забыл, а также бокал красного вина сыграли с ним злую шутку. Он стал засыпать прямо за столом. Поэтому то, что говорил Дрожек, слилось для Мьенга в «белый шум». Вероятно, он дремал с открытыми глазами, потому что «шум» не прекращался. До сознания долетали, но тут же вязли в сладкой дреме отдельные фразы. «...пояс Койпера... четверть светового года... прямоточный ядерный...» Последняя фраза заставила Мьенга встрепенуться.

– Прямоточный?.. – заморгал он. – На моем... на том... на этом корабле?

– Вы что, не слушали? – Взгляд доктора стал тем же пронизывающе холодным, что и при первой их встрече. Сонливость вмиг сдуло, как домик Дороти ураганом.

– Я слушал. Но... насколько я знаю, идея прямоточных термоядерных двигателей себя не оправдала. В Системе их использовать опасно, а за пределами пояса Койпера...

– За пределами пояса Койпера как раз и проводились испытания. До удаления в четверть светового года. Чем вы слушали?

– Позвольте, я поясню, – подался вперед доктор Штофман. Мьенгу показалось, что волоски на бороде доктора зашевелились от возбуждения подобно крохотным щупальцам. – Количество атомов водорода сразу за поясом Койпера, примерно в шестидесяти астрономических единицах от Солнца, составило, по результатам испытания, в среднем семь-восемь на кубический сантиметр пространства. А в пятнадцати тысяч ае, почти в четверти светового

года, их было два-три. Если дальше их окажется всего два, или даже один на кубический сантиметр, то и этого хватит, чтобы корабль двигался со скоростью примерно в половину световой. С учетом того, что...

– Пока хватит, – оборвал коллегу Дрожек. – Главное вы, я надеюсь, поняли? – проморозил он Мьенга взглядом. – Такой корабль есть. И вы на нем полетите. Если, разумеется, не передумаете. Смею заверить, ваш приговор никто не отменял, и в исполнение его приведут не мешкая.

– В любом случае приговор исполнится, – скривил губы Мьенг. – Ведь обратного билета у меня не будет?

– С чего вы взяли? У вас будет мало шансов. Пять процентов максимум. Но это больше, чем ноль.

– Это ноль с плюсом, – вновь усмехнулся Мьенг. – Ведь моя порция яда и к тому времени не прокиснет.

– Если вы вернетесь, вас амнистируют. Это я вам гарантирую. Но даже если доведется погибнуть, то и в этом есть положительные моменты. Во-первых, это может случиться не сразу, а через год, три, восемь... Прожить даже лишний день – уже подарок, не так ли? А во-вторых, вы погибнете как герой, а не как отброс общества.

Мьенг скривился.

– От громких слов меня тошнит. А я только что пообедал. Не хочу заставлять вас тратить на новую порцию.

Занятия в Центре начались на следующий день. Беседа в ресторане не только не удовлетворила любопытство Мьенга, она его лишь разожгла. К старым вопросам добавились новые. Главные из них: что не дал договорить Штофману Дрожек, и какой смысл куда-то лететь, если шанс на успех столь низок? В обещанные Йозефом Дрожекком пять процентов Мьенг не поверил. Пять десятых процента – еще куда ни шло. И то слишком много. Пусть и пропустил он, оторванный от мира, полтора года, это не тот срок, за который можно разработать и довести до ума нечто принципиально новое. А прямоточный термоядерный двигатель – это не персональный инфомедицентр, модели которых обновляются чуть ли не еженедельно. Так куда же спешить? Не лучше ли потратить еще два-три года на полноценные испытания и доработку? Пусть в данном случае жизнь пилота ничего не стоит, но ведь и сам подобный корабль отнюдь не дешев... В чем же плюсы этой сомнительной гонки?

Ответ на второй вопрос он получил в неожиданной форме. Когда, сопровождаемый все тем же белобрысым Полем, Мьенг вошел в один из кабинетов Центра, он застал там доктора Дрожека и миниатюрную рыжеволосую женщину, похожую на девочку-подростка, в таком же матово-черном комбинезоне, что выдали и ему.

– Зоя Леденец, – представил девушку Дрожек, – ваша напарница.

– Я не люблю сладкое, – сказал Мьенг.

Как все рыжеволосые, женщина покраснела стремительно, превратившись в факел на черном древке.

– Йозеф! Я ведь просила делать ударение на втором слоге!

Сначала Мьенг удивился фамильярности, с какой обратилась девушка к доктору, и лишь затем до него дошел смысл фразы самого Дрожека.

– В каком смысле напарница? – нахмурился он. – Не факт, что полечу я? У меня будет дублер?

– Вы полетите вместе.

– Но почему? Зачем? Я не собираюсь ле...

– Не собираетесь? – выплюнул Дрожек. Яда в его фразе было, пожалуй, не меньше, чем в той ампуле, что до сих пор ждала Мьенга. О чем доктор не преминул напомнить: – Вызывать вертолет?

– Не надо. – Мьенг так стиснул челюсти, что заныли зубы.

Дрожек вновь стал спокоен.

– По-моему, – сказал он, – в присутствии напарницы для вас одни плюсы. Во-первых, вы ведь здоровый мужчина. – Зоино лицо снова вспыхнуло, но доктор не смотрел в ее сторону, словно девушки тут не было вовсе. – Лично я бы не отказался от такой... напарницы. Во-вторых, и это главное, Зоя специалист по той части оборудования, ради которой и затеян полет.

Мьенгу очень захотелось ответить. И не только словами. Ему не нравилось, когда лезли в его лично-интимную сферу. К тому же, девушка ему откровенно не нравилась. Будучи сам под два метра ростом и весивший более центнера, он и друг выбирал исключительно крупных. На мелюзгу, подобную Зое, в качестве сексуальных партнерш он даже не смотрел.

И все-таки его заставила сдержаться оброненная Дрожекком фраза насчет цели полета.

– Что за оборудование? – процедил он.

– Пусть госпожа Леденец, – на сей раз доктор сделал правильное ударение, – сама вам об этом расскажет.

То, что рассказала девушка со сладкой фамилией, оказалось похлеще прямого термоядерника. Оказывается, за последние годы ученым удалось создать установку... мгновенного перемещения. Имелось лишь два значительных «но». Во-первых, передача могла осуществляться не в любое место, а лишь туда, где находился специальный приемник. А во-вторых, передатчик и приемник должны были располагаться на линии «прямой видимости», поскольку они связывались неким аналогом луча, по которому и происходила телепортация. Особенностью «луча» было то, что он соединял передатчик с приемником мгновенно, на каком бы расстоянии друг от друга они не находились.

Мечта человека о звездах переставала быть просто мечтой. Оставалась самая малость: доставить к ним приемопередатчики.

– Но почему... я?... – выдохнул Мьенг, когда опять смог дышать. – При чем здесь гелиоэнергетика?

Теперь заговорил крепыш Поль. Оказывается, он все это время сидел в сторонке и внимательно прислушивался к разговору.

– Гелиоэнергетика здесь очень даже при чем. – Поль встал и одернул свой белый костюм. – Но не совсем та, по которой работали вы. Даже совсем не та.

Мьенга ждало новое потрясение. Научились использовать энергию Солнца... напрямую! То есть, она не преобразовывалась в тепловую, или в электроэнергию, не «надувала» светом солнечные паруса. Она работала в том чистом виде, в котором существовала изначально. Почти в том виде. Она лишь сознательно понижалась с помощью специальных «трансформаторов», так называемых гелидаунов. Именно этой энергией и питались устройства телепортации – передатчик с приемником. Два гелидауна – основной и резервный – были смонтированы на корабле.

Поль кратко описал Мьенгу принцип обуздания звездной энергии, но понял тот мало. В основном еще потому, что мозг просто отказывался соображать под обвалом таких новостей.

Дрожек это заметил.

– На сегодня достаточно. Зоя, проводите напарника.

Мьенг хотел отказаться, но у него вдруг родился вопрос, который он хотел задать девушке без свидетелей.

– Вы сами-то не против лететь со мной? – начал он, когда они оказались одни.

Мьенг хотел спросить о другом, но Зоя ответила так, что главный вопрос отпал сам собой.

– Даже если бы я была против, это бы ничего не меняло. Я в том же положении, что и вы.

– Вы тоже... преступница?!

– Да! – Девушка с вызовом посмотрела на Мьенга. – Я убила человека. Не бойтесь со мной лететь?

– Я убил троих, – скривил губы Мьенг. И вновь стал серьезным. – Но мне показалось, что вы из команды Дрожека...

– Да, я из его команды, – потупилась Зоя. – Я убила не умышленно. Несчастный случай. Но вы ведь знаете законы?

– Умышленное убийство двух и более человек – смертная казнь, одного – пожизненное заключение... Погодите, но неумышленное убийство одного человека – всего лишь тюремное заключение. Большое, но...

– Мне дали двадцать три года. Когда отсижу – мне будет пятьдесят... А тут – такой случай!.. Даже если погибну – не страшно. Я не хочу, чтобы мне... было пятьдесят... – Последнюю фразу Зоя произнесла еле слышно, вновь безудержно краснея. А потом тряхнула рыжей челкой и гордо, будто хвастаясь, заявила: – Зато, если вернусь, мне обещали полную амнистию!

«Совсем девчонка!..» – мысленно вздохнул Мьенг, а вслух произнес:

– Мне тоже.

А потом началась подготовка. Каждый день, с утра до ночи. Доктор Дрожек спешил. Ни для кого из группы не являлось тайной, что именно он собирается стать первым межзвездным «телепортантом». Учитывая, что ему было под шестьдесят, и, если добавить лет девять-десять на доставку приемопередатчика к Альфе Центавра, торопиться ему действительно стоило.

Мьенг легко и быстро выучил «матчасть», знал где и что находится в корабле, как со всем этим управляться – тем более что делать там особо было и нечего, всем управлял мощный и сверхнадежный Информаторий, – но ему туго давалась «новая гелиоэнергетика». Знаний не хватало. Принципы управления солнечной энергией были совсем иными нежели те, по которым когда-то работал он. Но Йозеф Дрожек и курирующий это направление Поль не делали Мьенгу поблажек. Гелидаун, по сути, был сердцем проекта. Выйди из строя основной и резервный – проект можно было хоронить. Равно как и Мьенга с Зоей. Назад им будет уже не вернуться. Ведь как выяснилось, то, что хотел сказать при первой встрече доктор Штофман, тоже касалось гелидаунов. Оказывается, корабль использовал энергию звезды (Солнца или той, куда он направлялся) для разгона и торможения. Но чем дальше от звезды, тем энергии становилось меньше; в любом случае при полете от Солнца, миновав пояса Койпера, следовало переходить на термояд. Но плюсы подобного разгона были очевидны: удавалось достичь почти четверти требуемой скорости.

Так что, как ни крути, а с гелидаунами нужно было найти общий язык. В случае проблем с ними на Информаторий надежды было мало. Не существовало еще опыта эксплуатации этих устройств, статистика возможных неисправностей отсутствовала.

И если поначалу Мьенг недоумевал, зачем вообще на корабле необходимо присутствие человека, то теперь он был вынужден признать его целесообразность. Впрочем, если бы

не спешка, гелидауны можно было обкатать как следует, набрать статистику отказов, научить Информаторий с ними справляться...

Но не Мьенгу было решать, что и как делать. Ему оставалось лишь учиться и выполнять приказы многочисленных начальников и командиров, в чем имелись свои плюсы: Мьенг ненавидел принимать решения.

И сообщение доктора Дрожека о том, что Зоя Леденец будет капитаном «Луча» (так незатейливо назвали корабль), он воспринял с радостью, узрев в том очередной плюс.

«Луч» стартовал с орбиты Луны, когда Мьенг и Зоя пристыковались к нему на стандартном планетолете.

«Солнечный разгон» прошел удачно. Далеко за орбитой Плутона гелидаун отключили и перешли на прямоточный термоядерный двигатель. Все пока осуществлялось по плану. Впереди маячили минимум восемь лет – почти вечность – если не буквальной свободы, то полной независимости от кого бы то ни было. Охранники, начальники и командиры остались далеко на Земле. Зоя была не в счет. С огромным облегчением Мьенг мысленно нарисовал жирный плюс, когда понял, что его командир такая же одиночка по духу, что и он сам. Они могли сутками не показываться друг другу и ничуть не страдали от добровольного уединения. Тем более поводов для обязательных контактов на данном этапе полета попросту не было. Естественные отношения мужчины и женщины, что невольно установились между ними, сводились к чистой физиологии, без какой-либо примеси чувств. Это вполне устраивало обоих.

А через год Зоя призналась, что ждет ребенка. Срок беременности перевалил за шесть месяцев. Опасаясь медицинских осложнений, женщина рассказала все Мьенгу, чтобы предупредить того о вынужденном воздержании.

Воздержание Мьенга не пугало, но его взбесило безрассудство напарницы.

– О чем ты думала?! – орал он на Зою, бледное лицо которой в обрамлении рыжих волос казалось фарфорово-кукольным. – Как ты могла?! Здесь нет нянек, это космический корабль, а не ясли! Почему ты не сделала стерилизацию? Я думал...

– А ты поменьше думай, – процедила женщина. – Мозги целее будут. А о себе и моем ребенке позволь мне думать самой. И не бойся ты так, я и одна справлюсь. А если боишься, что он нас объест...

– Да ничего я не боюсь! – сплюнул Мьенг. – Я просто не могу тебя понять.

– Потому что ты не женщина. А я хочу ею быть.

– Ну и была бы на здоровье. После возвращения.

– А оно будет?

– Но если нет, ты вообще поступаешь... жестоко. Обрекаешь на смерть невинного...

Мьенг уже не кричал, а мямлил, с трудом подбирая слова. Самому стало противно. Он повернулся и, ничего больше не говоря, ушел в свою каюту.

Это была их первая ссора. До самого рождения сына Мьенг не обмолвился с Зоей ни словом.

Еще через год Зоя родила дочку. Если мальчик, хоть и будучи смугленьким, внешне походил на Зою – хрупкое тельце, ангельское личико в обрамлении рыжих кудряшек, – то девочка с первых дней была плотно сбитой, крепенькой, обещая вырасти под стать отцу. А еще она была темно-коричневой, как шоколадка. Мьенг так и стал ее называть. И полюбил столь яркой любовью, что поначалу испугался неведомого доселе чувства. Сына Мьенг тоже любил, но все-таки не испытывал к нему той щемящей нежности, что наполняла его при виде дочери.

Зоя сдержала слово, и поначалу занималась детьми сама. Она даже имена им дала, не посоветовавшись с Мьенгом: Андрей и Елена.

Но постепенно и отец стал уделять детям все больше внимания. Хоть его и тянуло в первую очередь к своей Шоколадке, Андрюша тоже всегда был рядом, поэтому немалая доля отцовской ласки доставалась и ему.

Вот только Зою Мьенг так и не смог полюбить. Она была и оставалась для него хорошей напарницей, удобной соседкой, сносной любовницей, но только не любимой женой. Плюсом в этой ситуации было то, что Зоя тоже его не любила. Во всяком случае, никаких чувств ему не выказывала.

Почти семейную идиллию портило лишь одно обстоятельство. К третьему году полета скорость корабля должна была стать по расчетам крейсерской – равняться половине скорости света. Она же едва составляла треть световой. Плотность межзвездного газа оказалась меньше расчетной. Точнее, она была слишком неравномерной. Порой за миллион километров пути датчики не фиксировали ни одного атома водорода. А бывало, что их становилось два, три, а то и пять на кубический сантиметр.

Это не нравилось ни Мьенгу, ни Зое, но поделаться они ничего не могли. Плюсом было то, что корабль все же летел достаточно быстро, чтобы достичь цели в обозримом будущем; минусом – ограниченные запасы пищи, рассчитанные примерно на десять лет для двух человек. Но экипаж увеличился, и вызывало большое сомнение, что еды хватит на всех до конца пути.

Зоя командирской властью ввела режим жесткой экономии, который, разумеется, не распространялся на детей. Впрочем, она могла бы и не делать этого официально, Мьенг и так ел ровно столько, чтобы хватало сил передвигать ноги. Он сильно похудел и довольно скоро настолько привык к «диете», что почти не испытывал голода, питаясь лишь дважды, а то и один раз в сутки.

Так проходил год за годом. Дети росли, Зоя занималась их воспитанием и образованием, Мьенг от безделья всерьез увлекся наукой. Он решил основательно разобраться в новой гелиоэнергетике и вполне преуспел в этом, благо все материалы имелись в памяти Информатория. Но Мьенг пошел дальше. Он рассчитал режимы работы гелидауна не только для понижения, как следовало из названия, но и для увеличения звездной энергии. Имея необходимое оборудование, он бы попытался запустить солнечный двигатель прямо сейчас, на расстоянии около светового года до цели.

А цель все равно приближалась. Проведя доскональную ревизию запасов и рассчитав оставшееся время пути, Мьенг и Зоя пришли к выводу, что до Альфы Центавра еды им все-таки хватит. Воду же они использовали только регенерируемую, оставив небольшие запасы «настоящей» земной воды на крайний случай – если откажет система регенерации.

Прошло четырнадцать лет после старта. Оборудование не отказало. Еды хватило. Дети стали почти взрослыми.

Однажды в дверь каюты Мьенга постучали. Сердце его тревожно дрогнуло. Увидев за дверью улыбающиеся лица детей и Зои, Мьенг растерялся. Но торт в руках дочери, вместо крема жиденько присыпанный сахарной пудрой, сразу расставил все по местам. Это был пятидесятый день рождения Мьенга.

Он принял от Шоколадки подарок, и та чуть не выбила его из рук, повиснув на отцовской шее.

- С днем рождения, папочка!
- Поздравляю, – улыбнулся Андрей.

– С юбилеем, – чмокнула в щеку Зоя. А потом, отчего-то вдруг побледнев, сказала: – У меня есть еще один подарок... Пойдем.

Она привела его в капитанскую рубку и ткнула в обзорный экран:

– Это тебе от меня.

На экране горел алый рубин с горошину величиной.

– Что это? – заморгал изумленный Мьенг.

– Проксима Центавра. До нашей цели – две десятых световых года. – Зоя показала на яркую точку в середине экрана. Увеличила изображение, и Мьенг увидел, что точек стало две. – Вот они, А и Б Альфы Центавра... Мы почти прилетели.

У звезды А двойной системы Альфа Центавра, так похожей на Солнце, имелись планеты. На второй из них, желтой от обилия песчаных пустынь, в атмосфере оказался кислород в достаточном для свободного дыхания количестве. На ней был небольшой океан, к нему текли реки. Анализатор показал присутствие растительности и прочей органики. Все говорило о том, что на этой планете можно было жить!

– Может, ну его, этого Дрожека? – не отрывая глаз от экрана, сказал Мьенг. – Взорвем к чертям эту лоханку, спустимся туда и забудем всех и все.

– Мы так и сделаем, – ответила Зоя. Мьенг изумленно обернулся и не узнал напарницу. Зоя была пугающе бледной. Посиневшие губы едва шевелились, но Мьенг разобрал донесшийся из них шепот: – Это единственный выход...

– Что с тобой?..

Ноги Мьенга стали вдруг ватными, занемел язык, льдом сковало сердце. Словно он захотел умереть, прежде чем услышит ответ. Он был уверен, что не найдет в нем ни одного плюса.

С Зоей произошла резкая метаморфоза. Кровь внезапно прилила к ее лицу, и из мертвенно-белого оно стало багровым, словно подаренная недавно Мьенгу Проксима.

Зоя сжала подлокотники кресла и заговорила, будто повторяя давно заученный текст – монотонно и нудно. Если не вникать в смысл ее слов, легко можно было заснуть под их убаюкивающий тихий шелест. Но не вникать в него Мьенг не мог, как бы он этого ни хотел...

Для телепортации, открытой Йозефом Дрожеком, кроме приемника и передатчика, нужен был еще объект, содержащий те же молекулы вещества, в количестве, не меньшем, что и у перемещаемого тела. По сути, вещество в приемнике при помощи информационного луча, которым становился передаваемый предмет, попросту перекомпоновывалось, приобретая свойства и связи молекул источника. И таким принимающим объектом должен был стать Мьенг. Дрожек просто не оставил Зое выбора. Особенно теперь, когда у нее были дети. Оказывается, помимо «вещественного» луча, приемопередатчики могли связываться и сугубо информационно, чем с самого начала полета и пользовалась Зоя для контактов с Дрожеком. Связь была мгновенной, лишь одно это уже делало изобретение доктора гениальным. Но ему было этого мало. Заполучив звезды, он хотел получить в придачу власть над миром, и ради этой цели не останавливался ни перед чем. Первые опыты показали, что для передачи человека не подходил в качестве принимающего объекта простой набор нужных молекул – например, куски мяса с костями. Не годились и животные в добром здравии. Человек оказался чем-то большим, нежели просто «суповой набор». Видимо, душа все-таки существовала, и для изготовления дубликата нужна была оригинальная матрица. Это знание досталось Зое дорогой ценой – ведь именно так она и «убила» первого добровольца, которым был ее муж, также ученый команды Дрожека. После этого доктор стал проводить опыты над заключенными-смертниками, а сама Зоя оказалась преступницей, поскольку официального разрешения на проведение того эксперимента не имела.

Йозеф Дрожек обещал ей полную амнистию после окончания межзвездного проекта. Он гарантировал ей возвращение. Разумеется, для этого кто-то опять должен был заплатить жизнью, чтобы отдать ей молекулы своего тела. Но узнав, что у Зои родились дети, Дрожек заявил, что насчет них договора не было. Возможно, он так лишь жестоко шутил. Может, хотел получить удовольствие от Зоиногo унижения, когда она будет целовать ему ноги, вымаливая детям жизнь. Но рисковать Зоя не хотела. Как не хотела жертвовать чужими жизнями ради спасения себя и детей.

– Он ждет, – закончила свою речь напарница Мьенга, мать его детей, его любовница и... предательница, – он очень ждет! Мне кажется, последнее время он не выходит из камеры передатчика в ожидании сигнала. Давай взорвем корабль, чтобы не было искушения, обрубим концы и начнем новую жизнь...

– В твоём предложении столько плюсов, – растянул Мьенг губы, – что от него трудно отказаться. Иди, собери детей и погрузи в планетолет все необходимое. А я подготовлю корабль к взрыву.

Взорвать корабль было очень легко – достаточно убрать понижение энергии при работе гелидауна. Мощь звезды испарит корабль за мгновение. Нужно лишь сделать так, чтобы это произошло в нужный момент. Например, при открытии камеры телепортации изнутри...

Для Мьенга это было пустяковой задачей.

– Поднимайся, мы готовы, – помахала ему из люка планетолета Зоя. Рядом стояли Андрей и Елена.

– Поднимайся, папа, – позвала его дочка.

– Прости, Шоколадка. – Мьенг достал дистанционный пульт Информатория и пробежал по сенсорам пальцем. Люк планетолета стал закрываться. – Андрей, береги их! Ты мужчина, я верю в тебя.

Зоя рванулась к створке люка, словно хотела удержать его руками, но в любом случае было уже поздно.

– Прости!.. – успела лишь крикнуть она.

Подождав для верности, чтобы пассажиры успели занять кресла, Мьенг выдал с пульта команду закрытия шлюза, а после – на отстрел планетолета.

На встроенном рядом со шлюзовым люком экране он видел, как отдаляется от «Луча» маленький кораблик, как блеснули пламенем дюзы... Планетолет не стал возвращаться, он взял курс на планету.

– Молодец, Леденец, – сделал «неправильное» ударение Мьенг. – Поняла.

Он торопился к камере телепортации, будто там его ждал главный приз жизни. То, о чем он мечтал, чего добивался. Таким призом могла быть свобода... Но почему «могла»? Она и будет. Свобода от всего. А заодно он сделает мир чуточку светлее и чище.

Мьенг поморщился. Он не любил громких слов. Даже произнесенные мысленно, они вызывали тошноту.

Вот и дверь в камеру. В камеру!.. Мьенг мотнул головой. Круг замкнулся. От судьбы не уйдешь.

Он шагнул за порог. Сзади щелкнула запорами дверь. Мьенг прошел к пульту и приложил ладонь к сенсору.

– Голосовая идентификация. Назовите ваше имя.

Информаторий лишен эмоций, словно тюремный охранник. Четырнадцати лет будто и не было. Прошлое настигло Мьенга. Руки сами потянулись за спину.

– Мьенг Кипрус Мьянга.

Раздалось слабое гудение, сиренево замерцал круг рабочей зоны. Запахло озоном.

– Встаньте в центр круга.

– Ты должен был сказать: на выход, – хрипло выдавил Мьенг, становясь в центр мерцающей зоны.

– Неверная команда, – бесстрастно откликнулся Информаторий. – Выход заблокирован. Осуществляется генерация луча. Выхода нет.

– Ошибаешься, железяка. Выход всегда есть. Другое дело, какой. Но в любом – свои плюсы.

Бобик по кличке Жучка

Семен вжался в рыжий песок, пытаясь сильнее в него зарыться. В промежуток между двух бурых валунов просматривался приличный участок блекло-оранжевой пустыни. Одно-тонный пейзаж несколько разбавляли многочисленные вкрапления красно-коричневых камней. Здесь все было выдержано в «теплой» цветовой гамме. Даже небо отливало грязно-розовым.

«Как на Марсе», – вынырнула откуда-то непонятная мысль. Подобные странные, ни на что не похожие мысли посещали Семена частенько. Случалось, и бронебойный лучер, ствол которого он как раз просовывал сейчас между камней, называл про себя «пэтээрм». Бессмысленное словечко, глупее не придумаешь! Но придумалось вот... Или залги, эти злобные твари, тошнотворные уроды, которые лезут и лезут, словно тараканы (а вот и еще один подарок подкорки!) – откуда они и берутся в таком количестве? Их Семену все время почему-то хочется назвать «чехами». Тьфу! Слово хоть и непонятное, но для залгов слишком уж красивое. Сколько ребят полегло от этой нечисти!

Ничего, скоро мы им покажем! Пополнение наконец-то прибыло. Желторотики, конечно, щенки сопливые, но это дело поправимое. Сержанты свою работу знают! А после первого же боя те, кто уцелеют, уже совсем другими станут...

Размышления Семена отвлекло движение у самой линии горизонта. Сменив фокусное расстояние огромных, по-жабьи (опять словечко выскочило) выпуклых очков, он выбрал нужное увеличение и весь обратился в зрение.

По пустыне, дымя рыжей пылью, стремительно плыли желтые «табакерки». Это слово отдавало тоже чем-то неуловимо-знакомым, но главное – так назывались бронемшины залгов. Быстрые, мощные, поражающие лучом и живую силу, и бронетехнику почти на любой дальности. В принципе, луч бил абсолютно на любое расстояние, но чем оно дальше – тем, понятно, больше и рассеивание луча. Километров за пять его диаметр становился уже с человеческую голову, таким борт бронемшины не прожжешь, зато «голового» бойца в простом пехотном панцире поджарить можно за милую душу!

Семен насчитал шестнадцать движущихся целей. А их здесь, вместе с господином поручиком, двадцать шесть. Негусто. Но если бить прицельно, а самое главное – не паниковать и подпустить врага поближе, то справиться можно. Да что там «можно», нужно справиться! Не за что-нибудь бьемся – за Родину! За нее и умереть не страшно.

– Я – второй. Вижу цель, – сказал Семен в общезвонном диапазоне ровным, как на учениях, голосом. – Шестнадцать «табакерок». Дальность от двух до двух с половиной. Интервал сто – сто пятьдесят.

– Понял, старшина, – откликнулся поручик Иваневич. И отдал приказ командирам отделений: – Сержанты, готовность к бою! – А потом добавил, уже на личной волне Семена: – Не трус, старшина! Будем биться до подхода наших бронетанков. Пусть пока гады думают, что мы без прикрытия. Ну, с богом!

Семен облегченно вздохнул. Про бронетанки он не знал. Думал, что их взвод кинули сюда целенаправленно, драться до конца. Ведь с бронетехникой сейчас проблема – сколько еще направлений, где ломаются сквозь наши заслоны банды «чехов»! Говорят, что уже у самой столицы... Впрочем, тс-с-с! Треплом не стоит быть никогда, даже самому с собой наедине.

Старшина на миг оторвался от наблюдения и перевел взгляд в сторону. Вон, из-за линии горизонта, над самыми облаками возвышается ажурное плетение башни... А за ней начинается город. Его город. И защитить его надо во что бы то ни стало! Ценой крови, ценой жизни, но защитить.

«Табакерки» приближались. Ладони в армированных крагах, превращающих пальцы в цепкие когти, вспотели. Семен взял в прицел крайнюю слева машину и доложил по взводу: «Я – второй. Беру первую слева!» Он имел право выбора. Он – замкомвзвода и вправе принимать решение самостоятельно. Лишь господин поручик мог сейчас запретить ему что-либо делать.

Бронемашина залгов приблизилась на сто десять метров. Можно стрелять. Но Семен привык действовать наверняка. Он решил подождать. Немного.

Сто... Девяносто пять... Девяносто... Восемьдесят восемь... Огонь! Луч фукнул из ствола, обдав лицо жаром сквозь вентиляционные отверстия маски. Заплясал по желтой броне малиновым пятнышком. Попадание есть, но надо держать луч в одной точке хотя бы пару-другую секунд. Ручные лучеры не прошибают лобовую броню мгновенно. Самое главное, чтобы за эти секунды по наводке твоего же луча не шарахнули с «табакерки». Там уж достаточно будет мгновения, чтобы расплавилась кираса – в общем-то чисто декоративная защита, титановый панцирь, спасающий разве что от удара булыжником. Зато эти панцири у них красные, как сама кровь, которую проливают они за свободу Родины. А у мерзких ублюдков и панцири мерзкие – желтые, словно детский понос. Наверное, специально, чтобы не видно было, когда обдрищутся.

Семен отсчитал уже пять... шесть секунд, удерживая зайчик луча в одной точке, но «табакерка» все перла и перла вперед, не собираясь дыривиться.

«Что за черт? – подумал Семен. – Усиленная броня?» И как раз в этот момент металл бронемашины побагровел, лобовая плита вогнулась, словно пластилиновая, а потом прорвалась вовнутрь расплавленным потоком. Семен целил под самый ствол «табакерки», где за броней находился лучевой генератор. От огромной температуры тот должен был взорваться, разнеся по пустыне жидкометаллические капли – все, что осталось бы от вражеского танка. Но он почему-то не взорвался...

«Новые сюрпризы! – нахмурился Семен. – Ну, ничего!» А продырявленная «табакерка» продолжала двигаться. До нее оставалось уже тридцать два метра. «Ничего, – повторил старшина. – Легче целиться!» И вдарил новым лучом в проделанное им же отверстие.

Бронемашина дернулась и заглохла. Внутри нее зашипело, заплелалось сквозь «рану» огнем. Повалил густой дым. Так и не взорвавшаяся «табакерка» перестала, тем не менее, быть боевой единицей. Что и требовалось.

Увлеченный нелегкой победой, Семен потерял общую картину боя. Между тем почти все «табакерки» находились уже в зоне доступного огня. Но и сами они не собирались играть роль мишеней, начиная плеваться шипящими лучами. Соседнюю же с «семенной» бронемашину уже поливали из лучеров сразу двое бойцов. Но у них, видимо, не достало выдержки подержать луч дольше чем обычно, и расстояние между ними и «табакеркой» неумолимо сокращалось.

– Мать твою!.. – ахнул Семен, увидев наконец, что товарищи не справляются и вот-вот погибнут. Он быстро перевел ствол на новую цель, шепча: «Не успею, не успею!» И не успел. Из «табакерки» резанул луч. Только не по стреляющим солдатам, а в его, Семена, сторону. Он успел лишь заметить, как взметнулся красивыми брызгами прикрывавший его булыжник, и сразу все потухло.

Открывать глаза очень-очень не хотелось. Но когда Семен все же сделал это, то увидел над собой низкий серый потолок.

– Очнулся ваш герой, – послышался смутно знакомый голос.

– Он может говорить? – спросил кто-то еще более знакомый.

- Не то что говорить – хоть снова под танки! – хохотнул первый.
Над Семеном склонилась голова поручика.
– Ну что, боец-молодец? Как себя чувствуешь?
– Господин поручик! – попытался вскочить Семен, но рука Иваневича легла ему на плечо:
– Лежи, лежи! Теперь можно полежать денек-другой.
– Как бой? – заволновался старшина. – Мы победили?
Господин поручик смущенно крикнул.
– Мы не проиграли, – сказал он. – Отступили на занимаемые ранее позиции.
– Как отступили?.. А залги? Мы раздолбали «табакерки»?
– Не все, – осторожно ответил комвзвода. – Собственно, ты подбил единственную бронемашину.
– Как?! – все же подскочил Семен. – Почему?!
– Что-то проклятые залги придумали. Броня стала крепче, генераторы дополнительно защитили...
– А наши бронетанки? Они тоже не смогли с ними справиться?
Иваневич посуровел.
– Бронетанки были заняты другой важной задачей. Все, герой, хватит вопросов, отдыхай.
– Но залги, – не унимался старшина, – они где? Почему вы говорите, что у нас есть время на отдых?
– Залги заняли нашу прежнюю позицию. Укрепляются. Подтягивают свежие силы. Разведка донесла... Собственно, это не твоего ума дело! – Похоже, поручик все-таки рассердился. – Все, отдыхай! Документы на твое награждение переданы в штаб. – Козырнув, он покинул палату.

Семен опустил на койку. Значит, он в лазарете. Живой, выходит, остался. Повезло!.. Он зло сплюнул.

- Но-но, хорош плевать! – донеслось сбоку. Тот самый первый голос, смутно знакомый.
Старшина скосил глаза. А-а, фельдшер! Как его... Тимирязев? Мечников?..
– Ты кто такой, чтобы мне тут указывать? – нарочито строго спросил Семен.
– Я – замначальника полевого лазарета, старший сержант Мичурин, – с ехидцей ответил фельдшер. – А поскольку начальник сейчас на операциях, то я и вовсе тут главный. Так что лежи и не плюйся!
– На операциях, говоришь? – смягчил тон старшина. – Что, много наших ранило?
– Да нет, не много, – пожал плечами Мичурин. – С тобой – четверых.
Семен собрался было облегченно вздохнуть, но фельдшер добавил:
– Еще трое целехоньки, считая господина поручика...
– А остальные?! – подпрыгнул Семен, сжимая кулаки.
Фельдшер повернулся и молча вышел из палаты.

И потекли тягучие, серые, несмотря на «веселый» оранжевый пейзаж, дни. Да не один, не два, как сказал поручик Иваневич, а и три, и четыре, и пять... Обе стороны укреплялись, подтягивали новые силы, восстанавливали надорванные. По донесениям разведки, на данный момент наступило определенное равновесие, когда ни тем, ни другим не хотелось рисковать. И те, и другие чего-то выжидали, чего именно – ведомо только высшему командованию.

Преимущество «наших» заключалось, пожалуй, лишь в том, что они, как объявил старшине господин поручик, «отступили на занимаемые ранее позиции». На этих позициях полк стоял уже очень давно, успев как следует обустроиться. Помимо капитальных защитных сооружений, – рвов, проволочных и земляных укреплений, наблюдательных и огневых точек – был неплохо продуман и быт. Для господ офицеров и унтеров даже были выстроены капитальные каменные общежития. Солдаты жили хоть и в палатках, но тоже довольно комфортабельных: теплых, четырехместных, обложенных почти на полметра дерном, привезенным из ближайшего оазиса. Имелась и баня – просторная, светлая, хоть и с каменкой вместо нормальной печи.

Но Семену все равно было тоскливо. Враг – вот он, почти доплюнуть можно, а они сидят тут, чай гоняют, в бане парятся!..

Семен жил в одном помещении с сержантами взвода. Двое из них, Серега и Димка, вернулись из последнего боя живыми – Димке лишь срезало осколком камня правое ухо, да посекло крошкой лицо, поскольку шлем с маской ему сорвало мгновением раньше. А вот третьему сержанту, Тимохе, не повезло. Как и еще восемнадцати бойцам... Теперь место Тимохи занял огненно-рыжий, веснушчатый и лопухий Стас – недавний ефрейтор, один из солдат, что поливали ту самую «табакерку», с которой Семену пришлось познакомиться близко. Стас, в принципе, был неплохим парнем, просто еще не привык быть своим в кругу сержантов. Стеснялся пока. Но это быстро проходит на войне. Если еще быстрее не убьют.

Скучными, выматывающими бездействием вечерами не оставалось ничего другого, как заниматься добротным мужским трепом, начиная, как водится, с баб, а заканчивая устройством блока юстировки нового плазменного генератора тяжелого бронетанка. В промежутки между этими крайне важными темами попадало все остальное: недосол сегодняшнего борща, чирей на заднице командира роты (отчего тот не может вторые сутки усидеть на месте, гоняя заодно и всех остальных), ну и, конечно же, вонючие залги, не облить которых лишним раз дерьмом было бы не только непатриотично, но даже преступно.

Стас, новоиспеченный сержант, как раз и открыл в тот вечер данную тему. Сидел-сидел в уголке на койке, молчал-молчал, а потом, набравшись смелости, вдруг взял да и ляпнул:

– А залги точно на нас не похожи? Вблизи их кто-нибудь видел когда?

Все враз замолчали и посмотрели на Стаса так, будто и впрямь увидели залга. И загалдели тоже одновременно:

– Ты что, идиот? Кто ж на них станет смотреть? Не проблюешься потом неделю!

– Похожи на нас?! Да они и на тебя не похожи, хоть ты и тоже урод – с такими вопросами!

– Бляха муха, да ты врубаешься-нет, че спросил?! А ну-ка, пойдём – выйдем!

Семен, как старший по званию и по должности понял, что пора вмешаться. Встал и вмазал кулаком по столу. Так что стаканы с чаем подпрыгнули.

– Ма-а-алчать!!!

Потом повернулся к побледневшему – аж веснушки стерлись! – Стасу и ласково так, нараспев, сказал:

– Гаспа-ади-ин сержа-ант! Объясня-аю в пе-ервый и после-едний ра-аз... – Потом перешел на резкий, жесткий, рубленый тон, повышая громкость по экспоненте: – Залги – мразь! Дерьмо! Ублюдки! Не смотреть – их надо бить, давить, жечь! Клешни – рвать! Жвала – дробить!... Топтать, топтать, топтать!!! – Семен выплюнул последние слова в лицо несчастному сержанту и впрямь затопал коваными сапожищами, побагровел, затряс кулаками. Он аж задохнулся от гнева и омерзения, из глаз брызнули слезы. Потом замер, зажмурился, прижал кулаки к ушам и затряс головой, приходя в себя. Отдышался, сел и добавил совсем тихо: – Залги – это враги, сынок. И чтобы я больше такого не слышал.

Все понуро молчали. У бедного Стаса пылали оттопыренные уши. Да и лицо уже не отличалось цветом от волос.

«Черт, что со мной? – подумал Семен. – Надо же как сорвался! Первый раз со мной такое... Последствия недавнего боя, контузия? Но я ведь и раньше бывал в передрягах, еще и похлеще...» Он задумался вдруг, вспоминая. Но ничего, кроме последнего боя, вспомнить почему-то не смог. Нет, что-то мелькало в голове, какие-то обрывочные картинки: он бежит, кричит, стреляет из лучера... Или не из лучера... Из «акаэм»? Что такое «акаэм»? Пистолетная ручка, магазины, скрученные синей изолентой... Какие «магазины»? Что за «изолента»? Падает Сашка – у него нету пол черепа... Бородатое лицо «чеха», рядом, близко – глаза в глаза... Кто кого? Кто быстрее? Семен оказался быстрее... Тогда – да. А потом? А еще? Новая картинка: желтые панцири в ряд, фасеточные глаза, лучеры наперевес, не бегут – спокойно шагают, уверенно, нагло!.. По его родной земле, по улицам любимого города... Хватают мать, сестренку, слышится чавканье жвал, щелканье клешней... Кровь, кровь, красное на желтом... Мразь, мерзость! Там где прошли – пустыня, покрытая липкой слизью... И снова Сашка, живой, веселый, в бандане цвета хаки на целом еще черепе. Тянет руку: «Оставь затынаться!»

Семен снова прижал к ушам кулаки, замотал головой, отгоняя видения. «Контузия, контузия!.. Это она. Завтра же покажусь Вавилову... тьфу, Мичурину! Нет, лучше самому доктору... А сейчас – пойти подышать, остыть, развеяться!..»

Старшина поднялся, надел легкую кирасу, маску – без них вне помещений находиться запрещалось категорически. Буркнул: «Прогуляюсь!» и, не глядя на примолкших сержантов, вышел.

На свежем воздухе ему и впрямь полегчало. Вечер был потрясающе красив – на востоке небо уже было усыпано яркими звездами, а западная его часть играла в стиле «Deer Purple» – от сочного, малинового пурпура у горизонта до самого настоящего, «глубокого», ближе к зениту.

А вот «Deer Purple» он вдруг отчетливо вспомнил! Даже зазвучала в ушах мелодия и завертелась на языке строчка: «I guess I'll always be a soldier of fortune».

Но допеть Семену помешали, он сразу забыл, о чем только что вспомнил... Со стороны солдатских палаток послышался дружный гогот.

«Резвятся солдатушки, бравы ребятушки!» – усмехнулся старшина и двинул в ту сторону – неплохо бы и самому повеселиться. Подошел тихо, незаметно, не хотелось своим появлением смущать солдат. Остановился в тени крайней палатки, выглянул. На освещенной тусклыми лампочками площадке собрались все бойцы взвода. Сбились в круг, машут руками, хохочут, а чего хохочут – не понять.

Пришлось Семену все же выйти из тени, подойти к ребятам. А они так увлеклись, что на старшину и внимания не обратили. «Надо будет дневальному всыпать, – не зло ругнулся под нос старшина. – Так и залгов прохочут!» Раздвинул руками крайних, протиснулся к центру круга. А там...

Он не сразу и понял, что это такое. Сарделька какая-то чешуйчатая о шести лапах! Длинная – с ногу, и толщиной такая же. Пасть зубастая, крокодиля, глазки маленькие, зеленым огнем светятся... И рядовой Красиков по кличке Карасик (вот кличку дали, а что она означает – никто не знает) над крокодилей мордой сосиской машет. А солдаты орут: «Пляши, Бобик, пляши!» И чудо-юдо правда пляшет! Прыгает, повизгивает, лапками коротенькими дергает. Смешно, и впрямь смешно.

Красиков сосиску уродцу скормил, другую достает. «А теперь пой!» – говорит. И «Бобик» этот как завоет! Тоненько, жалобно, прям рулады выводит. Солдаты ржут, чуть

уже не в лежку лежат. Тут Семен и дневального увидел – тоже вместе со всеми регочет, с лучером в обнимку! Тут уж старшина не выдержал, гаркнул:

– Взво-о-од! Смир-р-рна-а!!!

Солдаты подскочили, вытянулись во фрунт, дневальный покачнулся, дернулся было к «грибку» бежать, одумался, замер... А Карасик не знает, куда сосиску девать – карманов в кирасе нету. Догадался – маску приподнял, сосиску в рот сунул. Куда чудо-юдо делось – Семен и не заметил.

– Это что за балаган? – придал он голосу строгости, чтобы не рассмеяться от всей этой картины. Да и не на что особо было сердиться, на дневального разве что. Этот-то точно свое получит. – Рядовой Красиков, чем занимаетесь во время отбоя?

Карасик не успел прожевать сосиску, но сделал героическое усилие и проглотил ее целиком, отчего голос его стал натужным и сиплым.

– Разрешите доложить, господин старшина, еще не время отбоя...

– Отставить пререкания со старшим по званию! Отвечать на вопрос!

Сосиска, видимо, благополучно покинула пищевод Красикова, отчего тот заметно приободрился, откашлялся и бодро выпалил:

– Занимаемся кормлением собаки, господин старшина!

– Чего-чего? – забыл об уставных командах Семен. – Кого-кого кормлением?..

– Собаки, господин старшина! Бобика.

– Что еще за «собака»? Почему «собака»?

– Не могу знать, господин старшина! Так само назвалось. Похоже просто.

– На что похоже? На собаку? А вы знаете, что это такое?

– Никак нет, – не по-уставному развел руками солдат. – Но должно ведь животное как-то называться... Она уж третий день, как к нам прибилась. Он, то есть. Или оно...

– Ладно, – хмыкнул Семен. – И где эта ваша собака? Покажите своего Бобика, я тоже хочу посмеяться.

– Бобик, Бобик! Сюда! Фью-ю-у! – засвистел Карасик. Бойцы завертели головами, кто-то еще негромко свистнул.

– Да вот же он! – ткнул за палатки пальцем долговязый солдат.

Семен посмотрел в ту сторону. В неверном свете догорающей «диппёпловской» зари смутно виднелся длинный силуэт с изумрудинками глаз.

– Бобик! Фьють-фьють-фьють! – обрадовались солдаты. – Давай сюда!

Но «собака» со всех шести ног рванула вдруг совсем не «сюда», а, напротив, «отсюда». Дополнительное внимание со стороны среднего командного состава показалось ей, видимо, излишним. А может быть, солдатского ора испугалась.

Несмотря на свой маленький рост, Бобик ловко перемахнул через все заграждения и слился с ночной темнотой пустыни.

– Куда же он побежал-то? – испуганно ойкнул кто-то.

– К залгам, мать их!..

– Они ж его, Бобика... – начал рядовой Красиков и замолчал. Остальные солдаты, опустив головы, тоже примолкли.

Семен лег спать в отвратительном настроении. Мало того, что перед сержантами концерт устроил, так еще и собаку угробил. По его ведь вине Бобик к неприятелю драпанул, чего уж перед собой-то юлить...

Спал старшина плохо. Снились залги, рвущие на куски кривыми острыми клешнями длинную живую сардельку. Рядовой Красиков качал головой и приговаривал: «Эх, господин старшина, разрешите доложить – вы скотина!» «Да знаю я, знаю!» – хотел ответить Семен, но вместо Карасика перед ним уже стоял Сашка в любимой своей бандане и, затягиваясь

хабариком, шурился: «Что, и здесь „чехи“ достали?» «Я сам себя достал, Саня», – отвечал Семен другу.

К доктору он так и не пошел. И даже дневального за вчерашнее не стал наказывать. Зато вечером его снова потянуло к солдатским палаткам.

Еще на подходе он услышал возбужденный радостный гомон. Сердце прыгнуло к горлу. Неужто вернулся, крокодил собачачий?

Семен прибавил шагу и застал почти вчерашнюю сцену: тот же круг солдат на том же месте, только дневальный на сей раз стоит, где ему и положено – под «грибком», но шею тянет, паразит!.. Заметил старшину, собрался гаркнуть: «Смирно!», но Семен его опередил, погрозил кулаком

Теперь уж старшина подошел и вовсе осторожно – боялся спугнуть Бобика. Шепнул на ухо крайнему бойцу:

– Вернулся?

– Так точно, господин старшина, вернулся, – тоже шепотом ответил солдат.

Стоявшие рядом услышали «старшину», заоборачивались, расступились. Снова оказался Семен перед Бобиком и рядовым Красиковым. Только в руках у Карасика была теперь не сосиска, хоть и тоже что-то длинное. А поза солдата выражала крайнюю озабоченность. Да и все остальные, хоть и радовались возвращению друга, но никто не смеялся как вчера.

– Что там, Красиков? – негромко спросил Семен.

– Разрешите доложить... – вытянулся солдат.

– Отставить, – перебил старшина. – Говори нормально, разрешаю.

– Так это, вернулся наш Бобик! – начал Карасик. – Жив, здоров.

– Значит, не добежал до залгов, – кивнул Семен. – Молодец!

– Да нет, как раз добежал... – отчего-то замялся Красиков. – Вот! – Он протянул старшине то, что держал в руке.

Это был лист бумаги, свернутый в трубочку. Изрядно помятый, к тому же, и грязный.

– Что это? – Семен брезгливо дернул носом, благо под маской его мимики все равно никто не мог увидеть. – Чего это ты мне суешь? – Взять в руки грязную бумажку он даже не подумал.

– Так это... – затряс трубочкой рядовой Карасик. – На шее у Бобика было привязано. Письмо от залгов...

– Что-о?! – Забыв о брезгливости, старшина выдернул из рук солдата бумагу. – А ну, расступись от света!

Солдаты зашевелились, освобождая путь слабым лучам сороковаттной лампочки.

– Там пишут... – начал было Красиков, но Семен резко его оборвал:

– Я умею читать!

Развернув мятый листок, он уставился в неровные строчки. Их было не так и много; Семен уже пробежал коротенький текст пару раз глазами, но смысл написанного все еще не доходил до него...

«Грязные, подлые олроги! Убирайтесь, пока не поздно, в свои вонючие болота, красные жабы! Оставьте в покое наш город! Все равно вам его не видать! Идите прочь, лупоглазые уроды, пока вы еще не захлебнулись своей кровью и слизью!» – говорилось в письме. А ниже, уже другим, не менее корявым почерком, была сделана приписка: «Если тронете Жучку, будете жрать свое дерьмо, запивая мочой, или что там у вас вместо них!» Еще ниже стояла подпись: «Защитники Родины».

До старшины дошел наконец смысл написанного. Вернее, не смысл даже, – его понимать рассудок отказывался – а осознание того, что эти слова и фразы предназначались им... Им – славным солдатам, бесстрашным, самоотверженным бойцам, патриотам Родины, не жалеющим жизни!..

Семен почувствовал, что начинает входить во вчерашнее состояние. Еще немного, и он бы снова начал визжать, брызгать слюной, размахивать руками... Собрал всю свою волю в кулак он глубоко вдохнул. Еще. Еще раз... Красная пелена перед глазами немного рассеялась.

– Кто это писал? – Старшина кончиками пальцев, за уголок, словно использованный пипифакс, поднял листок. Голос его хоть и звучал ровно и тихо, но явно не предвещал ничего хорошего.

– Так это... – промямлил рядовой Красиков. – Залги же...

– Залги?! – зловеще переспросил Семен. – Ты хочешь сказать, что эти вонючие насекомые умеют писать по-нашему?

– Так ведь... Вот!.. – выдохнул Карасик, кивнув на письмо, дрожавшее в пальцах командира.

– А мне кажется, – зашипел старшина, – что среди нас завелся шпион, провокатор, изменник!.. – Он затряс листком, а потом судорожно начал рвать его на мелкие куски. Лишь когда от письма не осталось кусочка крупнее копеечной монеты (что это такое он прекрасно сейчас помнил), Семен мысленно выругался. Ведь подлеца, точнее – двух подлецов, было бы так просто вычислить по почерку! Но дело сделано, гнусные обрывки уже уносил легкий ночной ветерок.

– Кто? Это? Написал? – вырубил Семен три слова-льдинки из окружавшей его ледяной тишины.

– Господин старшина! – взмолился все тот же Карасик. – Ну это точно залги! Почему по-нашему – не знаю, видать, учат их специально, чтобы нам досаждают... Только они это, точно! Бобик с той стороны прибежал!

У Семена в мозгу словно вдруг что-то щелкнуло. Гнев неожиданно прошел, зато появилась отличная идея.

– Рядовой! – хлопнул он по плечу стоявшего рядом солдата. – Боевой шлем! Живо!

– Слушаюсь! – козырнул солдат и нырнул в ближайшую палатку.

– Эй! Только не мой! – завопил кто-то, но на него зашикали со всех сторон, и снова стало очень тихо. Слышалось лишь шумное дыхание замершего в центре людского полукруга Бобика.

Из палатки выскочил солдат. Семен взял у него шлем, перевернул, сунул внутрь руку и, повозившись немного, достал гарнитуру ближней радиосвязи.

– Держи собаку! – приказал он Карасику.

Тот опустил на корточки, погладил Бобика по зубастой голове и взялся за передние лапы. Старшина подошел к шестилапому уродцу и застегнул на чешуйчатой шее наушники. Отвел кверху микрофон, чтобы животное не смогло дотянуться до него лапой, и скомандовал Красикову:

– Отпускай!

Едва рядовой разжал руки, Семен хлопнул в ладоши, свистнул, заулюлюкал. Бобик вздрогнул, присел, испуганно сверкнул зелеными огоньками и помчался, как и прошлым вечером, в сторону черной пустыни, перепрыгивая через все заграждения.

Бойцы повернули в сторону командира маски. Но задать висевший на языках вопрос первым никто не осмелился. Старшина хмыкнул.

– Сейчас мы узнаем, кто написал эту... порнографию! Еще шлем!

Давешний рядовой снова прыгнул в палатку и уже через пару-тройку секунд протягивал боевой шлем Семену. Тот, понимая, что солдат заест любопытство, не стал надевать устройство, а лишь выдвинул наружу микрофон и настроил на максимальную громкость наушники. В них сразу послышалось шумное дыхание «собаки» и топот ее коротких лап.

Вскоре раздалась и отдаленные выкрики. Бобик совсем по-собачьи тьякнул. Голоса приблизились. То есть, скорее, это Бобик приблизился к ним. Совершенно отчетливо прозвучало: «Жучка! Жучка, Жучка, фьють-фьють-фьють!»

Столпившиеся вокруг старшины солдаты зашевелились, кто-то шепнул:

– Это кто Жучка? Это Бобик – Жучка? Вот уроды...

Парню пихнули локтем под ребра, и тот прикусил язык. Все еще ниже склонились к шлему. Задние отчаянно тянули шеи.

«Ребята, Жучка вернулась!» – послышалось из наушников. Семен начал расплываться в торжествующей улыбке, хоть веселиться как раз повода не было. В полку – предатель, и даже не один. Он оказался прав, никакие это не залги! Но голоса из шлемофона понесли вдруг откровенную чушь: «Вернулась, Жученька! Не съели тебя слизкие жабы! Не по вкусу им наша собаченька... Ребята, а это еще что?.. Так это ж наушники с микрофоном!.. Гарнитура из шлема... Признавайтесь, кто этот остряк?»

Зазвучали неясные возмущенные голоса, Семен разобрал лишь произнесенное пару раз: «Олроги!». Он вспомнил, что именно так обращались к ним в грязной бумажке... Но сразу забыл про это, потому что из наушников понеслось совсем интересное: «Ты что, дурак? Откуда у олрогов наши шлемофоны? Это кто-то из своих прикололся... Узнать бы кто – задушить мало!..»

– Ну, ладно, хватит ломать комедию! – поднес Семен к губам микрофон. – Доложить звания и фамилии! Все равно вычислю подлецов! Но тогда хуже будет...

– О-па, а это еще кто? – послышалось с той стороны эфира. – Славка, ты, что ль, прикалываешься?

– Я тебе... – начал было Семен, но тут он чуть было не застонал вслух от собственной глупости. Ведь есть же... Он быстро натянул на голову шлем и вывел на дисплей нужную информацию: расстояние до объекта связи, направление...

Старшина сдернул шлем так быстро, словно туда заползла змея. Маска на его лице съехала в сторону, и солдаты увидели, как мелко трясутся губы замкомвзвода. А еще эти губы шептали: «Залги... Это залги!..»

«Как же так?! – лихорадочно проносилось в мозгу. – Почему залги говорят по-нашему? Почему у них такие же имена? Нет, нет, этого не может быть! Это провокация! Мерзкие твари хотят заморочить нам голову, сбить с толку, а потом подло напасть!.. Долго ли выучить язык, разыграть сцену?.. Они хотят лишить нас достоинства, чести... Хотят поиграть с нами, посмеяться, унижить... Хорошо, поиграем! Только по нашим правилам!»

Семен снова поднес микрофон к губам, которые больше уже не тряслись.

– Кто писал письмо? – жестко спросил он.

– Что, жаба, умеешь читать? – ответили, спустя долгую паузу. Видимо тоже поняли, с кем ведется радиосвязь. – И по-нашему квакать наловчилась? – Старшина услышал, как сквозь наушники скрипнули зубы. Или, точнее, жвала...

– Слушай меня, гнида, – тоже скрипнул зубами Семен. – Ты посмел оскорбить... – «Перед кем я выкаблучиваюсь?!» – вдруг мысленно сплюнул он и закончил так: – Завтра на рассвете тот, кто писал письмо, или тот, кто сейчас тьякает, пусть выходит в пустыню, посередине между позициями. Один. Без оружия. Если не трус. Сразимся врукопашную. Ответишь за все, гнида!

Старшина так сжал микрофон, что электронное устройство хрустнуло. Отбросив шлем, быстро зашагал к казарме.

Уснуть Семен, конечно же, не смог. Лежал с открытыми глазами и думал, не совершает ли глупость. Нет, он абсолютно не боялся проиграть в поединке клешнявому желтому таракану. Такого случиться не могло! Плохо то, что он бросил, не подумав, вызов чести существу, у которого этой чести не может быть по определению. Факт, что слизняк приползет не один. И все будут вооружены. Наверняка захватят его, приволокут к себе, попытаются допросить, – тут им, конечно, обломится! – а потом сожрут.

Но не прийти, или прийти не одному, или с оружием!.. Нет, Семен так тоже не мог. Ведь у него-то имеется честь! Конечно, залгам на это плевать... Но сам-то он как потом станет жить, поступившись ею однажды?

Промучившись так до тех пор, пока на востоке не начали блекнуть звезды, Семен вскочил с койки, плеснул в лицо пригоршню холодной воды, натянул легкую кирасу, маску и твердым шагом направился в сторону заграждений.

Вчера все солдаты взвода слышали, разумеется, его разговор. Само собой – все восхищались решением старшины, завидовали его смелости, гордились его самоотверженностью и патриотизмом. Поэтому часовые разом повернулись спинами, сделав вид, что внимательно наблюдают за чем-то очень важным в глубине собственных позиций, когда он проходил мимо постов.

Еще издали Семен увидел неподвижную фигуру залга, освещенную первыми лучами солнца, отчего панцирь врага стал таким же красным, как у него самого. Это очень не понравилось старшине. Зато, похоже, залг все-таки пришел один. Нет, не один! Не совсем один... В небольшом отдалении, теперь уже посверкивая не зелеными, а тоже алыми в отблесках восходящего светила глазами, стоял Бобик. Оба, – урод и уродец – не отрываясь, смотрели на спешившего к ним Семена.

Залг возвышался, широко расставив нижние конечности, сложив на груди клешни. Издалека он очень походил на человека... Но клешни... И эти огромные, в полморды, фасеточные глаза, переливающиеся в солнечных лучах всеми цветами спектра!.. Однако чем ближе подходил к врагу старшина, тем более сильные сомнения стали одолевать его. Очень уж похожи были пресловутые клешни на краги, почти такие же, как его собственные. Только перчатки Семена напоминали больше хищную когтистую лапу...

Старшина подошел почти вплотную к залгу и остановился. Никогда еще столь близко он не встречался с врагом. Захотелось, невзирая на отвращение, как следует рассмотреть эту мерзкую морду. Эти глаза, эти кривые, зазубренные жвала... Да нет же! Теперь, с двух-трех шагов, он отчетливо видел, что большие радужные глаза – это всего лишь очки на желтой металлической маске, что жвала – всего лишь украшения ее же... Какой же отвратительной должна быть настоящая морда насекомого, если ее приходится прятать! А что, если...

– Скинем маски! – крикнул Семен, стряхивая с рук краги, и сдернул с лица красную гнутую пластину с очками. – Посмотрим друг другу в глаза!

Залг на мгновение оторопел, вынул руку – человеческую руку! – из клешнистой краги и медленно поднес ее к блестящей на морде позолоте. Так же медленно стянул маску и отбросил на песок.

Серые прищуренные глаза с усмешкой смотрели на Семена. Бандана защитного цвета делила загорелый лоб пополам – примерно по этой черте его и разделил когда-то осколок чеченского снаряда. Теперь голова Сашки была снова цела и уже откровенно радостно и ослепительно белоснежно скалилась на ошалевшего старшину.

– Семка, закурить не найдется? Нам не выдают, бляха муха!

Друзья сидели на рыжем песке, прижавшись лбами, положив руки на плечи друг другу, очень-очень долго – светило успело вкатиться высоко на небо, и даже спрятаться за грязно-желтыми облаками. Говорили мало. Когда утихли первые эмоции, выяснилось, что рассказать им особо и нечего. Они вспомнили друг друга, но и только. Кем они были раньше, как оказались тут – все это оставалось загадкой. Ясно лишь стало одно – мир перевернулся. Нет ни залгов, ни олрогов – люди воюют с людьми, друзья с друзьями, братья с братьями. Это было нелепо, чудовищно, но так было. Почему так случилось – не знали, не догадывались ни Семен, ни Сашка.

Старшина наконец оторвался от друга, взгляд его снова скользнул по бандане. В мозгу вновь пронеслась картинка: Сашкина голова без верхней половины...

– Сними-ка бандану, – сказал он пересохшими губами.

– Зачем?

– Сними.

Сашка сдернул зеленоватую тряпку с русого ежика волос. Вопросительно улыбаясь, глянул в глаза Семена.

– Что?

– Что-то вспомнилось... «Чехи»... – Семен чиркнул себя по лбу рукой.

– «Чехи»? – нахмурился Сашка. – Я иногда вас так называл... Ну, здесь... – Он неопределенно повел вокруг рукой.

– Я тоже, – кивнул Семен. – Вас... Слушай, кому это все-таки надо? Чтобы мы убивали друг друга?

– Им. – Друзья услышали это одновременно, хотя никто из них не раскрывал рта. Да и «услышали» – не совсем то слово. Во всяком случае, уши не имели к случившемуся никакого отношения. Слово возникло прямо в головах.

– А? Что? – Сашка с Семеном вскочили на ноги и заозирались вокруг. Кроме Бобика-Жучки никого рядом не было. Зато «псина» смотрела на них неотрывно.

– Надо. Им. – Отчетливо раздалось в головах снова. А «собака» вдруг отвернулась и уставилась куда-то вдаль.

Семен машинально посмотрел туда же. До самой линии горизонта – одна лишь пустыня. А далеко за ней торчала над самыми облаками макушка ажурной башни.

– Там... город... – прошептал Семен, не вполне понимая, кому он это говорит.

– Наш город... – эхом откликнулся Сашка.

– Город. Нет. – Отпечаталось в головах. – Башня. Да.

«Собака» снова повернулась к друзьям. В ее глазах по-прежнему сверкали изумруды.

– Это... ты?! – ахнул вдруг Сашка. – Жучка, это ты говоришь?!

– Я.

– Бобик, ты кто, елы-палы? – Семен чуть не сел на песок.

– Я. Здесь. Жить. Мы. Здесь. Жить. Они. Придти. Заставить. Вы. Убивать. Мы. Негде. Жить.

– Кто «мы»? Кто «они»? – воскликнули друзья разом.

– Мы. Здесь. Жить. Всегда. Они. Придти. Далеко. Чужие. Плохо. Вы. Чужие. Хорошо. Помогать. Мы. Вы. Помогать. Вы. Мы.

– Вы – местные, я так понял? – почесал ежик Сашка. – А мы тогда кто? Там же наш город!

– Наш... – встрял было Семен, но махнул рукой. Ничего он больше не понимал.

– Город. Нет. Вы. Чужой.

– Значит, ты говоришь: там никакого города нет, а мы здесь чужие? Тогда это что? – показал Сашка на верхушку башни.

- Они. Смотреть. Вы. Убивать.
- Что?! – разом вскрикнули друзья. – Кто-то любит, как мы здесь друг дружку рубим?
- Правильно.
- Ни хрена не правильно! – рубанул рукой Сашка.
- Что нам делать-то, скажи! – присел перед крокодилей мордой Семен. – Как помочь мы – вы, вы – мы?
- Мы. Думать. Все. Вы. Думать. Один. Один. Один. Много. Один. Плохо. Мы. Вы. Думать. Вместе. Хорошо.
- Коллективный разум, что ли, у вас? – выплыло откуда-то у Семена. – Полезная штука! А мы не только думаем по одному, так еще и не помним ничего! Кто такие, откуда, почему?.. Может, если бы вспомнили, то и вам бы помогли. Да и себе заодно!..
- Мы. Помогать. Вспомнить. Вы. Надо. Хотеть. Все.
- Ёшкин кот, – вновь зашебуршил по русому ежику Сашка. – Мы-то хотим! Мы вот, с Сенькой. А остальные не только не хотят, но и не знают, что надо хотеть! Мы сами до утра не знали.
- Ты. Ты. Сказать. Все.
- Ага! Скажешь всем!.. Расстрел на месте по законам военного времени! За измену Родине. – Сашка сплюнул.
- Аналогично, – кивнул Семен. Подумал немного и спросил у Бобика: – Слушай, ты говоришь, что вас много. А где остальные?
- Прятаться. Далеко.
- Хорошо, если нас станет много... ну, готовых к объединению, так сказать, с вами разумами, как мы вас соберем?
- Я. Вы. Вместе. Бобик. Жучка. Собака. Смотреть. Знать.
- Ага, понятно! Ты, значит, пока с нами. – Сашка снова завязал бандану. «Ему сейчас только „акаэма“ не хватает!» – плеснулась мысль в голове у Семена. И сразу погасла. Старшина поморщился:
- Саня, как-то своим все равно рассказать надо.
- Не поможет рассказ. Вспомни хоть себя вчерашнего!
- Сашка был абсолютно прав. Еще вчера Семен убил бы любого, рассказавшего подобную ересь: залги – друзья, они такие же, как мы! Вспомнил, как за более невинный вопрос чуть не избил сержанта Стаса... А сам-то он что тогда орал? Семен даже покраснел от чувства жгучего стыда. И чуть не заплакал от досады... Ведь спасения ждать неоткуда! Так и будем убивать друг друга, если сами же себя не спасем. И бобиков-жучек, вон, тоже надо спасать. А с настоящими гадами – узнать бы еще, кто они такие – разобраться, как следует!.. Наблюдатели хреновы. Устроили шахматы живыми людьми. Ничего, не на тех напали! Они же, вот, с Сашкой разобрались, кто здесь друг, а кто враг. И другие смогут!..
- «А ну-ка!» – озарило вдруг старшину. Он улыбнулся Сашке, положил ему ладонь на плечо и, как бы между прочим, спросил:
- Не знаешь, когда наступление?
- Точно нет, но говорят, скоро. Сил вроде набрались. А что?
- Есть идеяка. Ты кто по званию-должности?
- До прапорщика дослужился. Не такого, как у нас. Здесь это – как младший летеха по-нашему.
- Ага! «У нас», «по-нашему»... Тоже что-то помнишь!..
- Ну, да, – провел рукой по бандане Сашка, будто проверяя целостность черепа. – Вспоминается что-то, особенно, когда не специально. А как специально вспоминать начинаешь – ни фиги!

- Ладно, прапорщик. Ты ведь замкомвзвода, наверное?
- Ну, да...
- Тогда слушай сюда! И ты, Бобик, тоже.

Награду за последний бой Семену все же вручили. Перед боем нынешним. Сам командир прикрутил к алой кирасе темно-малиновый кругляш.

- Слава герою! – рявкнул торжественный строй готовых к бою солдат.
- Подошел Иваневич. Пожал руку.
- Как себя чувствуешь, герой? Готов к новым подвигам?
 - Так точно, готов, господин поручик!
 - Сегодня мы снова выступим первыми. Разведка донесла, что залги сначала тоже выпустят пехоту. Так что полегче будет, чем в прошлый раз.
 - Разрешите обратиться, господин поручик! – Семен выпучил под маской глаза.
 - Разрешаю, старшина, – удивился Иваневич.
 - Позвольте сегодня мне командовать взводом!
 - Вот как? Совсем себя героем почувствовал?.. – В голосе поручика послышалось недовольство, но тут же сменилось на милость: – Впрочем, почему бы и нет? Ты – замкомвзвода, надо практиковаться... Валяй, разрешаю!
- Семен облегченно вздохнул. Первое дело сделано.

Противники сходились красиво, ровными рядами, словно на параде. И те, и другие одурели уже от безделья – в бой шли, как на праздник. Кирасы блестят, лучеры наперевес, солдаты носок тянут...

Между первыми рядами было уже метров сто, а стрелять так никто и не начинал. Но терпение бойцов не бесконечно. Вот уже кто-то поднял лучер на уровень глаз, прицелился. Еще чуть-чуть – и раздастся шипение, раздадутся первые крики, запахнет паленым... Но первый крик не был криком боли:

- Бобик!
- Еще несколько голосов подхватили:
- Бобик, уходи!
- А вот и с другой стороны:
- Жучка, беги! Прячься, собачка!
 - Ребята, да она не одна!..

И впрямь, возле непонятно откуда вынырнувшего – прямо посередине меж сближающихся рядов – Бобика-Жучки появилась вдруг еще «собака». Потом еще и еще... Быстро, быстро, очень быстро!.. Они словно выскакивали из-под песка, – да так оно, скорее всего, и было – отряхивались, ложились и замирали, поглядывая то на «желтых», то на «красных». Скоро шестипалых созданий лежало между двумя армиями столько, что идти солдатам дальше, не наступив на «собак», стало попросту невозможно.

И тогда Семен сделал шаг вперед, заметив краем глаза, что так же шагнул и один из «залгов», поднял руку и зычно, перекрывая начавшийся ропот, крикнул:

- Взво-о-од! Слушай мою команду!

Точно такая же фраза донеслась эхом от «вражеских» рядов. Семен узнал голос, улыбнулся и гаркнул что есть мочи:

- Взво-о-од! Снять маски! – И первым отбросил шлем в сторону.

Гуси-лебеди

*Гуси-лебеди летели
По-над полем, по-над полюшком,
По-над реченькой, по-над чистою...*

Я стою на берегу тихой речки, юная и наивная, подняв голову к белокрылой стае. Стою и пою, и шепчу заворуженно:

*– Гуси-лебеди, птицы белые!
Вы – чудесные, вы – волшебные!
Подарите мне волшебства чуток —
Дайте, птицы, мне жизнь легкую!*

Минуло уж двадцать лет – промелькнула белой птицей юность. А гуси-лебеди все летят в моей памяти. Ведь исполнили они мою просьбу: так, как мне легко – легче не выдумать! Все эти годы, бо́льшую их часть, я не имею веса.

Я – гравитолог. И на станциях, где я работаю, никогда не используют установки искусственной тяжести. Это помешало бы сверхчувствительным приборам, которыми я исследую гравитационные поля планет.

Вот и сбылась мечта, хоть и не так совсем, как она представлялась. Но я ни о чем не жалею. Я люблю свою работу, разноцветные лики планет, наблюдения и вычисления, сомнения и озарения, люблю парить птицей по коридорам станции, люблю мечтать, писать стихи в перерывах между вахтами...

*Облака белокрылою птицей
Проплывают сегодня внизу.
Я всегда к ним привыкла стремиться,
Тосковала по ним я в грозу,
Я скучала по ним в ясный полдень
И в алмазную звездную ночь...
Все свершилось, этап этот пройден —
Притяженье отринула прочь
И взметнулась я к ним на свиданье,
Но мечту я пробила, как дым...
Снова я на большом расстоянье,
И опять я тоскую по ним.*

Нет, по этим облакам я не тоскую. По тем, что сейчас внизу. Они не белые – оранжевые, желтые, коричневые, красные. И ядовитые – аммиак, метан. Планета Ряга – двойник Юпитера, лишь чуть больше его по размеру. Только разделяют ее с «братцем» почти шесть световых лет – Ряга вращается вокруг знаменитой летящей звезды Барнарда. Сама звезда – красный карлик, ее радиус в шесть раз меньше солнечного, и для меня она ничего интересного не представляет. Ряга – другое дело. Она обладает крайне нестабильным гравитационным полем.

Моя станция, по сути, – кусок толстой и длинной трубы. Звездолет «Вадим Нестеров» сбросил нас с ней над Рягой, а сам отправился дальше, по своим важным звездолетовским

делам. И пока он не полетит назад, я так и должна была болтаться в этой трубе полгода, за которые и планировала успеть сделать все наблюдения и измерения.

Станция снабжена очень слабенькими ионными двигателями – только для небольших корректировок орбиты. И когда Ряга выкинула свой первый фокус, я первый раз серьезно задумалась о смерти. Тогда притяжение Ряги просто пропало! Я смотрела на приборы и думала, что они отключились. Но «отключилась» Ряга. А станция стала медленно, но верно улетать в открытый космос. Я включила ионники, но понимала, что долго на них на орбите не продержаться – запаса топлива хватает на сорок восемь часов непрерывной работы. А если бы меня унесло от планеты, то могла легко подхватить звезда Барнарда, и что было бы тогда – я посчитать так и не успела.

Но в тот раз пронесло. Ряга вновь обрела гравитационное поле, так же мгновенно, как с ним и рассталась. Но такого быть не могло в принципе, и я стала догадываться о причине. Поле не пропадало – оно видоизменилось!..

Впрочем, что это я! Какое это теперь имеет значение? Ведь сейчас Ряга позвала меня в гости... Она «тянет» к себе станцию очень плавно, почти нежно, но настойчиво. Уже третий день. Я еще жду, когда ей надоест играть со мной – но, честно говоря, уже потеряла надежду.

Ионники включены на максимальную мощность, но это ничего уже не даст – топлива почти не осталось. Я медленно падаю в Рягу. А скоро начну падать быстро. Интересно, я успею сгореть, или Ряга меня раздавит?

Первый раз я подумала об этом вчера. И сразу вспомнила древнюю книжку – «Путь на Амальтею» Стругацких. Я вообще люблю фантастику конца двадцатого века – она такая наивная, легкая, добрая... А в той книжке все так похоже на мое теперешнее положение – там планетолет падал в Юпитер. Но у него все же был двигатель, хоть и с аварийным отражателем, и герои книги его все-таки починили. И спаслись. Мне же чинить нечего. А так – совпадений много. Даже в названии книги, да и по тексту, фигурирует Амальтея – спутник Юпитера. А ведь Амальтею открыл не кто иной, как Барнард...

Единственное, что я смогла сделать, это послать сигнал «SOS». Двусторонняя гравитонная связь отказала, как только Ряга начала чудить. Она ведь как раз и «игралась» гравитонами, на которых работает приемопередатчик! Поэтому «SOS» я отправила в радиоволновом диапазоне. До Земли он дойдет почти через шесть лет, до «Нестерова» – раньше, но уже когда тот полетит сюда сам. Надеяться на чью-то еще помощь лучше не стоит – космос отнюдь не кишит звездолетами, их и всего-то пока шесть. Разве только Братья... Но я сама-то хоть чуточку верю в это? Конечно, нет. В самих Братьев, разумеется, верю – нельзя отрицать очевидного, – а вот в то, что они услышат меня и придут на помощь... Я скорее поверю, что сюда прилетят все шесть земных звездолетов разом! Нет, о спасении извне нечего и мечтать. Меня может спасти только сама Ряга. И то теперь только если «включит» антигравитацию! Ведь даже если она полностью «уберет» поле, как в первый раз, я по инерции буду продолжать лететь в нее – топливо в ионниках только что кончилось. А значит – спасения нет и быть не может.

Я уже ничего не исследую. Только смотрю на красно-коричневые облака Ряги, которые становятся все ближе и ближе. «Красно-коричневые»... Этот термин тоже из двадцатого века, я знаю. Это что-то очень-очень плохое и страшное! Как ядовитые облака Ряги. А вот оранжевые облака – совсем как пламя! Тревожное пламя пожаров. Желтые – это листья в осеннем лесу. Я не люблю осень. Не любила... Именно в эту – воспетую поэтами, – золотую пору. «Унылая пора, очей очарованье!» Да, очень унылая! Когда я смотрела на желтые

листья, то чувствовала, как тоска и безысходность сжимает сердце. Наверное, уже тогда моя душа знала, как все будет...

*К листьям не ведаю жалости!
Мокрые, желтые, кислые...
Символ тоски и усталости,
Знак увядания быстрого.
Лучше уж ветры с морозами —
Звонкие и бесшабашные!
Если листы – то лишь с прозою
(Само собою – бумажные).*

Облака-листья, облака-пожары, облака-грязь, облака-кровь... Нет только белых облаков моей мечты. Где же вы, гуси-лебеди?

Я падаю в чужие облака. Мне страшно. Мне очень-очень-очень страшно! Где же вы, гуси-лебеди?

Как я умру? Я сгорю в облаках-пожарах, или меня раздавят облака-грязь? Засыплют облака-листья, или зальют облака-кровь? Мне страшно, мне страшно, мне страшно! Где же вы, гуси-лебеди? Теперь я знаю, что совсем не то попросила у вас в юности. Совсем-совсем-совсем не то...

*Гуси-лебеди, птицы белые,
Прилетите ко мне, волшебные!
Подарите мне волшебства чуток —
Дайте, птицы, мне смерть легкую!*

(В рассказе использованы стихи автора)

Желтый аспид

А кто сказал, что путешествия во времени безопасны? Никто не говорил.

Даже если перемещаться только вдоль оси времени, и то неизвестно, что окажется в этой точке пространства тридцать веков назад. А триста? А три тысячи? Казалось бы, это достаточно просто рассчитать. Не тут-то было! Надо учитывать столько факторов, что все равно чего-нибудь не учтешь. Да и надо ли? Ведь потом придется лететь к Земле, которая может оказаться к тому времени за сотни парсеков. Точнее – была там, если речь идет о путешествии в прошлое.

Поэтому и приходится двигаться сразу по временной и пространственной осям, оставаясь, по сути, в одной и той же точке относительно земной системы координат. Но это в идеале. На самом деле перемещения в пространстве все равно неизбежны, особенно если речь идет о десятках и сотнях веков. Ведь энергия для такой «привязки» берется от магнитного поля Земли, а оно крайне неустойчиво и непостоянно. Меняются полюса, «скачет» напряженность поля. За века с ним происходит многое. В этом и заключается главная опасность. Потеряв направление силовых линий, процесс хронтования становится неуправляемым, и хорошо если капсула просто «вывалится» не в том месте и времени, но бывает куда хуже. Вот, как сейчас.

Лан понял, что авария неминуема, сразу, еще до сигнала тревоги, как только генератор начал «фонить». Распыленные в атмосфере хронтоны создали эффект белых ночей в достаточно низких для этого широтах в середине первой декады июля. Одна тысяча девятьсот восьмого года. Так показывал хроносчетчик. Внешний. Четвертое, третье, второе июля... Ночи все светлее и светлее. Первого числа Лан дожидаться не стал и катапультировался. Успел вовремя, хотя это было не так-то просто. Внутренний хроносчетчик отсчитывал не сутки, а миллисекунды, хотя для хроногенератора сейчас они были равны.

Первого июля Лан находился еще слишком близко от капсулы и, в ожидании взрыва, успел лишь проститься с жизнью. Очень коротко, почти односложно. Но генератор взорвался тридцатого июня, и Лан уцелел.

Но уцелеть от взрыва – это еще не все. Теперь, без капсулы, а значит и без ее хроногенератора, нужно было «затормозить» во времени, потому что инерция продолжала нести Лана в прошлое. И такой полет вне капсулы мог закончиться очень плачевно – тем же распылением на хронтоны, только теперь уже самого Лана.

У хрононавтов имелся аварийный генератор торможения. Был он и у Лана. Но одно дело тормозить уже на подлете к цели, когда скорость достаточно мала, и совсем другое – почти в середине пути. До намеченной цели Лану оставалось больше двухсот веков, поэтому скорость была что ни на есть крейсерской. И энергии аккумуляторов для полного торможения конечно же не хватило. Пришлось расходовать свою собственную энергию. И вот ее, к счастью, оказалось для торможения достаточно. Но, увы, не с избытком. Только-только. Жалкого остатка хватило лишь на поддержание мыслительных процессов в самом примитивном теле – даже без конечностей. Лан представлял сейчас из себя десятимиллиметровый в диаметре жгутик длиной шестьсот пятьдесят миллиметров. Разумеется, пластиковый, поскольку Лан, конечно же, был пластофором.

Лан довольно быстро пришел в себя, оценил ситуацию и понял, что дела его никуда не годятся. Пожалуй, лучше бы ему было не катапультироваться. В нынешнем состоянии он мог протянуть от силы неделю. И то если не шевелиться. О том же, чтобы передать аварийную хронограмму, не могло быть и речи.

Впрочем, все пока казалось поправимым. Двигаться Лан мог, стало быть оставалось одно – найти источник пополнения энергии и строительного материала для более приемлемого тела. И тем, и другим для Лана, как и для прочих пластофоров, был, разумеется, пластик.

Плохо, что Лан почти не помнил реалий века, куда его сейчас выбросило. Он даже не знал, в какой именно год попал. Прикинув «на глазок», Лан пришел к выводу, что сейчас примерно середина девятнадцатого века. Плюс-минус десять лет. Конечно, как любой хрононавт, Лан углубленно изучал историю, но нельзя объять необъятное! Тем более, специализировался он по куда более ранним векам. И все же, напрягши память, Лан вспомнил, что примерно в это время пластмасса уже вошла в обиход. Правда, сказать, сколько именно десятилетий, а уж, тем более, лет составляет это «примерно», он, к сожалению, не мог. Но отчаиваться все же не стал.

Для начала Лан огляделся. Березовая рощица, ручеек, травка, желтая пыльная дорога наискосок через луг. Дорога ведет к маленьким темным домикам. Впрочем, есть и большие постройки. Целых две. Одна приземистая, другая высокая. Обе – белого цвета. Причем вторая – с крестообразной конструкцией на крыше, что вселило в сознание Лана оптимизм. Если это антенна, то с хронологией он не ошибся, и здесь уже должны быть знакомы с пластмассой.

Лан подумал, что ему лучше предпринять: двигаться к селению, или дожидаться, пока кто-нибудь прибудет сюда? Раз есть дорога – значит по ней ездят. Или, как минимум, ходят. Но как часто? Пока еще, за те четырнадцать минут, что Лан находился тут, ничто не потревожило дорожную пыль. Но ползти самому – а до ближайшего здания было километра два с половиной, – это тратить столь дефицитную в его положении энергию.

И Лан решил подождать. Сорок шесть минут. Но для начала он переполз на обочину дороги, а чтобы не выделяться на ее желтоватом фоне, пожелтел и сам. Теперь его можно было увидеть, лишь подойдя вплотную.

Заняв новую позицию, Лан снова огляделся. К сожалению, для экономии все той же энергии, пришлось отказаться от универсального зрения, так что изменить фокусное расстояние хрусталиков он не мог. Но и обычного оказалось достаточно, чтобы заметить светлое пятнышко, отделившееся от приземистого белого здания идвигающееся вдоль дороги. Когда пятнышко стало больше, Лан понял, что это клубы пыли, развевающиеся за повозкой, которую тянула пара крупных животных, судя по всему, лошадей. Вскоре стало возможным разглядеть и людей, сидящих в повозке. Их было двое, мужчина и женщина. Лан собрался. Сейчас все зависело от того, хватит ли ему энергии на то, чтобы прыгнуть, ворваться в ротовую полость человека, пробить небную перегородку и проникнуть в мозг. Должно было хватить. Нужно, чтобы хватило! Придется отказаться от подключения ко всей памяти этого человека и ограничиться лишь знанием языка и контролем над двигательными функциями тела. Конечно, причинять вред человеку – это преступление, но иного выхода не было. К тому же, уверял внутреннего самообвинителя Лан, вред будет минимальным и временным. Всего лишь до тех пор, пока он не пополнит запасы энергии. Тогда он компенсирует все повреждения, нанесенные человеку сполна – еще и подлечит его, произведет полную очистку организма, заменит изношенные органы на практически вечные пластиковые аналоги.

* * * * *

Мирон смотрел вслед удаляющейся бричке и плакал. Слез он давно не стеснялся, да и кому интересны слезы крепостного? От него требуется одно – работать. Пахать, сеять, жать – тянуть крестьянскую лямку. А плачешь ты при этом или смеешься – без разницы.

Даже лучше, когда плачешь; смех крепостных барину не по нраву. Раз смеешься – стало быть не в полную силу работаешь.

Но теперь уж смеяться и подавно не с чего. Единственную радость барин увез – дочку, Марфушку. Проигрался старый пьяница в карты, все деньги спустил. Поставил на кон Марфушку – и ту проиграл! Одна надежда, что у нового барина Марфушке лучше будет. Тот хоть молодой, сорок всего, да и не пьет сильно вроде. А там – кто его знает? Баре – они и есть баре. Что молодой, что старый. Для них крепостные – не люди.

Конечно, в глубине души Мирон понимал, что жалуется на барина зря. Ну, грешен, – выпить любит, игрок заядлый. Так кто сейчас без греха? Зато крестьян все же Никодим Пантелеймоныч жалеет. Пороть – порет, но до смерти никого еще не забил. А как без порки-то? Тоже нельзя. Крестьянину – ему только волю дай!..

– Э-хе-хей, воля-волюшка, – всхлипнул Мирон еще раз, высморкался в дорожную пыль, да и повернулся, чтобы идти с барского двора восвояси. Вот ведь тоже – позволил Никодим Пантелеймоныч с дочкой проститься, до самой брички дал проводить! Другой бы дал? Разве что в глаз.

Мирон уже шагнул за ворота и не удержался, оглянулся еще вслед облачку пыли. Свел жесткие брови, прищурился. Померещилось, или впрямь пыль назад к селу стелется? Назад, не иначе. Лошадей уже видно. И бричку крытую. А вот и платок Марфин белеется! Стукнуло сердце Мирона, дернулось. А ну как раздумал барин ее отдавать?.. Да только навряд ли. Знать, забыл что-то.

Бричка, не доехав до ворот, остановилась. Мирон заметил, что правит лошадьми Марфа. И увидел еще, что лицо дочери белое, как снег, глаза – что два пятака, и руки трясутся. Барин неловко спустился на землю и, качаясь, пошел к Мирону.

«Вот ведь, – подумал крестьянин, – только что вроде тверезым был, когда и успел налижаться? И Марфушку испугал, ирод! Там уж и пужать-то, поди, нечем, а все одново...»

Но пришел черед и самому Мирону пугаться. Голос Никодима Пантелеймоновича на пьяный никак не походил. Так ровно, будто по писанному, он и по трезвому делу не изъяснялся. А сказал такое, что и не враз разберешь:

– Пластик есть? Любые изделия из пластмассы.

Мирон ничего не понял. Стал собирать из похожих обрывков слова. Лишь одно только и вышло. И то не очень, чтоб схоже...

– Псалтырь? Так то у дьякона, барин. У меня-то откель?

– У дьякона? Далеко?

– Так вон она, церква, – махнул Мирон в сторону купола с покосившимся крестом.

– Едем.

– Да я так дойду, барин, – испугался Мирон пуще прежнего. Не к добру это – в бричке с барином ездить! Но тот будто не слышал. Опять сказал, да так – точно камнем по лемеху:

– Едем!

Пришлось лезть за барином в бричку. Марфа напуганным глазом стрельнула, в губах – ни кровиночки. Шепнула украдкой:

– Батюшка, напасть-то какая! Желтый аспид в барина прыгнул.

– Тихо-тихо!.. – одними губами, без голоса, пошевелил Мирон. – Услышит... Потом.

А сам призадумался. Что за аспид? Где он тут взялся, в их-то краях? И как это – в барина? В рот, что ли? В ухо?.. Уж не заговаривается ли Марфушка с горя?

Между тем доехали до церкви. Дьякон, Симеон, услышал, вышел. Барину поклонился, но не до земли, достойно.

– Храни тя господь, Никодим Пантелеймонович.

Барин лишь лоб из брички выставил. И опять:

– Пластик есть?

Симеону тоже «псалтырь» почуялся. Брови нахмурил, постоял, бороденкой повертел.

– Есть, – говорит. – Как не быть?

– Дай.

– Помолиться душа запросила? – скривился дьякон. – Так в церковь зайди. Не с лошадьми же псалтырь читать.

– Пластик там? – ткнул в открытую дверь барин.

– Там.

Посторонился Симеон, барина пропустил. Тот прошел – не качнулся. А Мирон, слава Богу, с дочкой остался, с глазу на глаз.

* * * * *

К Лану вернулась надежда. А поначалу он было отчаялся. Когда подключился к человеку в повозке и заговорил со вторым. Точнее, со второй, оказавшейся женщиной. Та ничего из его слов не понимала, не отвечала даже на примитивные вопросы, а только мелко вибрировала. Дома Лан почти не имел дела с людьми, лишь изучал их строение и физиологию, поэтому о том, что человек может молчать от сильного испуга, он попросту не учел. Потом, правда, вспомнил, а скорей – догадался. По той же вибрации, называемой в этом языке «дрожью».

Женщина ничем не помогла Лану, разве что привезла к другому человеку, который хоть что-то внятное сумел сказать. Мало того, сказал, что в селении есть пластик. А ведь в сознании донора Лан этого понятия так и не нашел. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: если пластмасса здесь только-только появилась, не все могли о ней знать. Но, как выяснилось, знали. Хоть и называли несколько иначе. Но тот человек, что показал ему, где имеется пластик, коверкал и другие слова. Судя по всему, образованность местного населения оставляла желать лучшего.

Лан прошел за человеком в черной одежде внутрь здания, называемого здесь «церковь». Или «церква», как назвал его другой житель. Ни то, ни другое название не находило ассоциаций в родном языке Лана. Что ж, многие понятия попросту прекратили свое существование за триста веков. Скорее всего, в этом здании находился какой-то центр связи. А раз так – пластик здесь должен быть.

Лан огляделся вокруг. На стенах и под круглым полушарием потолка – изображения. На всех – люди, люди, люди. В длинных, красивых одеждах, со странными кольцами вокруг голов. Может, это древние устройства связи – ментоны? Когда их изобрели – в двадцать девятом или девятнадцатом веке? Да не все ли равно...

– Что же ты, Никодим Пантелеймонович, и лба не перекрестишь? – прервал размышления Лана человек в черном.

– Лба? – переспросил Лан. «Лоб», «крестить» – такие понятия в его лексиконе были. Но в ясную картину предлагаемое действие у него так и не складывалось, и он переспросил: – Зачем крестить лоб? – Но, поскольку больше его интересовал другой вопрос, он задал и его: – Ты нашел пластик?

– Псалтырь вот, – показал человек в черной одежде темный кирпичик, зажатый в руке. – Но зачем он тому, кто в храме не крестится?

– Мне не надо креститься. Мне нужен пластик. Для пополнения запасов энергии и самовосстановления. Дай мне его! – Лан вытянул руку. Но еще не дотронувшись до цели, понял уже, что это не пластик. Целлюлоза, кожа, прочие органические вещества животного и растительного происхождения. И ни миллиграмма пластмассы!

– Это не пластик, – сказал Лан, опуская руку.

– Да ты никак пьян, Никодим Пантелеймонович? – нахмурился человек в черном. – Или болен... Нельзя так с собой поступать в шестьдесят-то годков. О душе пора думать. О вечном.

«Что он может знать о вечности?» – удивился Лан. Впрочем, вечность его сейчас мало интересовала. Энергия расходовалась быстрее, чем он рассчитывал. Тело донора и впрямь оказалось слишком большим и дряхлым. Пластик был необходим срочно! Лан стал вспоминать, где еще в этом веке могла применяться пластмасса? Эх, если бы знать, что его сюда забросит судьба! Всего лишь пару секунд и нужно-то было потратить на закачку нужной информации. И то, на саму закачку – куда меньше; основное время ушло бы на поиск и фильтрацию данных. Но сожалеть поздно, надо постараться вспомнить хоть что-то...

Но то, что вспоминал Лан, напрочь отсутствовало в лексиконе донора. Телевидение, кибернетика, информатика – пусто, пусто, пусто... Может, для сельской местности нужны более простые понятия? Например, телефон... Опять пусто! А если попроще – мобильная связь, связываться, звонить... Есть! И «связываться», и «звонить»!

– Звонить! – почти выкрикнул Лан. – У тебя есть то, чем звонить?!

– Есть, – вздохнул человек в черном. – Допился ты, Пантелеймоныч. Как есть, допился!..

– Мне не надо пить! – взмолился Лан. – Пойдем звонить!

– Эх, твои бы слова – да Богу в уши, – снова вздохнул человек. – Ну да ладно, звонить – так звонить. Это Богу угодно.

Человек поманил за собой Лана, вышел из здания, проследовал к высокой пристройке, зашел внутрь и стал подниматься по лестнице с каменными ступенями. Лан едва поспевал за ним – ноги донора едва шевелились, силы буквально таяли. Их едва хватило на то, чтобы подняться все-таки на открытую с четырех сторон площадку, под потолком которой висело пять темных неправильных конусов – скорее, параболоидов – разных размеров.

Человек в черной одежде взялся за веревки, свешивающиеся из центров параболоидов, и сильно дернул одну из них. Раздался громкий, отдавшийся вибрацией в теле звук. Человек потянул за другую веревку и вызвал еще один звук, более резкий. Потом еще один, еще и еще. От гулко-го звона у Лана заложило уши. Но ему уже было все равно. Он видел, что пластика нету и здесь. Только камень – стены здания; дерево – потолок; растительная органика – веревки; и металл – звенящие параболоиды.

Лан почувствовал, как очередная вибрация, вызванная звуком самого большого конуса, отозвалась острой болью в груди донора. А потом остановилось сердце. Падая на каменный пол, Лан с грустью успел констатировать: «Мир погибшего пластофора...»

* * * * *

Уездный врач, Семен Ильич Ферапонтов, скучал. Ему был откровенно мерзок этот пыльный заштатный городок после великолепия Петербурга. Стоило ли учиться столько лет, тратить силы, нервы и маменькины деньги, чтобы в результате зашивать пьяницам порванные в драках морды и вскрывать чирьи на задницах местных «матрон»?.. Впору и самому спиться.

Хотелось чего-то нового, интересного, необычного. Да где его взять? Впрочем, что там говорил Тимошка?.. Привезли с утра тело покойного помещика. Как его?.. Шашек... Сашек... Сушик?.. Да-да, именно Сушик! Тимошка еще что-то такое выдал: дескать, сухой весь, под стать фамилии, будто из него все соки выпили. И еще что-то брякнул нелепое – мол, крепостные сказывают, якобы видели, как в барина змеюка залезла. Аспид. Желтый аспид. Вот ведь фантазия у нынешних крестьян! А что, крестьяне – тоже люди; уж кому

и знать о том, как не ему, врачу. Что барин, что крепостной – те же печень с селезенкой внутри, тот же, пардон за вульгарите, ливер. Кстати, о ливере и сухости – вот уж и впрямь каламбур! – Сушика... А что, если на самом деле, так сказать, аспид?.. Образно выражаясь, конечно. А если по-простому – обычный солитер? Правда, никто бы не смог увидеть, как он в этого Сушика... г-мм... влезает... Но, тем не менее, это версия. А что? Делать-то все равно нечего, проверить разве что?..

Семен Ильич спустился в прозекторскую. Надел поверх халата заскорюзлый кожаный фартук, велел Тимошке ассистировать. Сбросил несвежую, в тошнотворных пятнах, простыню с тела покойного, размял пальцы, кивнул:

– Ну-с!..

Солитера не оказалось. А ткани и впрямь были сильно обезвоженными. И, если можно так выразиться, обезжиренными.

Семен Ильич хмыкнул:

– И где же, так сказать, твой аспид?

– Чего это он мой? – обиделся Тимошка. – Это мужик, что труп привез, сказывал, будто дочка его видела, как змеюка желтая в рот барину заползла.

– В рот, говоришь? А ну-ткать... – Ферапонтов раздвинул челюсти трупа, заглянул в рот. – Ого!.. Ну-ка, подай пилочку, голубчик. Что-то у него, болезного, и впрямь там не того-с...

Сделав трепанацию и раздвинув серые морщинистые полушария, доктор только крикнул. Из середины головного мозга покойного, погрузившись наполовину в спинной, тянулось что-то желтое, толщиной в полдюйма. Ферапонтов подцепил щипцами «новообразование», вытянул и снова крикнул – перед ним, зажатая в жвалах щипцов, и впрямь висела змея. Желтая, длинная, почти в аршин длиной. Черные маленькие глазки тускло поблескивали на сплюснутой голове, тонкая щелочка рта, казалось, изображала злобную ухмылку.

– Какая гадость! – скривился Семен Ильич.

– Аспид!.. – мелко и быстро закрестился Тимошка.

– Да уж... – покачал головой доктор. – Вот и не верь после этого людям-с!..

Он бросил змеюку на стол, рядом с трупом. Взял скальпель, вонзил в желтое тельце. То есть, попытался вонзить – лезвие лишь скользнуло по шкуре, но разрезать ее не смогло. Ферапонтов попробовал еще – с тем же результатом. Он широко зевнул, отбросил скальпель и стянул фартук.

– Брось-ка эту гадость в печь, голубчик, – сказал он Тимошке и пошел мыть руки.

Санитар втянул ладонь в рукав халата и брезгливо, через ткань, взял змеиную тушку. Прошел в соседнее помещение, где в углу весело потрескивала поленьями печь-«голландка». Открыл чугунную дверцу, швырнул в огонь аспиды и стал наблюдать. Желтое тельце загорелось не сразу. Зато, когда пламя распробовало новое угощение, из печного зева повалил такой едкий дым, что Тимошка раскашлялся и спешно захлопнул дверцу.

– Аспид – он аспид и есть, – откашлявшись, буркнул санитар. – Начадил-то, начадил, идолище поганое!..

* * * * *

Шел одна тысяча восемьсот пятьдесят шестой год. Англичанин Паркес получил новое вещество – целлулоид.

Лечебный курс

1.

– Что, док, дело совсем плохо? – Истоцкий посмотрел прямо в глаза доктору и усмехнулся.

– Вы еще усмехаетесь? – насупился и без того угрюмый доктор. – Между прочим, совершенно напрасно! У вас рак, причем в такой стадии, что еще полвека назад на вас бы поставили крест, лет двадцать назад спасли бы, сделав инвалидом, года три...

– Простите, док, – прервал его Истоцкий. – История вопроса меня не очень интересует. Я хочу знать, что вы можете сделать сегодня.

Доктор, немолодой уже мужчина, внешне – классический образец представителя своей профессии первой половины двадцатого века (только без очков) осуждающе посмотрел на Истоцкого. Даже помотал головой.

– Я просто поражаюсь, как вы легко относитесь к ситуации! – развел он руками. – Вам бы все побыстрей!

– Разумеется, – вновь усмехнулся Истоцкий. – Я ведь космолетчик. Да и время такое...

– Что «время»? – перебил теперь уже доктор. – Какое «такое»? Время – оно всегда одинаково. Это – неизменяемая, так сказать, субстанция! По крайней мере, являлась таковой еще недавно. – Доктор интригуяще замолчал.

– Вы ждете от меня «охов» и «ахов»: «Почему недавно? Почему являлось?» – хмыкнув в третий раз, спросил Истоцкий. – Не дождетесь! Я про Время тоже могу интересную сказочку рассказать. Но сейчас я вашу хочу послушать. И, желательно, не про Время, а про то, как вы собираетесь меня лечить.

Доктор смутился и сделал движение, словно собирался снять очки. Поскольку в конце двадцать второго века очков никто не носил, можно было только предположить, что подобная реакция передалась ему генетически от коллег-предков.

– Видите ли, э-э... Николай Геннадьевич, – дотронулся до руки космолетчика доктор. – Я вас обнадеживать напрасно не хочу... Но как раз вчера я получил разрешение опробовать новую э-э... методику на человеке... – Тут доктор отвел глаза и еле слышно закончил: – На безнадежно больном...

Истоцкий в очередной раз хмыкнул, но ничего не сказал.

– Нет-нет! – встрепенулся доктор и замахал руками. – Я не совсем правильно выразился! Вылечить вас можно и по старым технологиям, вот только... профессию вам после этого придется сменить.

Истоцкий вскочил с антигравитационной кушетки.

– Вот уж... – вдарил он ребром левой ладони по локтевому сгибу правой руки. Но фразу не закончил, оборвав себя на выдохе. И совершенно спокойно, будто и не было только что вспышки эмоций, произнес: – Я согласен на любой, подчеркиваю – на любой, даже неапробированный метод лечения, если есть хотя бы малейший шанс на полное выздоровление. На полное, доктор! Иначе я отказываюсь от лечения вообще. Протянуть еще год-другой абы как, в постели, на инвалидной коляске – нет уж, увольте!

– Ну, почему «абы как»? – снова замахал руками доктор. – Современные методы дают такие превосходные результаты, что...

– Оставьте, док! – поднял руку Истоцкий. – Я все понял. Если я не смогу летать – поверьте, это не громкие слова, – я всегда буду чувствовать себя в инвалидной коляске! Давайте ближе к делу. Итак, что за курс лечения вы хотите мне предложить?

2.

...Запустить болезнь в конце двадцать второго века – это еще надо постараться! Информация о состоянии каждого жителя Земли, с момента рождения, обрабатывалась в режиме реального времени Региональными Информаториями и передавалась затем на хранение в базу данных Глобального Информатория, которая, в свою очередь, через определенные, незначительные промежутки времени архивировалась и дублировалась в Резервном Информатории. Проморгать даже начинающийся насморк при такой системе не представлялось возможным. Не говоря уже о чем-то более серьезном.

Другое дело – космос. Постоянные колонии и станции, разумеется, имели свои Информатории, а также необходимое оборудование и специалистов, чтобы справиться с любой известной на данный момент болезнью. Но исследовательские корабли, а тем более – спринт-разведчики, по причине малочисленности экипажей и краткосрочности миссий, в большинстве своем собственных Информаториев не имели, да и глобально-восстановительных лечебных комплексов – тоже. На спринт-разведчиках в экипажах отсутствовал даже врач – космолетчики пользовались в случае необходимости полученными при обучении медицинскими знаниями и индивидуальными лечебно-профилактическими средствами.

Так что пациентами немногочисленных стационарных госпиталей, как на самой Земле, так и в колониях, становились в основном именно космолетчики. Разумеется, в отделениях травматологии была своя статистика (от травм не спасал, увы, никакой Информаторий), хотя и там, разумеется, определенный процент космолетчиков присутствовал.

То же, что произошло с Николаем Истоцким, явилось для медицины последнего десятилетия полнейшей неожиданностью. Нонсенсом! Рак в конечной стадии – это слишком даже для космолетчика. Тем более что Информаторий не получал от Николая сведения лишь одни сутки – пока тот находился в краткосрочной исследовательской экспедиции...

Цель перед экипажем спринт-разведчика «Сюита» стояла вполне прозаичная: осуществить исследование звезды на самой периферии Метагалактики, входящей в небольшую спиральную галактику, побывавшую недавно, по земным наблюдениям, в ранге сверхновой.

Ее вспышку астрономы увидели неделю назад, стало быть взрыв произошел примерно за четыре миллиарда лет до этого. А с учетом того, что спринт-разведчики пользовались технологией СПВ (Сворачивания Пространства-Времени) или, по-простому, Нуль-Т, то, оказавшись в районе звезды в настоящее время, они могли наблюдать то, что происходит с бывшей сверхновой сейчас. Все легко, просто и довольно-таки буднично для конца двадцать второго века.

Между собой члены экипажа «Сюиты» называли свой шустрый кораблик «Суетой». Действительно, суета – прыжок, исследование объекта за пару суток, самое большее – за неделю, прыжок назад, новое задание, снова прыжок... Туда-сюда, туда-сюда – суета, одним словом.

3.

Нынешней полет ожидался таким же рядовым скачком, не более. Поэтому фразу штурмана Родионова: «Что за ерунда?» сначала за сигнал тревоги не восприняли.

– Нет, ну что за ерунда? – повторил Родионов, уже с явной целью привлечь внимание остальных членов экипажа. – Командир, посмотри, где мы выскочили!

Истоцкий бросил взгляд на сферу Показателя.

– Двести сорок парсеков от цели, – хмыкнул он. – Действительно, двести парсеков туда – двести сюда, какая ерунда!

– На тебя не похоже, Сергеич, – весело добавил космолетчик-исследователь Леха Хрумкин.

– Заткнись, Леха, – огрызнулся Родионов. Ответить командиру в подобном тоне постеснялся, но, тем не менее, изрек с явной обидой в голосе: – Ты, Геннадьич, посмотри еще, что Бортовик выдает.

Истоцкий ловко крутанул ладонью над инфополем Бортового Компьютера, разворачивая висящие в воздухе строки в свою сторону и прочитал вслух:

– «Свойства ПВ отличны от нормы. СПВ к заданным координатам невозможно. Аварийный останов Преобразователя. Введите новые координаты». Круто! Ты когда-нибудь с подобным сталкивался, Сергеич?

– Нет, конечно! Такого просто не бывает.

– Но есть же, – хмыкнул Истоцкий. – Сам видишь.

– А Бортовик накрыться не мог? – почесал седеющий ежик волос Родионов. – Или... Преобразователь, не приведи господи?

– Бортовик! Ты че, Сергеич? – гоготнул Леха Хрумкин. – Там же кристалл крепче алмаза! Он в принципе не накрывается.

– Ну, а если бы Преобразователь... – осторожно продолжил Истоцкий. – Прости, что поминаю имя Твое всуе! – полуобернулся он назад, где, в кормовой части «Сюиты» располагался Преобразователь, бог СПВ. – Если бы Преобразователь... гм-м... накрылся, да еще в процессе СПВ... Где бы, что бы сейчас от нас было?

– Тоже верно, – согласился штурман. – И что теперь?

– Для начала давайте осмотримся. Как там наша пыхнувшая звездочка? Отсюда все ж получше видно. – Истоцкий увеличил часть изображения на экране Визора.

На экран он глядел минут пять, молча, только привычно похмыкивая. Затем обернулся назад и увидел, что Леха Хрумкин буквально разинул рот и выпучил глаза, уставившись в экран.

– Смотрю, тебя картинка тоже впечатляет, – усмехнулся Истоцкий.

Вместо ответа Хрумкин выдавил из себя что-то нечленораздельное, тыча пальцем в центр изображения.

– Да что вы там увидели? – заинтересовался Родионов, который все еще продолжал мучить Бортовик. А когда посмотрел внимательно на экран Визора – даже побледнел.

– Батюшки святы! – простонал он, раскачивая головой. – Звездочка-то только-только жажнула! Дня три от силы...

– Но этого не может быть, – просипел ошалевший Хрумкин. – Прошло уже... Прошло уже... Так, если мы не долетели двести сорок...

– Леша, брось считать, – поморщился Истоцкий. – Миллион лет больше, миллион меньше – это не суть. Факт в том, что это произошло не на днях.

– Значит, она снова взорвалась?! – ахнул штурман.

Леха Хрумкин, вспомнив, что он как раз и является специалистом по данным вопросам, взял себя наконец в руки, и заговорил более-менее спокойно:

– Взорваться снова она не могла. Это исключено. Тут что-то другое.

– А может, это вовсе не та звезда? – пришла в голову Истоцкому шальная мысль.

– Геннадьич, ты меня обижаешь! – Теперь Родионов покраснел. – Вот, смотри, рядом молодое скопление... Что за черт!

– Что на сей раз? – в очередной раз хмыкнул Истоцкий.

– В-место скопления п-протооблако... – начав заикаться, жалобно простонал штурман. – А т-там, и вон там... – стал тыкать он в экран пальцем. – В-все не т-там...

– «Там, не вон там...» – нахмурился Истоцкий. – Ты яснее можешь выражаться?

– Коленька, мы, кажется, попали в прошлое... В далекое-далекое прошлое... – захлопал глазами Родионов, виновато глядя на командира.

– Ты говори, да не заговаривайся! – буркнул Истоцкий. – Что там Бортовик насчет ПВ выдает?

– Чепуху какую-то выдает, Коленька... – перестал наконец заикаться штурман. – Мне все же легче поверить, что он сломался... По его показаниям, там, впереди – какое-то отрицательное Время... А буквально в двух астроединицах перед нами оно... – Родионов запричитал, тонко, по-бабьи: – Пресвятая богородица! Коленька, это как волны сталкиваются! Интерференция, ей богу! Волна обратного Времени с нормальным сталкивается и... Ой-ей-ей, не приведи Господи! Да это что же такое-то?!

– Командир! А сзади все нормально! – закричал вдруг радостно Хрумкин.

– Ну-ка, ну-ка, – потянулся к экрану заднего обзора Родионов. Он лихорадочно принялся шарить Визором по звездному полотну, увеличивая то один его участок, то другой. – Ого, и правда ведь! Все хорошо у нас сзади. Пока, во всяком случае... Тьфу-тьфу-тьфу!

– Ну-ка, вот что, разведчики, – хлопнул Истоцкий ладонью по колену. – Давайте-ка быстро назад! Пока там хорошо... Родионов, быстро вводи обратный курс!

– Слушаюсь, командир! – просиял штурман.

– Хрумкин, ты успел всю эту галиматью зафиксировать?

– Так точно, командир! – вечно лыбящийся Хрумкин стал совершенно серьезным. – Правда, без классификации и анализа...

– Пусть дома ученые анализируют и классифицируют, – перебил Истоцкий. – Пусть разбираются. А нам бы сейчас главное до этого дома добраться... Штурман... – Истоцкий, не договорив, уронил вдруг голову на грудь.

Родионов заканчивая ввод маршрутных координат этого не заметил и пробормотал только: «Сейчас, сейчас, Коленька! Полминутки еще...», зато Леха Хрумкин метнулся было к бесчувственному командиру, но и сам вдруг покачнулся и рухнул обратно в кресло. Правда, пришел в себя быстро и снова потянулся к командирскому креслу. По пути он глянул на штурмана и с ужасом увидел, что Родионов тоже сидит без движения, уткнувшись лбом в сферу Показателя.

«Успел ли он ввести координаты?» – обожгло Леху межзвездным холодом. Но проверить это он уже не мог, поскольку почувствовал, что снова теряет сознание. Последним усилием отгоняя туман небытия, Хрумкин, перевесившись через плечо Истоцкого, набрал в командном поле Бортовика код запуска программы старта.

4.

– Что я хочу вам предложить? – переспросил доктор, собираясь с мыслями и поправляя несуществующие очки. – М-м-да... Попытаюсь объяснить, как выражались в старину, на пальцах. Вы, разумеется, изучали хронофизику, и что такое Время представляете.

– Да уж! – хмыкнул Истоцкий. – Не надо заумностей, док, расскажите суть.

– Я как раз и пытаюсь подобрать сравнение, для наглядности. Вот, например, мы бросаем в воду камень. Что происходит?

– Камень тонет, – пожал плечами Истоцкий.

– Что? – удивился доктор. – Ах, да! Камень, естественно, утонет. А что происходит на поверхности воды?

– Круги от камня. Волны.

– Вот именно! – обрадовался доктор и помахал руками. – На поверхности расходятся волны! И если упростить свойства Времени до этого наглядного примера, то временные волны также расходятся, унося нас на своих гребнях.

– Да вы поэт, док! – усмехнулся Истоцкий. – Но при чем тут моя болезнь?

– Вы торопитесь, молодой человек, – покачал головой доктор. – Я именно к этому и подвожу. Вашу болезнь мы лечить не будем. Мы просто повернем ее ход вспять! Мы заставим круги от брошенного в воду камня вновь сойтись в начальную точку.

– Но как?! – ахнул космолетчик.

– Небольшое устройство! – гордо заявил доктор. – Результат многолетнего труда! Разумеется, не только моего лично.

Доктор достал из открывшейся в стене ниши широкий черный пояс, покрытый серебристыми монограммами.

– Вот это устройство, – протянул он пояс Истоцкому. – Надевайте!

Истоцкий осторожно принял из рук доктора пояс. То, что он принял издали за монограммы, на самом деле оказалось серебристой паутиной тончайших проводов и контактов, змеившихся в матовой черной глубине устройства. Материал, из которого был изготовлен пояс, казалось, действительно обладал глубиной. Истоцкому почудилось, что он вновь заглядывает в пучину Вселенной, испещренную завораживающим серебром звезд и туманностей.

– Надевайте! – повторил доктор. – Сейчас мы локализуем поле обратного Времени вокруг вашей опухоли, и круги от камня повернут назад. В первые мгновения вы, возможно, почувствуете некоторое беспокойство, может, будет чуточку больно – волны обратного Времени, устремляясь к центру опухоли, будут сталкиваться с волнами обычного Времени, образуя, так сказать, интерференцию, но это недолго... Что с вами, Николай Геннадьевич?!

А Истоцкий медленно поднимался с антигравитационной кушетки, все еще всматриваясь в космическую глубину чудесного пояса. Но глаза его явно видели что-то совершенно иное, а губы шевелились в беззвучном шепоте.

– Что с вами?! – всполошился доктор. – Вам плохо? Давайте скорее начнем лечебный курс!

Истоцкий удивленно посмотрел на доктора, словно увидел его впервые.

– Лечебный курс? Он уже начался... И вы знаете, что такое Вселенная, док?..

Гул

Даже сейчас, по прошествии пяти без малого лет, эта история вспоминается с непременными мурашками на коже и пресловутым «шевелением волос». Стоит ли говорить о том, что творилось в нашем неведомом богу форте на забытой им же планетке тогда, летом две тысячи двести тридцатого? Впрочем, я думаю, стоит. Хотя бы потому, что истинной причины произошедшего тогда так и не нашли, и, если верить хотя бы основной, ставшей в итоге официальной версии, подобное вполне может случиться вновь. Не накаркать бы, как говорится, конечно.

В форте Амалия, названном так в честь жены основателя, проживало тогда около двух тысяч человек. Больше половины из них составляли супружеские пары. Это и понятно: прилетали сюда надолго, как правило навсегда, так что обзавестись семьей было вполне логично. Впрочем, многие из колонистов и прибывали сюда уже женатыми, зачастую вместе с детьми. Да и здесь тоже дети рождались. Так что у нас уже тогда были и детский сад, и школа. Даже детский дом пришлось, к сожалению, открыть. Поскольку люди не только рождались, но и умирали. Не от старости, конечно, стариков у нас и теперь-то почти нет, все-таки колонизация планет дело молодых. Но оно, это дело, во все времена было сопряжено с риском. Без несчастных случаев не обходилось. Поэтому иногда некоторые дети становились сиротами и попадали в детский дом. Правда, там жило не больше десяти ребятишек. В том числе и эти две девочки. Как их звали?.. Одну точно Альбина, а вторую тоже как-то похоже, то ли Алина, то ли Алла... Они и внешне казались почти на одно лицо, хотя Альбина года на два была старше сестры. Да-да, они были родными сестрами. Внучками основателя форта Назара Макарова. Собственно, он только открыл само месторождение, оставил маяки и вехи, а форт основали уже позднее геологи-разработчики, но тем не менее. Не будь Макарова, не было бы форта. Впрочем, не он, так кто-нибудь другой открыл бы. А может и нет. Не в том суть этой истории.

А суть в том, что случилось с девочками, сестренками Альбиной и... пусть будет Аллой, точно не вспомнить. Впрочем, еще раньше несчастье постигло их родителей, пилотов Макаровых. Самое обидное, что девочки вообще не должны были жить здесь, ведь постоянных пилотов у нас в штате нет. Но тогда Макаровым подвернулся этот контракт, по которому они должны были три месяца мотаться между нашей планетой и рудной базой-концентратором на Тьене. А у нас же здесь красота была – девственная природа: леса, горы, реки... Это сейчас вокруг Амалии лунный ландшафт, почти как на той же Тьене. А тогда разработки только начинались, и было еще очень красиво. Вот Макаровы и решили устроить девочкам летний отдых на природе. Взяли их с собой... Эх, знать бы, чем дело кончится! Так кто же знал... И ведь оставили они девчонок как раз в детском доме, когда в первый рейс отправились. Он же и последним для них оказался. Не крайним, как пилоты предпочитают говорить, а самым что ни на есть последним: грузовик взорвался при старте, километров на десять поднялся – и рванул. Так что где родители дочек поселили, так они там и остались. В детском доме. Ненадолго, правда. Потому что как раз в то же лето с ними это самое и случилось.

Как потом рассказали дети постарше, девчонки не просто так сбежали. Да и куда тут бежать? Кроме Амалии, других поселений здесь тогда не было. Альбине к тому времени уже шесть лет исполнилось, как раз в школу осенью должна была пойти, так что соображала все-таки. А пошли они... родителей искать. Им, оказывается, не сказали, что Макаровы погибли. Ну, взрыв-то грузовика все видели, и девчонки тоже, только нашлись сердобольные умники, «утешили» сестренку: мол, пилоты успели спасательной капсулой воспользоваться, только она тоже от взрыва повредилась, вот и упала далеко от форта, и папа с мамой сейчас по горам-

лесам к ним пробираются. Может, завтра придут, а может через месяц. Девчонки подождали недельку-другую и не вытерпели, пошли искать родителей.

А искать самих сестренок пришлось. Быстро, правда, нашли. Собственно, я и нашел. Я как раз на поисковика стажировался. Недалеко они ушли, всего-то километров десять. Хотя, если возраст девчонок учесть, да то, что они ночью отравились – и это немало.

Нашли-то нашли, да только... В общем, от старшей вообще почти ничего не осталось – кровавое месиво, вспомнить жутко. Только по одежде да рыжим волосам понятно было, кто это. А младшая сзади шла, возможно поэтому ей чуть меньше досталось... Ровно наполовину меньше. До пояса снизу у нее был такой же кисель, что и все тело у сестры. А сверху она выглядела абсолютно целехонькой. И даже еще дышала. А перед тем как умереть, глаза открыла и прошептала – не то «кул», не то «гул». Сначала подумали, что это она по-английски сказала, что ей холодно. Но если подумать, с чего это четырехлетний русский ребенок станет по-английски разговаривать в такой момент? Хотя, с «гулом» странностей еще больше. В ту ночь никакие работы поблизости не велись, транспорты не летали. Чьих-то следов возле тел девочек не было. Да и какие следы? Крупных животных здесь вообще не водится, во всяком случае, в этой части планеты. Единственное, что смогли придумать наши «умники», то, что гул – это некое низкочастотное колебание. Но разве звук может раздавить человека, размазать его буквально в лепешку? Тем более, деревья вокруг остались совершенно целыми. Некое локальное изменение гравитации, сопровождавшееся звуками низкой частоты? Но такой аномалии здесь тоже ни до, ни после трагедии не видели. Однако именно такое официальное заключение и сделали. Впрочем, мало ли что мы не видели! Сколько мы всего-то на этой планете сидим? Восемь лет только. Это даже не секунда в планетарных масштабах, а просто миг. Да и роемся мы пока лишь вокруг форта, остальная территория для нас натуральная terra incognita. Так что подобное вполне может оказаться обыденной местной «достопримечательностью». Не дай, конечно, бог.

Между прочим, трагедия гибелью девочек не ограничилась. Узнав о случившемся, умерла их бабушка, подарившая свое имя нашему форту. Просто не захотела жить, потеряв сына с невесткой, а потом и внучек.

Но мне пора возвращаться к делам – сегодня в Амалию прилетает очередной грузовик.

– Вы занимались расследованием гибели девочек? – с порога впила в меня настороженным взглядом высокая рыжеволосая девушка, только что прибывшая с грузовиком. Это могла быть лишь Анна Макарова. Такой вывод я сделал путем несложных умозаключений. Местных я, разумеется, всех знал, поэтому прилететь она могла только что – посадку грузовика я наблюдал десять минут назад. Посторонних на грузовики не берут ни под каким предлогом, следовательно, это мог быть только кто-то из пилотов. Интересоваться расследованием давнего, официально закрытого дела, да еще сходу, даже не поздоровавшись, мог только кто-то лично заинтересованный в этом. Наконец, эта девушка была очень похожа на Макаровых – что на Назара, что на его сына. А из родственников у старого космолетчика оставалась лишь дочь Анна, тоже космический пилот.

– Здравствуйте, Анна, – поднялся я с кресла и шагнул навстречу девушке.

Та откровенно удивилась:

– Вы меня знаете? – и, опомнившись, протянула руку: – Извините, здравствуйте...

– Матвей.

– Здравствуйте, Матвей.

Пожатие ее было крепким, мужским.

– Лично я вас вижу впервые, – ответил я на вопрос девушки. – Но догадаться, кто вы, было несложно.

– Ну да, – усмехнулась Анна одними губами, оставив взгляд настороженным и холодным. – Так это вы занимались делом моих племянниц?

– Не совсем, – ответил я и жестом пригласил ее садиться. Девушка села. Я тоже вернулся к столу и опустился в кресло. – Я принимал участие в поисках. Но расследованием занимались другие. Собственно... – замялся я, – ...там и расследовать-то было нечего. Никаких следов, никаких фактов, кроме... самих тел. Поэтому и заключение сделали такое... ну, вы видели, наверное.

– Я видела. – Во взгляде Анны прибавилось холода. – И по-моему, это заключение – полная профанация. Отмазка.

– Но вы поймите правильно! – снова вскочил я. – Иных объяснений попросту не было! Разумных, во всяком случае.

– А неразумных?

– Что вы имеете в виду? – вновь опустился я в кресло.

– Ничего. Вы сможете меня туда отвести?

Я, конечно, понял – куда, но все равно удивился.

– Но зачем? Что вы там надеетесь увидеть? Уверяю вас, никаких следов не было! А уж теперь, через пять лет...

– Тогда объясните, как туда идти. Покажите на карте.

– Погодите! – поднял я обе руки. – Я ведь не отказываюсь вас проводить. Я только не могу понять – зачем?

– Если не отказываетесь, проводите, – поднялась Анна. – Если можно, прямо сейчас. Завтра я улетаю назад. – На мой вопрос она так и не ответила.

– Хорошо, – пожал я плечами. – Идемте.

Первые пять километров идти было легко – выработки окружали форт сплошными участками, и к каждому из них вели дороги. Потом начался лес. Но и он уже не оставался тем нехоженым и диким, что еще два-три года назад. Повсюду виднелись следы человеческой деятельности – вырубки, просеки, многочисленные шурфы...

Я исподволь поглядывал на Анну и замечал, как брови ее все ближе сходятся к переносице, губы сжимаются в тонкую линию, в глазах прежний холод сменяет боль. Не знаю, что было причиной этого – то, что мы приближались к месту гибели девочек, или то, что она видела вокруг. Наверное, и то, и другое. Даже мне стало впервые не то чтобы стыдно, но очень неловко за то, что мы сотворили с некогда поистине божественным местом. Но ведь нельзя, как говорится, не разбив яиц, поджарить яичницу! Впрочем, яичница нужна для поддержания жизни, а то, что добывали здесь мы...

Додумать я не успел. Анна неожиданно вскрикнула и остановилась. Я подскочил к ней.

– Что? Что случилось?

Но девушка не ответила. Казалось, она не замечала меня и смотрела на что-то прямо перед собой. Но впереди ничего не было, кроме таких же деревьев, что остались позади нас. Хотя... Я огляделся. Похоже, мы почти пришли к тому месту, где погибли девочки. Только я забрал чуть правее.

– Гу-уул!.. – провыла вдруг Анна, не разжимая зубов. Она побледнела, на лбу выступил пот. Одна его струйка, очень похожая на слезы, пробежала по неестественно белой щеке. Анна будто бы сжалась, словно ей стало холодно.

– Да что с вами? – взял я ее за плечи. И тут же отпрянул. Мне показалось, что я дотронулся до камня – настолько твердыми были ее мышцы.

Анна рухнула на колени. Голова ее упала на грудь. Девушка с огромным трудом подняла ее, словно неведомая сила давила на нее со всех сторон, и простонала едва слышно:

– Гул!.. Он не... священник... Он соврал... Но он о тебе не...

Тут силы оставили ее окончательно, и Анна повалилась набок. Из носа и ушей потекла кровь.

Я стоял, будто пришибленный. И лишь увидев кровь, наконец-то очнулся, бросился к Анне, поднял ее и понес назад, то и дело спотыкаясь, поскольку ноги мои дрожали и отказывались нормально шагать. Тело Анны, по твердости не уступавшее полену, стало быстро обмякать, отчего нести его мне стало еще труднее. В итоге я все-таки споткнулся по-настоящему, выронил Анну и зарылся носом в мягкий мох.

Девушка застонала, что показалось мне дивной музыкой – я почему-то решил, что она уже умерла. Впрочем, не будучи врачом, я не знал, насколько близко она была к этой грани. Но вместо того, чтобы срочно нести Анну в форт, я неожиданно для себя побрел туда, где только что произошла с ней эта странная метаморфоза. Впрочем, на самом-то деле я знал, почему сделал это. Просто был в таком состоянии, когда сознание с подсознанием словно поменялись местами, а то и вовсе перемешались в однородную массу, будто и я попал под тот неведомый и невидимый пресс.

Я остановился в том самом месте, где упала Анна. На белом мху ярко алели пятна ее крови. Я не чувствовал ничего – никакого внешнего воздействия, хотя и ждал, невольно напрягшись, что меня вот-вот сожмет незримыми тисками, раздавит, перемелет, бросит на белый мох кровавым бесформенным ошметком. Мне показалось, что время застыло, что прошло уже полчаса, час, хотя на самом деле едва ли я стоял так больше пары минут. Ничего не происходило. Совсем ничего.

Тогда я вспомнил, к кому обращалась Анна, и тоже позвал:

– Гул!..

Ответом мне была тишина. Я сделал шаг вперед. За ним второй, третий. Я потряс кулаками и крикнул:

– Гул! Или как там тебя! Почему ты не трогаешь меня? Вот он я – перед тобой! Бери меня, жми, дави! Почему тебе нужны только женщины и дети?!..

Внезапно воздух передо мной словно сгустился. По нему побежали едва видимые волны и струи, словно от нагретой на солнце поверхности. Я невольно шагнул назад. Между тем воздух впереди уплотнился настолько, что приобрел некое подобие человеческой фигуры. А в голове моей словно взорвались мозги – настолько мне стало больно. Так больно, что я не сразу осознал, что этим взрывом стали простые слова. Только звучали, – а точнее, взрывались, – они прямо в моем мозгу.

– Потихе! – простонал я, сжимая руками голову. Мне казалось, что еще одной подобной фразы она просто не выдержит и разорвется на части. Но меня слышали. Голос продолжал дергать голову болью, но ее уже можно было терпеть.

– Почему? – повторил голос. – Почему ты невредим?

– Извини, – сказал я. – Наверное, это ненадолго. Так ведь?

– Ты спросил, почему мне нужны только дети и женщины. Я не знаю, кто это такие. Мне не нужен никто из вас. Но отсюда должны исчезнуть все, в ком течет его кровь! Все из них, кто переступит этот предел, как он сам переступил данное им слово, нарушил тайну исповеди.

«Вот и все, – подумал я. – Вот и глюки. Знать, и правда умираю». И все же спросил:

– О ком ты? И кто ты такой?

– Я – Гул. Преступник, отбывающий наказание. И я говорю о члене твоего рода, который не сдержал данного им слова. Я исповедался ему. Он обещал хранить тайну. Но еще один член твоего рода сказал сейчас, что тот, кому я исповедовался, обманул меня в самом начале, сказав, что он священник. Неужели вы можете так лгать?

При слове «так» голова моя опять взорвалась болью. Я снова сжал ее ладонями и, не удержавшись, вскрикнул. И сделал шаг назад. Стало лучше. Я отступил еще и попросил:

– Скажи еще что-нибудь.

– Что ты от меня хочешь?

– Пока ничего, – ответил я. – Я всего лишь регулирую громкость. Вот теперь хорошо!

– Ты не ответил на мой вопрос. Почему вы лжете? Почему вы так лжете?

Слово «так» снова кольнуло меня болью. Но эта боль показалась мне просто щекоткой по сравнению с прежней, так что я не стал обращать на нее внимания и ответил вопросом на вопрос:

– А вы разве не лжете?

– Конечно же нет! Если только случайно, в случае искреннего заблуждения.

– Ну а мы вот... такие, – развел я руками. – Только, по-моему, ложь все-таки меньшее зло, чем убийство.

– Это не убийство! Это наказание. Но я не понимаю, почему оно не действует на тебя и на других... особеней его рода?

– Я не понимаю, о ком ты, – нахмурился я. – И что за род ты имеешь в виду? Человечество в целом или чей-то конкретный?

– Он имеет в виду наш род, – послышалось сзади.

Я обернулся. Анна стояла, ухватившись за дерево. Бледная, измазанная кровью, но живая!

– Род моего отца, – стиснув, то ли от боли, то ли от презрения, зубы, добавила она. – Семейю Назара Макарова.

Прозрачный силуэт Гула качнулся и потерял четкие очертания.

– Разве род может означать что-то разное? Разве Назар Макаров не принадлежит к человеческому роду? Разве у него другая кровь?

– У всех людей разная кровь... – пожал я плечами, все еще не очень понимая, к чему клонит наш прозрачный собеседник. – Ну, почти разная. Есть какие-то общие группы, еще всякие там признаки... Прости, я не медик.

Тут вдруг закашлялась Анна. Точнее, это мне сначала показалось, что она кашляет. На самом деле девушка сухо, отрывисто смеялась.

– Он проклял наш род, – отсмеявшись, так же отрывисто и сухо пояснила она. – Он спросил у отца, что объединяет его род, и отец сказал, что это – общая кровь. Но они подразумевали разные вещи. Отец имел в виду семью, а этот – все человечество.

– Он еще раз обманул меня? – «завучал» в моей голове голос Гула. В голове Анны, по-видимому, тоже, потому что девушка ответила:

– Нет, он сказал правду... – Она закашлялась теперь уже по-настоящему.

– Род и семья – могут означать разные понятия, – пояснил я, – но могут одно и то же.

– Я не понимаю, – «сказал» Гул. – Как одно и то же может быть разным?

– Вот такие особенности у нашего языка. Во всяком случае, у русского, – развел я руками.

– Но я не знаю вашего языка... Мы общаемся невербально. Ведь и с вами я сейчас не говорю в вашем понимании. Это ваш мозг перекодирует информацию в доступную вам форму.

– погоди... – совсем запутался я. – То есть мы, возможно, говорим сейчас с тобой совсем о разных вещах?..

Мне показалось, что Гул задумался. Во всяком случае, голос в моей голове не давал о себе знать.

А потом отпустив наконец дерево, вперед шагнула Анна.

– Может быть, и с моим отцом... с тем человеком, которому ты мстишь, вы просто не поняли друг друга? Может, он вовсе не обманул тебя? Тебе действительно был нужен

священник? Именно служитель религиозного культа? И ты действительно исповедовался моему отцу, то есть сделал ни что иное, как раскрыл ему душу, покался в грехах?

– Да, – «завучал» Гул снова. – Я совершил преступление. Здесь, на этой планете. Мои соотечественники, члены моего рода, приговорили меня к одиночеству. Они вернулись домой и уничтожили мое тело, поэтому я теперь здесь навечно. Но меня сокрушало не столько наказание, как тот грех, который оставался на моей душе. А тот человек... Я спросил, не священник ли он, и он ответил «да». Я воспрянул духом и все рассказал ему. Но все же я предупредил, что если он нарушит тайну исповеди, то весь его род, все особи с его кровью будут терять оболочки, если отойдут от места, где находится его корабль, дальше, чем то место, где мы с ним встретились.

– Примерно десять километров, – почему-то шепотом подсказал я Анне. – Форт возведен как раз в месте первой высадки Назара Макарова.

– Я знаю, – тоже шепнула она. А потом произнесла вслух, обращаясь уже к Гулу: – Что ты имеешь в виду под телами и оболочками? Разные понятия, или ты в обоих случаях говоришь об одном и том же?

– Конечно, разные! – Даже в голосе, который являлся всего лишь порождением моего мозга, мне почудились человеческие эмоции. – Разве возможно путешествовать между мирами в своем собственном теле?

– То есть это... – ткнула в воздушный сгусток Анна, – ...не твое настоящее тело?..

– Я ведь сказал, что мое тело уничтожили на родине. В наказание за преступление. А это такая же искусственная оболочка, как у вас. Мы непохожи внешне, но ведь по сути... Вы же не хотите сказать, что находитесь здесь в настоящих телах?..

– О, боже!.. – закрыла глаза Анна. – Он даже не знал, что творил!..

Прозрачный силуэт Гула заметался, помутнел, завертелся десятками маленьких смерчей, а потом собрался вновь в единую форму, но она уже не напоминала человеческую фигуру, а казалась нелепым облаком в форме огромного гриба с покосившейся шляпкой.

Голос «завучал» снова. Но он был теперь столь тихим, что нам с Анной пришлось подойти к Гулу почти что вплотную.

– Так я... Я на самом деле убил?.. Уничтожил четырех разумных существ?..

– Шестерых, – сухо ответила Анна. – Двух девочек, их мать и отца, а заодно и бабушку с дедушкой.

– Как «с дедушкой»? – изумился я. – Ведь Назар Макаров жив!

– Уже нет, – с прищуром глядя на гриб, сказала Анна. – Он покончил с собой. Не смог пережить. Весь остаток жизни он винил себя за это. За то, что назвался тогда священником. Отец не был религиозен ни на йоту, он просто пошутил. Так что и тайну исповеди, по сути, он не нарушал. Поскольку в принципе не мог принимать чью-либо исповедь. К тому же, он ничего никому не сказал о Гуле. Несмотря на то, что это сделало бы его еще более знаменитым. Он раскрыл людям даже не саму тайну исповеди, а только следствия из нее. Поэтому он вдвойне невиновен! Он пообещал не говорить об этом... грешнике – и не сказал. Мой отец был человеком чести.

– Но все равно он не должен был рисковать родственниками! – не сдержался я. – Ведь Гул высказал ему конкретное предупреждение! Почему он так легко отпустил сюда сына и внушек?!

– А насколько конкретным было это предупреждение? – еще сильнее прищурилась Анна. – Ну-ка, Гул, постарайся воспроизвести в точности, что ты грозился сделать с родней моего отца?

Шляпка «гриба» совсем съехала набок. Гул теперь «лепетал» столь невнятно, сбивчиво и тихо, что мне пришлось попросить его увеличить «громкость».

– Я передал ему... Я выразил мысль, что их... что они... члены рода с его кровью... Что я сорву их оболочку!..

– Боже мой! – ахнула Анна и закрыла лицо ладонями.

– Он засмеялся в ответ?! – заорал я на Гула.

– Он... издавал такие же звуки, как издавала недавно эта... особь.

– Сам ты особь! – взвился я. – Да он же принял твои угрозы за ответную шутку! – Я обернулся к Анне. – Ваш отец подумал, что этот дятел пригрозил их раздеть!

– Я поняла, – отняла от щек руки Анна. – А вот понял ли он? – кивнула она на Гула.

– Я совершил не один грех, – раздалось у меня в голове. – Я совершил столько грехов, что мне не отпустит их ни один священник. Я должен сообщить на родину об этом. Мне обязаны ужесточить наказание! Я прошу вас доставить эту информацию на мою планету!..

– Да пошел ты! – сплюнул я. – Кайся в одиночестве. Или сам себя накажи. Как Назар Макаров. Ты мне лучше скажи, в каком таком грехе ты ему покался, что за разглашение своей исповеди ты убил столько людей?

– Я не могу, – снова превратился в туманное облачко Гул. – Вы не священники!.. Это тайна.

– Тоже мне тайна, – фыркнула Анна и достала из кармана белый прямоугольник. – Вот, смотри. Отец оставил перед тем как... Для меня лично он написал другое письмо, более подробное. Но и этого хватит, чтобы понять суть.

– Что это? – изумился я, взяв прямоугольник в руки. – Это же... бумага!

– Ну, да, – усмехнулась Анна. – Ты никогда не писал на бумаге?

– Что-то не припомню. Может быть, баловался в детстве...

– Для космолетчиков умение писать на бумаге обязательно. В полете может произойти нештатная ситуация, отказать записывающее оборудование, да мало ли что еще! Но в любом случае все сведения должны быть зафиксированы в бортовом журнале. В бумажном. Рукописном. Карандаш и бумага никогда не откажут, пока они есть.

Я развернул бумажный листок. Читать рукописный текст оказалось не очень-то просто. Но почерк старого космолетчика был ровным и четким, так что я довольно быстро разобрался в его особенностях. И вот что я прочитал.

«11 мая 2235. 19:47. Ухожу из жизни. Причины – личные. Довожу до сведения, что 12 августа 2227 года на 2-й планете звезды Чара (Bet Cvn) созвездия Гончих Псов мною был установлен контакт с представителем внеземной цивилизации, назвавшим себя Гул. Существо не имеет постоянной формы и трансформируется из уплотненного воздуха в более или менее устойчивые на время общения образования. Беседа велась на телепатическом уровне. Удалось выяснить, что Гул прибыл из другой звездной системы и отбывает на этой планете наказание за совершенное преступление. Насколько мне стало известно, во время экспедиции на эту планету Гул, имеющий врожденную способность менять напряженность гравитационного поля, проводил несанкционированные опыты. Он создавал избыточное давление в областях залегания каменноугольных пластов, преобразуя уголь в алмазы. Целью опытов являлось создание искусственной жизни, поскольку, по словам Гула, жизнь на его родной планете имеет кристаллическую основу и, по его теории, зародилась подобным образом. Соплеменниками Гула данные опыты были признаны аморальными и неэтичными, и Гул был приговорен к пожизненному заключению там же, на 2-й планете звезды Чара. Места залегания созданных Гулом алмазных образований были указаны мною в предоставленных ранее отчетах».

Закончив чтение, я не мог сдержать возмущения:

– Ты хотел из мертвого сделать живое, но так легко из живых делал мертвых?!

– Я же не знал!.. Но откуда ты... – «завучал» во мне голос.

Я виновато посмотрел на Анну. Но та успокаивающе кивнула, забрала у меня листок и показала его Гулу.

– Вот! Лишь перед смертью отец раскрыл тайну твоей исповеди. Несколько дней назад. Теперь ты можешь с чистой совестью убить меня. Начинай!

– Можешь прихватить заодно и меня! – выкрикнул я, хотя тут же смутился: фраза прозвучала чересчур театрально.

Гул опять превратился во множество маленьких вихрей. Я даже услышал, как они тихонечко завывают и гудят, словно подтверждая смысл имени «хозяина». Мне стало страшно за Анну и я, приобняв девушку за плечи, собрался увести ее подальше от этого безобразия. Но голос «завучал» снова:

– Я больше не стану никого убивать. Убил бы себя, но это еще больший грех, да у меня и нет для этого возможностей. И хорошо, что нет. Потому что делать что-то надо лишь тогда, когда точно знаешь, что ты делаешь. Идите! Я не трону вас. И ваших детей тоже.

Мы с Анной переглянулись, и я увидел, что девушка покраснела. Думаю, не меньше, чем я сам.

– Только наших? – переспросила Анна.

– Я говорю сейчас обо всем вашем роде. Я так и не понял, почему у всех вас разная кровь, но больше она не прольется. Идите с миром.

– Аминь! – невольно вырвалось у меня.

– Так ты все-таки священник?! – обрадовался Гул.

– Вообще-то нет, – ответил я и, улыбнувшись, посмотрел на Анну. – А может, мне и впрямь стать священником? На планете с таким именем это должно быть почетно.

Из протокола заседания Совета Земной Федерации от 15 декабря 2227 года:

«В честь первооткрывателя, Назара Макарова, присвоить второй планете системы звезды Чара (Bet CVn) созвездия Гончих Псов имя Назарет».

Сенсационное интервью

День начинался отвратительно. Едва я включил компьютер, чтобы начать писать очередную статью, как заявился давешний летчик-старлей. Я даже забыл уже, как его зовут, да и в интервью назвал под псевдонимом – Сергей. А фамилия у него была «колоритная» – Воробьев.

Старлей долго мялся, не зная, как начать разговор, и я сразу понял, что он будет не из приятных.

– Вы знаете, – решился наконец летчик, – я пришел просить, чтобы вы написали опровержение.

– Опровержение чего, простите? – прикинулся я дурачком.

– Ну, того интервью со мной... во вчерашнем номере, – покраснел и опустил голову офицер.

– А в чем, собственно, дело? Вы рассказали мне неправду?

– Да, это была глупая шутка.

– Что-то непохоже, Игорь Сергеевич, – вспомнил я вдруг имя летчика. – Давайте начистоту: в чем все-таки дело?

Старлею, похоже, стало совсем плохо. Он явно не привык что-либо просить и оправдываться. В конце концов, он махнул рукой и заговорил открыто, глядя мне прямо в глаза:

– Только между нами: мне круто влетело от начальства за то, что я вам рассказал. Был поставлен ультиматум: или я добиваюсь от вас официального опровержения, или вылетаю в запас. Поймите, я не могу без неба – это не громкие слова... Напишите опровержение!

– Но в интервью не было ни вашей фамилии, ни звания. Как догадались, что это были вы?

– У нас там не дураки сидят – быстро вычислили, – горько усмехнулся летчик. – Так как все же с опровержением? Я не пошел напрямую к вашему редактору, как мне было велено, решил сначала поговорить с вами – очень мне перед вами неудобно, не хотелось подставлять...

– Ага, спасибо за заботу, – съерничал я. – Теперь я сам себя подставлять буду.

Оказалось, что подставлять самого себя не пришлось: армейские командиры Игоря Сергеевича подстраховались и сами позвонили нашему редактору, Ивану Николаевичу Семенову. Не успела за старлеем закрыться дверь, как меня вызвали «на ковер».

– Слушай, Алексей, что за чушь ты тут пишешь? – раздраженно бросил шеф на стол передо мной вчерашний номер газеты.

Мне очень хотелось ответить родному начальнику, что он сам подписывает к печати каждый номер и если уж не читает досконально все материалы подряд, то просматривает наверняка. Вряд ли мое интервью прошло незамеченным. Что-то он тут неспроста возникает!

И точно, Семенов, будучи в общем-то человеком справедливым, признался, что был звонок от командира воинской части, который недвусмысленно грозился неприятными мерами в отношении нашей газеты, если мы не дадим опровержения вчерашнего интервью.

В общем, выкрутился я – проявил журналистскую смекалку! И спасло меня то, что интервью мое попало в номер аккурат за 31 марта. А выходит наша газета три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Так что свалил я все, без зазрения совести, на День дураков, в честь которого, якобы, и было напечатано это «интервью».

«Первым, – писал я в следующем номере, – кто догадался, какой из материалов нашего предпервоапрельского номера был выдуман от начала до конца, стал Игорь Сергеевич Воробьев, который и получил приз». Совесть моя была чиста – ведь эти строки я писал первого апреля, в День дураков. Да и насчет приза я, думаю, не соврал – строгий выговор старлей схлопотал, но на службе остался.

Да, кстати, – интервью, из-за которого и разгорелся весь этот сыр-бор, называлось «НЛО в качестве тренажера». Вот оно:

«Нашим уважаемым читателям уже, вероятно, встречались сообщения в печати, о якобы скрываемом в одном из ангаров авиационного гарнизона М-ска неопознанном летающем объекте или, попросту говоря, НЛО. В период повального увлечения НЛО и прочей «чертовщиной» эти сообщения вряд ли произвели на кого-либо должное впечатление. Признаться, и мы считали их очередной «уткой», причем, образно выражаясь, «с душком».

Однако несколько дней назад нашу редакцию посетил военный летчик М-ского гарнизона, просивший не сообщать его фамилию и звание (назовем его условно Сергеем), и рассказал буквально следующее:

– В нашей части действительно находится «летающая тарелка». По известным причинам я не могу сообщить историю ее появления. Подтверждаю только, что это на самом деле летательный аппарат внеземного происхождения, причем абсолютно пригодный к эксплуатации.

– Вы хотите сказать, Сергей, что его летные качества как-то проверялись на практике?

– Именно это я и хочу сказать. Мало того, сейчас, когда финансирование армии, мягко говоря, оставляет желать лучшего¹, когда молодые летчики не могут приобрести летный опыт, поскольку горючее для самолетов на вес золота, и каждый полет влетает «в копеечку», командование нашей части решило использовать для тренировки летного состава имеющийся летательный аппарат. Принцип его действия нам совершенно не ясен, непонятно и то, что служит топливом для его двигателей, зато способ управления «тарелкой» чрезвычайно прост, с ней справится даже неспециалист после небольшого инструктажа. И она летает, да еще как летает!

– Если я правильно Вас понял, «летающая тарелка» используется для тренировки летного состава, то есть вы на ней... летаете? Но почему же до сих пор никто из горожан не видел этого удивительного зрелища? Ведь это же невозможно скрыть!

– Ну, не так уж и невозможно. Помимо отличных летных качеств, «штука», как мы ее называем, имеет и множество других замечательных свойств. Например, она совершенно бесшумна, а также может становиться абсолютно невидимой в любом диапазоне волн, в том числе и оптическом. Ну а полет на ней – это просто сказка!

– Так значит и Вам, Сергей, доводилось пилотировать НЛО?

– «Доводилось» – не то слово! Я налетал на «штуке» 148 часов, раз пятьсот облетел Землю, четырежды – Луну и два раза делал на Луне посадку.

– На Луне?! Вы, вероятно, шутите? Но там ведь были только американцы, и то очень давно!

– Я там был позавчера. В нашей части нет ни одного летчика, кто бы не слетал на Луну. Это как бы считается делом чести, что ли. Имея такую возможность! Вы только представьте, за доли секунды «штука» набирает скорость от нуля до десятикратной сверхзвуковой, причем без малейших перегрузок! И это в атмосфере! Из горизонтального полета я делаю тан-

¹ Рассказ был написан в конце 90-х годов.

гаж в девяносто градусов, и она моментально устремляется вверх, не снижая скорости. А в безвоздушном пространстве ограничения в скорости у нее, пожалуй, нет. До Луны я долетаю минут за сорок, но мог бы, наверное, и быстрее.

– **Так Вы действительно ходили по Луне?**

– Нет, я этого не говорил. По Луне никто из нас не ходил. У нас ведь нет скафандров для работы в вакууме. Мы просто садились на поверхность. Кстати, я был на месте высадки Армстронга и Олдрина. Там все истоптано их башмаками. И флаг американский стоит, и платформа, с которой взлетел «Игл»². Так что брехня, будто американцы не летали на Луну. Они там, действительно, были.

– **Ну а на Марс никто из вас не летал?**

– Нет, Марс – это все-таки далеко. Страшновато. У нас никто особо не силен в астрономии. А вдруг заблудишься? (Смеется). Хотя, конечно, хотелось бы слетать. Но, опять же, без скафандра туда лететь обидно. Может, как-нибудь и решим все эти проблемы, тогда слетаем обязательно. Вашей газете – первый репортаж с Марса, обещаю! (Снова смеется).

После ухода Сергея мы долго не могли прийти в себя. Уж очень сильно его рассказ отдавал фантастикой. Поверить в него было почти невозможно. Но дело-то еще в том, что Сергей показал нам фотографию, которую он наотрез отказался оставить для публикации. Обычная цветная фотография 10x15, на фотобумаге «Кодак», с датой в правом нижнем углу. На фотографии – лунный пейзаж, Земля над горизонтом, американский флаг и посадочная платформа «Игл». Пустая».

² Посадочный лунный модуль «Аполлона-11».

Чужой

Между забранными в проволочные решетки тусклыми лампами было метров по тридцать, и они скорее обозначали периметр, нежели освещали территорию. Фасонов остановился в одном из световых пятен и поднял руку. Крадущийся позади Зел распластался в снегу, продолжая внимательно следить за действиями мэра. К тому как раз подбежал охранник, и Фасонов, жестикулируя, стал что-то ему объяснять. Охранник закивал и быстро исчез в темноте. Немного выждав, мэр призывно махнул рукой, и Зел, пригибаясь, побежал к нему, досадуя на громкий хруст снега, который в морозной ночной тишине разносился, казалось, по всему поселению.

– Давай, – выдохнул мэр облачко пара.

Зел быстро смотал с железного тройника веревку, разложил ее на снегу кольцами и стал принаравливать к броску. Пенобетонная стена отсюда, непосредственно из-под нее, казалась чрезвычайно высокой, хотя он знал, что выше пяти метров та нигде не достигала, разве что вокруг Корабля, но то была и другая стена и совсем другой случай.

Внезапная мысль заставила Зела вздрогнуть и опустить крюк.

– Ну, что такое? – шагнул к нему мэр и протянул руку, словно хотел отобрать тройник.

– А как я здесь перелез? – спросил в ответ Зел.

– Ты еще не перелез, бол... – глухо зарычал Фасонов, едва успев в последний момент поправиться: – Больше вопросов нет?

– Может, я и болван, – прищурился Зел, – но вряд ли Шека дура. Я ей скажу про южный периметр, а мои следы приведут сюда. И как я здесь перелез?

Мэр раздраженно поморщился.

– Так же, как перелезешь сейчас – с помощью тройника и веревки.

– А охрана? Даже если я настолько ловок, что успел все проделать за их спинами, то они все равно должны увидеть следы – сначала здесь, а потом и по ту сторону. Но все-таки самым подозрительным для Шеки покажется то, что я полез именно тут, где опасно, а не там, где по моим же словам охраны почти нет.

– Ты думаешь у этой дикарки хватит мозгов для таких выводов? – хмыкнул Фасонов, но развивать тему не стал, вспомнив, по-видимому, кем является сам Зел. И угрюмо бросил: – Ладно, умник, пошли в южный сектор. Только держись от меня подальше и заматай лицо.

Зел вытянул из-под ворота куртки шарф и повязал его так, что снаружи остались одни лишь глаза. Но излишняя осторожность мэра казалась ему чрезмерной и даже несколько странной. Если здесь кто-нибудь и узнает о его предстоящей миссии – что изменится? Неужели кто-то побежит докладывать об этом варварам? Скорее всего, Фасонов ведет так себя из-за свалившейся на его плечи беды. Потерять единственного сына наверняка очень страшно. Даже если тот еще жив. Хотя, это еще тяжелей. После того что сотворила Шека на глазах у колонистов с двумя другими охотниками – лучше всего было бы пожелать Игнату скорейшей и не столь отвратительной смерти. А живым ему все равно не остаться, и мало-понятный намек мэра о каких-то там переговорах, обмене и уступках можно объяснить лишь придавившим его рассудок горем. На такое «предложение» у Шеки будет лишь один ответ – смерть, и хорошо если все обойдется лишь ножом в сердце, а не медленным четвертованием или «копчением» на костре. Да и как, скажите на милость, можно сначала выдать себя за «идейного перебежчика», а потом говорить о каких-то переговорах и сделках? Неужто и впрямь Фасонов считает Шеку круглой душой? Или для него все местные жители такие, что варвары, что саласы – дикари, одним словом? В том числе и он, Зел, урожденный салас.

За подобными размышлениями дорога до намеченной цели показалась Зелу совсем короткой. Несколько раз им встречались охранники, которым Фасонов отдавал короткие рас-

поражения, после чего те исчезали, освобождая им путь. Зелу при этом приходилось отлеживаться, зарываясь в снег, но с мэром он в любом случае чувствовал себя в безопасности. Сложность возникла лишь возле ворот на границе между центральным и южными периметрами. Здесь отсылать куда-то охрану выглядело бы весьма подозрительным, поэтому Фасонов на правах начальника, которому по определению не станут задавать вопросы, воспользовался воротами, а Зел перебрался через стену с помощью тройника и веревки чуть в стороне.

Возле дальней стены южного сектора Фасонов в очередной раз избавился от охранников и подозвал Зела.

– Ну, давай. Все понял? Повтори.

– Скажу, что хочу быть с ними, что вас... не люблю...

– Ненавидишь, – поправил мэр.

– Ненавижу, – кивнул Зел. – И вас, и тот «земной рай», что вы хотите устроить на Цвее.

В доказательство своей верности я должен привести варваров сюда, к южному периметру. Охрану вы отсюда снимете, оставите для вида лишь небольшую ее часть, которая сразу отступит. Так?

– Так, но про охрану, оставленную только для вида, Шеке говорить, конечно, не нужно. Скажешь лишь, что людей катастрофически не хватает, поэтому большую их часть перебросили для защиты центрального сектора.

– И Корабля...

– Насчет Корабля – ни звука! – рыкнул Фасонов. – Нет никакого Корабля!

– Но они ведь и так про него знают... Они пытались к нему прорваться!

– И получили по зубам!.. – Мэр тяжело задышал, едва сдерживая рвущуюся наружу ярость.

К Кораблю варвары направились сразу после показательной казни двоих охотников. Мало у кого оставались сомнения, что про него им рассказал Игнат. Вряд ли дикари могли понять истинный смысл этого объекта, но они наверняка сообразили, что для колонистов он представляет наибольшую ценность. Правда, и периметр, окружавший Корабль, охранялся наиболее сильно, поэтому варвары, понеся немалые потери, от него отступились, вновь окружив плотным кольцом центральный и южный секторы.

Самым плохим для колонистов было то, что Корабль находился в стороне, почти в десяти километрах от поселения. Тридцать лет назад, после аварийной посадки, люди не рискнули селиться поблизости, опасаясь взрыва реактора. Но реактор не взорвался. Мало того, его удалось восстановить настолько, что поселение все эти годы не испытывало недостатка в электроэнергии. Но починить установку силового поля не удалось, поэтому корабль приходилось охранять. И охранять даже большими чем сам поселок силами, потому что Корабль был для землян не просто символом давно покинутой родины – он без преувеличения являлся сердцем колонии, того единственного места, что стало для них домом на этой так похожей на Землю, но оказавшейся столь негостеприимной планете. А для многих не только домом, но и могилой. Впрочем, могилой Цвее рано или поздно станет для них всех – на Земле не знали об их судьбах, передатчик оказался безнадежно разрушен при посадке. Первые годы люди еще ждали, что их будут искать. Но их не искали. Да и зачем? Они улетали, чтобы найти новый пригодный для жизни мир и там остаться, позвав за собой других желающих. А уж коль не позвали – значит, ничего не нашли. Или погибли.

И вот теперь получилось так, что сил для уничтожения врага колонистам не хватало. Все было бы иначе, если бы Корабль и поселение находились внутри одного периметра, и вся сила оказалась бы сконцентрированной в одном месте. А так...

Поэтому в предложении мэра отдать варварам южный сектор имелся двойной резон: во-первых, это и впрямь могло стать решающим доказательством верности дикарям Зела, а во-вторых, охрана, снятая с этого участка, немало усилила бы центральный периметр.

Южный, внутри которого располагались сельскохозяйственные угодья, зимой все равно был не особо нужен. Жалко было теплиц и «свиноферм», где содержали местных, похожих на земных кабанов животных, но все это было, в отличие от людских жизней, впоследствии восстановимо. И хотя у Зела все же оставались некие необъяснимые сомнения, по большому счету с доводами мэра он был согласен. Однако не со всеми...

– А если они спросят, что там? – подождав, пока Фасонов успокоится, все же спросил Зел.

– Скажешь, что не знаешь.

– Но ваш сын...

– Что мой сын? Что?! – снова взорвался мэр. – Мой сын ничего им не сказал, они вышли туда случайно!.. И потом, мой сын может знать многое, в отличие от...

– От дикаря? – завершил Зел начатую Фасоновым фразу.

Мэр, продолжая тяжело и часто дышать, промолчал. Но Зел и без его подтверждения знал, что сказать он хотел именно это. Зела почти все в поселении считали дикарем, несмотря на то что он вырос среди людей с пеленок. Может быть, о его происхождении и забыли бы, ведь внешне он почти не отличался от землян. Но о том, что он принадлежит к иной расе, не просто говорили – кричали его изумрудного цвета волосы. Его так и прозвали – Зеленец, сократив в итоге имя до Зела.

Наверное, привыкли бы в конце концов и к его непривычной окраске, но появление Зела в колонии почти двадцать лет назад совпало с настоящей для пришельцев с Земли напастью – атаками варваров, и он стал словно живым символом, предшественником, а для кого-то едва ли не причиной этой беды.

Сначала орды жестоких дикарей обрушились на деревни саласов, первобытных по меркам землян, но вполне дружелюбных и любознательных существ, с которыми у колонистов с первых дней наладился взаимовыгодный контакт. Земляне снабжали аборигенов металлом для ножей и наконечников стрел и копий, прочими полезными вещами, саласы же обрабатывали в обмен на это колонистские огороды и пашни, делились охотничьей добычей.

И вот однажды к воротам центрального периметра прибежала саласская женщина. Прибежала – и рухнула, бездыханная. Из ее спины торчало оперение стрелы. В руках убитая сжимала пищаний сверток. Это и был Зел.

А следом пришли варвары, которые, как оказалось, бессмысленно и жестоко уничтожили всех саласов в окрестных землях. В то время воинственно-кровавое племя было еще не столь многочисленным, поэтому атаку удалось отбить и прогнать дикарей прочь. Но они то и дело упорно возвращались – когда раз в два-три года, когда чаще. Потом их не было целых пять лет, и колонисты облегченно вздохнули, но их радость оказалась преждевременной. Увеличившееся почти втрое племя напало на колонию в очередной раз – и справиться с ним теперь никак не получалось. Осада продолжалась уже больше двух месяцев.

– Хватит болтать, – сказал наконец Фасонов. – Двигай. Скоро вернется охрана.

– Подождите, – торопливо произнес Зел. – Начальник гарнизона в курсе нашего плана?

– А как, по твоему, я смогу в одиночку убрать охрану с периметра? Разумеется, Кучерин в курсе.

На самом деле Зел хотел спросить не это. В том что Алексей Брониславович Кучерин знает о предстоящих событиях у него не было сомнений. Он хотел спросить о другом, но заговорить об этом почему-то оказалось очень трудно. И все же он выдавил:

– А... Соне вы сказали? Вы обещали...

С Соней они дружили с детства. У них обоих не было родителей – Сонина мама умерла при родах, отец погиб в одной из первых схваток с варварами, – и они, двое из всех ребятшек, круглосуточно жили сначала в детском саду, затем при школе, а потому волей неволей всегда были вместе. Но их это никогда не тяготило, напротив, когда они выросли, то

поняли, что не представляют жизни друг без друга. В ближайшее время они как раз собирались пожениться.

– Еще не сказал, – поморщился Фасонов. – Скажу, коли обещал. Не забуду, не бойся. Главное, ты не забудь, зачем идешь. Узнай у этих гадов все, что только сможешь: что они хотят, что собираются делать, все ли они здесь или на подходе новые полчища... Все, ты понимаешь?.. – заглянул он прямо в глаза Зелу. – И... про Игната тоже. А теперь давай – лезь!

Ответ Фасонова не очень понравился Зелу. Не то чтобы он не доверял мэру, но про свое обещание в горячке дел и забот тот мог все-таки забыть, ведь ему от этого было ни жарко, ни холодно. Зато самого Зела бросало в холодный пот от одной только мысли, что Соня может посчитать его предателем. Его и так-то частенько за глаза некоторые колонисты называли «троянским конем», а когда дойдет слух, что это именно он привел в южный сектор варваров... Пусть потом все и прояснится, но поначалу его наверняка проклянут. И кто знает, не убьет ли эта горькая весть любовь к нему в Соне, сможет ли она потом, узнав правду, относиться к нему по-прежнему? Нет, лучше бы не рисковать. Лучше бы она сразу знала эту правду. И совсем хорошо было бы, если бы он сам рассказал ей о предстоящей миссии. Но Фасонов не позволил это сделать, и, откровенно говоря, Зел не понимал, почему.

Он вздохнул и, раскрутив, бросил тройник вверх. Звякнув, тот зацепился за внешний край стены. Подергав за веревку, Зел быстро пополз по ней. Наверху он перецепил крюк и перебросил веревку на другую сторону. Однако решил не слезать по ней, а просто спрыгнуть. Внешнюю сторону периметра, в отличие от внутренней, освещали мощные прожекторы, и было хорошо видно, что внизу толстый слой мягкого снега. Да и в любом случае пять метров подсознательно пугали лишь родившегося и выросшего на Земле человека. На Цвее сила тяжести была почти вдвое меньше земной, и спрыгнуть с такой высоты Зелу казалось вполне ерундовым делом.

Он ушел в сугроб по пояс, выбрался и поспешил убраться с открытого освещенного пространства, благо что рядом темнел лес.

Зел только-только скрылся за деревьями, как с их ветвей, повалив его в снег, обрушилась тяжелая масса. Он извернулся и почти вынырнул из-под громко и смрадно пыхтящего тела, но тут на его спину свалился еще один живой мешок, а первый уже тыкал в его бедра и ягодицы чем-то острым – вероятно, наконечником дротика.

– Стойте, стойте! – закричал Зел на местном наречии. – Я свой!

Язык саласов в колонии знали почти все. Да и что там особо знать – вряд ли количество слов превышало в нем тысячу. Судя по захваченным пленным, варвары разговаривали так же, разве что слов при этом употребляли еще меньше.

Но напавшие на него, по-видимому, не владели и минимальным языковым запасом. Во всяком случае, они не обратили на выкрики Зела ни малейшего внимания – один из них продолжал все сильнее и сильнее тыкать его дротиком, а второй начал прыгать на спине с явным намерением переломить хребет.

Зел собрался с силами и рывком откатился в сторону. Нападавшие завопили и кинулись к нему, выставив перед собой дротики. Зел вскочил на ноги и выхватил из-за пояса нож. Драться он умел и был уверен, что справится с одетыми в грязные звериные шкуры дикарями, но проблема заключалась в том, что убивать их было нельзя – как он тогда станет проситься принять его в племя? Приходилось лишь отбиваться, стараясь не наносить нападавшим серьезных ран.

Неизвестно, чем бы закончилось эта «неправильная» схватка, если бы из-за деревьев не выскочил еще один дикарь, который громко и коротко бросил:

– Нельзя!

Нападавшие мгновенно замерли и отступили на шаг, опустив дротики.

Вновь прибывший дикарь неспешно подошел к Зелу. Он выглядел несколько приятней первых двух – по крайней мере, так показалось Зелу в неверном свете едва достающих сюда отблесков света прожекторов. Во всяком случае, шкура на его плечах была определенно светлее.

– Кто? – наставил он на Зела дротик. Точнее, даже не наставил, а будто лишь указал интересующий его предмет.

– Свой. Салас. Прозвище Зел.

– Салас не свой, – покачал дротиком варвар. – Надо убить.

– Не надо убить. Зел убежал от чужих людей. Зел ненавидит чужих людей. Он хочет жить с твоим племенем, он хочет убивать чужих людей. Зел знает много про чужих людей. Он расскажет все Шеке. Веди!

– Зел знает Шеку?

– Зел много слышал. Шека великий вождь! Зел любит Шеку!

– Любит?.. – В глазах дикаря вспыхнул неприятный огонь, и Зел быстро поправился:

– Уважает.

Варвар опустил наконец дротик, сказал, что его прозвище Туру и потребовал у Зела нож, пообещав вернуть позже. Отдавать единственное средство защиты сильно не хотелось, но пришлось подчиниться.

Потом Туру долго вел его по лесу, и у Зела стали возникать уже нехорошие предчувствия, но впереди между деревьями заблестел наконец свет костра и оттуда потянуло вкусным запахом жареного мяса.

Вокруг огня сидело с пару десятков человек – в основном женщин. Зел, разумеется, знал, что в племени варваров всем основным заправляют именно представительницы этого пола, но кто из них главная, Шека, не имел понятия. А потому поступил просто – сказал:

– Я – Зел. Кто Шека?

– Зелу надо, чтобы его убила Шека? – насмешливо спросила одна из них. – Как она убила трех ваших охотников?

– Двух, – невольно поправил Зел.

– Трех. Сын вашего вождя тоже мертв.

Зел внимательно посмотрел на нее и почувствовал, как екнуло сердце, а во рту стало вдруг сухо. Женщина была удивительно красивой. Возможно, так показалось ему потому, что он впервые увидел близко женщину одной с ним, или почти одной крови. Но вероятно она и на самом деле была красавицей, ведь остальных сидящих возле костра дикарок он тоже видел близко, но они не вызвали в нем подобных чувств.

– Шека ты? – все же сумел он справиться с оцепенением.

– Я. А кто ты? Зачем тебе я?

Тут выдвинулся вперед Туру и, размахивая дротиком, принялся торопливо говорить, но Шека властным жестом остановила его и приказала уйти.

Туру покорно склонил голову, и Зел поймал брошенный ему украдкой предостерегающий взгляд. Непонятно лишь было, от чего именно тот предостерегал Зела? Уж не был ли Туру одним из приближенных мужчин Шеки, о пристрастии к которым было известно колонистам от пленных варваров? В таком случае, Туру мог угрожать Зелу в том смысле, чтобы тот не зарился на его женщину. Но это же смешно! Тут бы просто живым остаться – и то хорошо. К тому же, у него есть Соня, и никакие красавицы-дикарки ему не нужны. В отличие от ножа, который, спохватившись, Зел потребовал вернуть ему.

Дикарь вопросительно глянул на Шеку.

– Отдай, – сказала та.

– Опасно, – возразил Туру.

– Опасно не отдать, – сверкнула дикарка глазами, наполовину вынув из ножен свой клинок.

Туру протянул Зелу нож – лезвием вперед.

Зел растерялся. Не взять нож – показать, что он боится. Можно ударить по руке, выбить нож – но это выделось ему сейчас тоже неправильным. И тогда он все-таки взялся за лезвие. Туру резко отдернул руку, поворачивая нож. Ладонь Зела пронзила острая боль, на снег закапала кровь.

– Карраса! – злобно выплюнула Шека. – Иди вдаль!

Дикарь обжег Зела полным ненависти взглядом, метнул ему под ноги окровавленный нож и, развернувшись, скрылся в лесу.

– Подойди сюда, – позвала Шека обнимающего левой рукой раненую ладонь Зела.

Дикарка сняла с его шеи шарф, разорвала его вдоль и аккуратно замотала кровоточащую ладонь. Зел почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Шека была так близко от него, что он чувствовал ее запах – дикий, по первым впечатлениям неприятный, но в то же время странным образом волнующий и притягательный. Их взгляды встретились, но как ни старался Зел, он так и не смог разобрать, какого же цвета глаза у дикарки – в них отражалось пламя костра. Ее волосы от этого пляшущего цвета тоже казались огненными, и Шел не суметь понять, так ли это на самом деле. Но ему казалось, что им подошел бы любой цвет – хоть алый, хоть черный, хоть, как у него, зеленый – Шека все равно была прекрасной. Самой прекрасной на свете, краше всех. Он тут же вспомнил о Соне, и чувство вины кольнуло сердце. Но то, что творилось сейчас с ним, оказалось сильнее вины, и та, скукожившись, спряталась куда-то вглубь его естества.

– Ты красивая... – невольно прошептал он.

– Я знаю, – так же тихо ответила Шека, а потом, оглянувшись на притихших вокруг костра женщин, выкрикнула: – Идите вдаль!

Дикарки безмолвно поднялись и тут же растворились в лесной темноте.

– Что ты сказала Туру? – спросил Зел. – Что такое «карраса»?

– Тот, кто часто и подолгу испражняется, – усмехнулась дикарка.

«Засранец», – «перевел» Зел и подумал, что Шека говорит больше и куда лучше, чем встреченные им до этого варвары. Недаром она стала их предводительницей. А Туру ему стало даже немного жалко. Наверное, очень обидно услышать такое из уст любимой женщины, да еще в присутствии другого мужчины, которого Туру наверняка посчитал соперником. И, скорее всего, не напрасно.

Шека вскоре подтвердила его нескромные мысли.

– Ты – мой мужчина, – потянула она его за здоровую руку. – Пойдем, ляжешь со мной.

– Но мне надо рассказать тебе... – слабо запротестовал Зел, с ужасом ощущая, что чувство вины перед Соней совершенно исчезло, словно сгорело, испарилось в пламени костра, отражающемся в глазах напротив. Он был готов идти за этой закутанной в звериные шкуры дикаркой куда угодно, лишь бы она продолжала смотреть на него, касаться его руки...

– Потом, – мотнула огненной гривой Шека и повела Зела за руку, словно послушного ребенка.

Недалеко от костра стоял шалаш, сложенный из ветвей хвойного дерева, которое земляне называли «елью». В этом шалаше все и случилось. И лишь после этого чувство вины снова вернулось, захватило, сжало Зела почти до физической боли. Он отвернулся от дикарки и, чтобы хоть как-то отвлечься, заглушить его, хоть немного унять, торопливо принялся пересказывать Шеке свою «легенду», переходя то и дело на русский язык. К своему стыду, он чувствовал облегчение оттого, что Игнат был уже мертв – по крайней мере, не пришлось высказывать «подозрительную» и весьма опасную просьбу Фасонова.

Закончив рассказ, он повернул к молчавшей дикарке голову. В проникающем сквозь «еловые» ветви слабом свете догорающего костра ее разбросанные по ложу волосы казались угольно-черными. Их владелица безмятежно спала.

Снаружи послышался слабый шум. Сначала Зелу подумалось, что это ветер играет ветвями деревьев, но шум, точнее, шорох, был слишком ритмичным, словно кто-то скреб ножом по стволу дерева через равные промежутки времени: «Шарк-шарк... Шарк-шарк-шарк... Шарк-шарк...»

Стараясь не потревожить Шеку, Зел выбрался наружу. Возле ближайшего к шалашу дерева стоял Туру. Он призывно мотнул головой и направился вглубь леса.

Зел проверил, на месте ли нож, и подосадовал, что придется действовать левой рукой. В том, что Туру вызывает его на поединок, он был почти уверен.

Но если дикарь и собирался убить соперника, то не рискнул этого делать сразу после ссоры с возлюбленной – слишком очевидным было бы его участие в этой смерти, а тогда и его собственная гибель последовала бы почти без задержки – в характере Шеки можно было не сомневаться. А сейчас Туру лишь завел Зела подальше в чащу, остановился и сказал, отвернувшись:

– Не верь ей. Всегда врет.

«Насчет каррасы?» – едва не вырвалось у Зела, но вслух он сказал:

– Она ничего пока не сказала.

– Сказала. Три мертвых охотника – ложь. Что скажет еще – будет ложь. Шека говорит, что надо ей. Делает, что хочет она. Ты не нужен. Надоешь – убьет. Беги сейчас.

– Куда бежать? – растерялся Зел.

– Куда хочешь. Вдаль.

– Но... я не хочу бежать. Хочу быть с вами.

– Ты хочешь быть с ней. Глупец! Она врет. Я покажу тебе.

Туру велел подождать и скрылся за деревьями. Вскоре он вернулся, но не один, а со связанным сверху по пояс молодым мужчиной. Из-за облаков выглянула щербатая пепельно-серая Нула, и, вздрогнув от неожиданности, Зел узнал в пленнике сына мэра Игната.

– Ты... жив?..

– Как видишь. А что здесь делаешь ты?

Зел замялся. Игната не хотелось обманывать, для него могло оказаться важным узнать правду. Но рядом был Туру...

Игнат уловил его смятение и улыбнулся разбитым беззубым ртом:

– Говори по-русски, эта обезьяна не поймет ни слова.

Тогда Зел торопливо рассказал ему все. За исключением, разумеется, того, что случилось в шалаше.

Игнат неожиданно расхохотался.

– И ты поверил?! – отсмеявшись, воскликнул он. В голосе парня Зелу послышались досада и жалость. А еще его неприятно покорило то, что уже второй человек подряд обвиняет его в излишней доверчивости.

– Кому? – буркнул он. – Шеке?

– При чем тут эта волосатая обезьяна? Кто в здравом уме верит грязным животным? Я говорю про отца.

Зел едва не вспыхнул, услышав, как Игнат отозвался о Шеке, но упоминание парня о мэре заставили его забыть обо всем и разинуть рот.

– Ты хочешь сказать, что Виталий Палыч... что твой отец – лжец? Но что в его словах неправда?

– Все, – усмехнулся Игнат. – Начать хотя бы с того, что установку силового поля и передатчик можно легко починить. Он лично занимался моим образованием, часто водил меня

на Корабль в последние годы, и я догадался. Он понял это и взял с меня слово, что я буду молчать.

– Но зачем ему это?! Ведь это сняло бы столько проблем!..

– Чьих проблем? – прищурился и без того едва видимым, подбитым глазом сын мэра.

– Наших, – взмахнул руками Зел. – Людей колонии!..

– А ему насрать на людей. Для него существует всего один человек – он сам.

– Тебя он тоже любит...

– Любит? Почему же тогда не обменяет меня на тот же сраный Корабль?

– Он как раз и просил меня... – начал Зел, но тут же отчаянно замотал головой: – Нет, я не верю! Не понимаю, зачем Виталию Палычу врать! Так врать...

– Зачем?.. А затем, что он очень любит власть и не хочет ни с кем ею делиться. Ведь если заработает защитное поле Корабля, всю охрану с его периметра можно будет полностью перебросить на защиту города. Отец боится, что тогда она станет чересчур мощной силой, а роль самого Кучерина возрастет многократно. Зачем тогда будет нужен мэр? Его власть станет никчемной, игрушечной – разве что следить, сколько навоза привезли из «свинарников» на поля и полностью ли снабдили детский садик горшками. А работающий передатчик для него вообще страшная вещь. Ведь если сюда начнут прилетать новые колонисты с Земли, то отца могут запросто «подвинуть», не такой уж он незаменимый организатор – просто оказался под рукой в нужное время.

– А ты? Почему ты молчал обо всем этом?!

– А зачем мне кому-то было говорить? Ведь это все-таки мой отец. А на всех остальных мне тоже насрать. Быть сыном мэра все же приятней, чем убирать навоз за свиньями, двуногими в том числе. Но это было раньше, – продолжил Игнат после недолгой паузы. – Теперь, раз он так со мной поступил, я передумал молчать.

– И кому же ты рассказал?..

– Да вот хотя бы тебе, – усмехнулся пленник. – Но тебе это вряд ли поможет, отец подставил тебя по самое «не балуйся». Сунешься с обезьянами за периметр – вас тут же всех передавят; уверен, туда уже стянуты все имеющиеся силы.

– Они не обезьяны! – не удержавшись, выпалил Зел. – И ты врешь! Ты тоже все врешь!..

– Ну да? – опять усмехнулся Игнат. – Ах да, я забыл – ты такая же зеленоволосая обезьяна. Ничего, скоро ты получишь моим словам подтверждение – пулю в лоб. Хотя нет, у нас же стало совсем плохо с патронами, так что, вероятней всего, ты получишь в лоб арбалетный болт. Но вряд ли ты успеешь почувствовать разницу.

Сын мэра расхохотался. А потом из-за деревьев выпрыгнуло около десятка дикарок с Шекой во главе. Зела, Игната и Туру скрутили. Впрочем, сын мэра и без того был связан, что несколько смутило Шеку.

– Карраса! – набросилась она на Туру. – Ты хотел их отпустить?!

– Только его, – мотнул дикарь головой на Зела.

– Ты будешь убит!

Туру в ответ лишь улыбнулся и спросил:

– А он?

– А он нет! Он поведет племя, куда говорил. Пойдет впереди. Если обманул, умрет первым.

Зел уже не знал, радоваться ему или нет тому, что Шека не убила его сразу. Его мысли перепутались настолько, что он не знал уже, кому верить. Ладно Фасонов, ладно его сын, ладно Шека и этот «карраса» Туру – он не мог уже верить себе самому! Любил ли он Соню? Разумеется, да. Но он изменил ей с такой легкостью и, говоря откровенно, с таким удовольствием, что слова о любви, даже произнесенные мысленно, отдавали сейчас столь беспросветной ложью, что мерзкий запах от них ощущался почти физически. И даже сейчас, видя

рядом с собой разгневанную дикарку, он чувствовал не страх за свою жизнь, а едва сдерживаемое вожделение. Он любовался ее фигурой, ее голосом, ее роскошными волосами, которые в свете зарождающегося нового дня уже отдавали явной зеленью.

Немного остыв, Шека решила не казнить Туру. Пока Зел любовался ею, дикарка успела перебраться несколькими фразами с Игнатом, и сын мэра поделился с нею своими сомнениями насчет предложенного Зелом плана.

– Тогда я убью тебя, – сказала она пленнику. – Чтобы видел твой отец. Чтобы боялся меня обмануть. А воинов поведет Туру. Не всех воинов. Сначала немного. С ними пойдет Зел. Победят – будут моими мужчинами оба. Умрут – им тоже будет хорошо; это лучше, чем убью я. Не так больно.

Игнат побледнел.

– Твари, – процедил он сквозь зубы по-русски. – Обезьяны, вонючие скоты...

– Что он говорит? – повернулась к Зелу Шека.

– Нет таких ваших слов, – подумав, ответил тот. – Но означают почти «карраса».

– Да, это сейчас будет с ним, – оскалила ровные белые зубы дикарка.

Сына мэра казнили так же, как до этого двух других охотников – четвертовали невдалеке от стен периметра. Его привязали к дереву и большим ножом, по частям, резали и рубили сначала руки, потом ноги, затем оторвали то, что было между ними. К счастью для Игната, он потерял сознание почти сразу, еще когда отрезали пальцы на левой руке. А еще раньше, как и предсказала Шека, несчастный обильно загадил под собой снег.

Со стороны периметра слышались истошные вопли, летели стрелы и арбалетные болты. Раздалось даже несколько выстрелов из огнестрельного оружия – видимо, мэр распотрошил последний загатник. Но попасть умудрились только раз, в голову Игната – как раз в тот момент, когда она падала с перерубленной шеи в красно-коричневый снег.

На южный периметр пошли сразу после казни. Веревка Зела по-прежнему болталась в том же месте, где он перелез через стену.

– Я залезу, – сказал он Туру, – и попытаюсь открыть ворота.

– Я залезу раньше, – отодвинул его дикарь. – Ты потом.

Зел не стал спорить. Вообще Шека хотела, чтобы лезли одновременно все – для этого у варваров были припасены изготовленные из ветвей и коры веревки с тройниками из толстых сучьев. Но Зел убедил ее, что сумеет открыть ворота. А если не сумеет и его убьют, то, по крайней мере, не пострадает никто из ее людей. Насчет ворот Зел слегка опасался – они договорились с мэром, что электронные замки на тех будут отключены, но теперь, после беседы с Игнатом, он не мог доверять Фасонову.

Но, перебравшись через стену вслед за Туру, он убедился, что мэр обещание выполнил. К Зелу вернулось сомнение насчет правдивости слов Игната. Возможно, парень все-таки оговорил своего отца? Может, он вообще рехнулся от страха, недаром же хохотал как сумасшедший, а порой нес откровенную чушь. Например, насчет передатчика. Ведь не один же Фасонов пытался восстановить этот прибор! Да, из оставшихся после аварии специалистов по электронике он был самым сильным, но все равно ведь не единственным! Тот же Кучерин наверняка должен был проверить, убедиться во всем сам...

Однако сейчас нужно было думать не об этом. Зел с помощью Туру распахнул ворота и невольно напрягся, ожидая летящих стрел. Нет, впереди было пусто. Зел шагнул внутрь периметра и огляделся. Никого. И очень-очень тихо вокруг. На душе стало тревожно. Зел попытался понять, что же ему не нравилось здесь – и не мог. Вроде бы все в порядке, как они и договаривались с мэром: замки отключены, охрана убрана... Стоп! Вот что его насторожило: охрана убрана вся, а ведь Фасонов сказал, что для вида несколько человек останется. Передумал, не захотел рисковать людьми? Возможно, ведь для тех остаться тут было бы смертельно опасно...

Зел все еще раздумывал, застыв в нерешительности, а Туру уже подал сигнал своим, и отряд варваров, миновав ворота, собрался подле него на территории южного сектора.

– Иди, – почувствовав себя героем-победителем, скомандовал Туру, – зови Шеку.

– Надо проверить все, – мотнул головой Зел, тревога которого так и не прошла, становясь с каждой минутой только сильнее.

– Иди! – замахнулся на него дротиком дикарь.

– Пойду, – досадливо поморщился Зел. – Ты тоже иди, проверь там и там, – показал он на теплицу и на здание «свинофермы».

Туру, усмехнувшись, не двинулся с места, лишь опять замахнулся дротиком.

Сплюнув, Зел повернулся и пошел к воротам. Остановился возле них и оглянулся. Благоразумие в Туру все же взяло верх над гордыней, тот отправил по одному воину к теплице и «свиноферме». Ферма была ближе, и дикарь как раз открывал ее двери. Распахнул – и тут же упал. А из дверного проема посыпались наружу охранники. За зданием тоже спрятались люди. Теперь они выбегали оттуда, на ходу стреляя из арбалетов. Дикарь, что направлялся к теплице, повернул назад, но тут раскрылись двери, до которых он не успел пройти, и оттуда также побежали охранники, тотчас затоптав вражеского воина.

Охранников было много, очень много. По прикидкам Зела, сюда была стянута и немалая часть охраны центрального сектора. «Эх, – мелькнула у него мысль, – если бы догадаться... Вот бы сейчас Шеке с основными силами атаковать там!..»

Эта мысль, дойдя до сознания, напугала и отрезвила его. Только сейчас он понял, что все еще стоит в проеме ворот, а вокруг него слышится свист арбалетных болтов и стрел да цоканье их наконечников о стену.

Окончательно же он очухался, когда кто-то из колонистов выкрикнул:

– Вот он, предатель, возле ворот! Убьем гада! Не дадим уйти!

Зел невольно оглянулся, но уже в следующее мгновение понял, что это кричали о нем. И тогда он, вжав голову в плечи, ринулся за ворота. Одна из стрел чиркнула по рукаву куртки, другая вжикнула возле самого уха. Но он все-таки успел отпрыгнуть за стену, перед тем как целый рой болтов и стрел с жужжанием вырвался из проема ворот.

«Надо предупредить Шеку!» – хлестнула Зела новая мысль. Он уже не стал ни пугаться ее, ни разбираться в ее природе. Да и зачем? Пути назад, в поселение, для него все равно не было. И он помчался к ближним деревьям, но увидел вдруг, как из-за них выкатилась темная волна размахивающих топорами и дротиками варваров.

Значит, Шека все-таки поверила ему, привела племя к периметру? Но зачем теперь-то она решила атаковать?!.. Туру и его крохотному отряду все равно уже ничем не помочь, а результат предстоящей схватки может оказаться вовсе не в пользу варваров... Или горячий, привыкшей к действию Шеке настолько надоела уже эта тягостная осада, что она решила атаковать, невзирая ни на что? Наверное, так. Возможно, поняв еще ночью, что Зел ее обманул, и что их за стенами периметра будет ждать засада, она даже обрадовалась и стала готовиться к бою.

Но что теперь делать ему? Он оказался меж двух огней. Чужие были теперь как перед ним, так и сзади. Вернее, нет – это он теперь стал для всех чужим. Стал? Или всегда таким был?..

И все-таки ноги продолжали нести Зела к лесу. Снова рядом с ним пропела стрела, но теперь по нему стреляли варвары.

– Не стрелять! – услышал он донесшийся издали знакомый голос. – Его нельзя!

Толпа дикарей надвигалась прямо на него. Зел опустил в снег в ожидании скорой смерти. Ему вдруг стало очень хорошо и спокойно – так, словно он подошел к родному дому и вот-вот переступит его порог. Вот только дома у него никогда не было. И теперь уже вряд ли будет.

Между тем первые ряды варваров уже поравнялись с ним. Зел непроизвольно зажмурился, но тут же распахнул глаза, решив встретить смерть лицом к лицу, как подобает мужчине. Он даже попытался встать, но предательски задрожавшие ноги не удержали его. И пока он, надеясь справиться с ними, барахтался в снегу, дикари, обогнув его, словно мешающий камень, уже подбегали к воротам периметра.

Ноги все еще продолжали дрожать, но Зел наконец смог подняться. Теперь он остался совсем один. Он оказался совсем никому не нужен, даже убить его дикари побрезговали. Нет, конечно, не совсем так, ведь это Шека приказала не трогать его, но это говорило о том лишь, что им побрезговала сама предводительница варваров. Надо же, какая честь!

Зел побрел к лесу. Ему было все равно куда идти, но лес стоял перед ним – к нему и повели его переставшие дрожать ноги.

А потом ему вдруг дико захотелось спать, и Зел, внезапно обнаружив, что оказался возле потухшего костра – там, где впервые увидел Шеку, – свалился на расстеленный «еловый» лапник и мгновенно заснул.

Проснулся он от чьего-то пристального взгляда. Зел раскрыл глаза и увидел перед собой Шеку. Очень близко. Так близко, что сумел различить наконец-то цвет ее глаз. Глаза оказались зелеными, как и волосы.

– Вставай, – сказала дикарка. – Достань нож.

Не до конца проснувшийся Зел не сразу понял смысл приказа, но когда увидел в руке Шеке блеснувшее лезвие, все встало на свои места: женщина вызывала его на бой.

– Можешь убить меня так, – поднялся на ноги Зел. – Я не буду драться.

– Будешь! Достань нож.

Зел вынул нож и отбросил его в сторону.

– Не буду. Я не достоин честного поединка.

Шека взмахнула рукой. Блеснул и нырнул в сугроб ее нож. Дикарка шагнула к Зелу и рванула вдруг с себя шкуры, обнажая грудь.

– Ты победил. Я твоя. Возьми!

Зел попятился. Ноги задрожали снова.

– Я... недостойн, – пробормотал он. – Я чужой...

– Ты – нет. Чужие они. Кому ты служил.

– Я не служил! Я просто жил с ними! – начал кричать Зел, не замечая, что говорит по-русски. – Они вырастили меня, воспитали! И все потому, что люди твоего племени убили моих родных, которые не были здесь чужими! Ты здесь тоже чужая! Чужая! Ты!

Наверное, он снова перешел на местный язык, потому что Шека ответила:

– Была чужая. Теперь нет – я умру здесь, стану своя. Возьми меня! Или убей.

Она снова шагнула к нему, протягивая руки, но тут раздался короткий свист, глухой звук удара, и Шека, качнувшись, стала падать на Зела. Он подхватил ее и почувствовал, как шарф, которым была замотана его ладонь, становится горячим и мокрым. Он чуть поднял руку и нащупал наконечник арбалетного болта.

– Иди к ней... – улыбнулась дикарка и закрыла глаза.

Зел осторожно опустил Шеку на лапник.

– Идти... к кому?... – спросил он у мертвого тела.

– Ко мне, – вышла из-за ближнего дерева... Соня. В руке она держала арбалет. – Для меня ты не чужой.

– Но я...

– Молчи, я все знаю.

– Но откуда ты можешь знать?!

– Мне все рассказал Виталий Павлович. Он сказал, что ты просил его об этом.

– Фасонов?!..

Зел опустился на лапник возле мертвой Шеки. У него закружилась голова, мысли, запутавшись окончательно, стали покидать ее одна за другой.

– Расскажи... – попросил Зел.

Соня, бросив косой взгляд на покойницу, села рядом с ним. И стала рассказывать.

Оказалось, что мэр не собирался обманывать Зела. Он и впрямь хотел пустить варваров внутрь южного периметра, чтобы попытаться выторговать у Шеки своего сына. Но за его действиями уже давно следил начальник гарнизона Алексей Кучерин. И в результате именно он организовал засаду, тем более что обезумевший от страшной гибели сына Фасонов покончил с собой.

– А знаешь, почему Кучерин стал подозревать Фасонова? – прищурилась Соня.

Зел помотал головой.

– Потому, – продолжила девушка, – что он еще несколько лет назад сделал интересное открытие. Оказывается, передатчик на Корабле и установку силового поля вполне можно было починить.

Зел уже знал об этом от Игната, потому не был сильно огорошен. Его удивило другое:

– Но как ты-то узнала об этом?.. Тебе что, сам Кучерин рассказал?

– Ну да, станет он разговаривать со всякой прислугой!.. Зато и относится он к таким как я словно к мебели, вот и не обращает внимания даже когда ведет серьезные беседы. Я как раз убиралась у него в приемной, а он разговаривал в кабинете с мэром. Орал так, что и на улице, наверное, было слышно. Сказал, что передатчик он давно починил и передал сообщение на Землю. И то, что силовое поле можно без особых усилий починить, тоже сказал. А Фасонова он обвинил в намеренном саботаже. Но тот ему тоже ответил... Мол, почему же он не чинит установку? Не потому ли, что поселение можно тогда перенести ближе к кораблю, под защиту силового поля, и тогда охранники Кучерина станут не нужны, как и сам Алексей Брониславович? И похоже, он попал в точку.

– Оба они хороши, – буркнул Зел. – Непонятно только, зачем Кучерину отправлять сообщение на Землю. Ведь если оттуда прилетят...

– Он надеется, что если оттуда прилетят, то он, обладающий здесь реальной силой, останется на вершине власти и потом. А Фасонова он собирался попросту «утопить» за его дела.

– Какой такой силой он обладает? – усмехнулся Зел. – Парой-тройкой сотен полубразованных «качков», вооруженных арбалетами и ножами? Против земного-то оружия? Помоему, старик просто выжил из ума.

Соня промолчала. А Зел задумался. Он не хотел оправдывать Шеку, ведь она ненавидела и убивала не только землян, но и саласов; правда, последних, вероятно за то, что те молча, безропотно покорились чужакам. Но и осуждать ее он теперь тоже не хотел. Потому что ничего хорошего не принесли земляне на Цвею. Мало того, они, по сути, ничем и не отличались от варваров, разве что изначально были на этом планете чужими. И возвращаться к ним он теперь не только не мог, но и не хотел. Ведь он-то, в отличие от них, был у себя дома. Каким бы ни был для него сейчас этот дом. Хотя это во многом зависело и от самого Зела. Его пугало одно: неизбежное расставание с Соней. Впрочем, надежда, что та все же останется с ним, в нем тоже теплилась.

Послышался отдаленный, быстро нарастающий гул. Казалось, он шел с неба. Зел запрокинул голову. Из-за облаков вынырнула темная угловатая громадина и стала опускаться в той стороне, где находился Корабль землян.

Соня вскочила и, дрожа всем телом, прильнула к Зелу.

– Что это? – пролепетала она.

– Корабль, – ответил Зел. – На Земле получили сообщение Кучерина.

– Бежим! – хватая Зела за руку, воскликнула Соня.

- Куда?.. – зашипел он от боли; порезы на ладони еще не зажили.
- Подальше отсюда!
- Вдаль, – сказал по-саласски Зел. – Домой.

Тест на функциональность

Грабителей было трое – один, коренастый, с неприятно перекошенным лицом, стоял перед Тасей; второй, сутулый и тощий, крутил головой чуть дальше в сторонке; третий, которого она не успела рассмотреть, сипло дышал сзади.

– Сову, – протянул руку коренастый. Его лицо скривилось еще сильнее, будто сказанное причинило ему боль.

«Совами», от английского «save», в просторечии назывались ставшие сверхпопулярными в последние годы «хранилки». В принципе их работы Тася не разбиралась, там было что-то связано с нелинейными свойствами пространства, его многомерностью и прочей научной белибердой, но в сугубо практическом смысле «совы» ей очень нравились: в них можно было хранить практически все и в неограниченном количестве, от чего «хранилка» не становилась тяжелее ни на грамм. Отличались друг от друга «совы» лишь размерами, от огромных ангаров, куда поместился бы весь транспортный парк Земли, до крошечных, с пудреницу, как раз и предназначавшихся для мелочевки вроде тех самых пудрениц. Поскольку приемо-выдающий портал устройства, так называемый «клюв», при активации становился раз в десять шире самой «совы», в такую «хранилку» реально было запихнуть все, что только могло пригодиться современному человеку вне дома: от книжки до пулемета, а точнее – от всемирной библиотеки до целого армейского арсенала – кому что нужно. За одним исключением – в «сове» нельзя было хранить ничего живого, поскольку оно неизбежно становилось мертвым, даже будучи извлеченным назад через мгновение.

– Сову, быстро! – сделав шаг к Тасе, повторил грабитель. Шумное дыхание сзади тоже приблизилось.

«Пудреница» -пустышка, как раз для таких случаев, лежала у Таси в правом кармане жакета. Трясущейся рукой она достала «хранилку» и, стараясь не переиграть, всхлипнула:

– Мальчики, может не надо? У меня там ни карточек, ни драгоценностей, одна бабская ерунда...

– Бабская ерунда у тебя в другом месте, – гнусаво гыгыкнули сзади. – Она нам тоже пригодится. Точняк, Воп?

Тот, кого называли Вопом, на это ничего не ответил, вырвал из Тасиных пальцев «хранилку» и сунул ей же вверх кодовым сенсором:

– Тыкай!

Тася протянула к сенсору мизинец. Палец дрожал, и уже не понарошку. Все-таки грабили ее не каждый день.

Отпечаток мизинца заставил «сову» раскрыться. Вокруг нее заколыхалось рябью прозрачное марево. Криволицый начал «листать» голограммы содержимого. Тася специально накидала в «пустышку» побольше всякой всячины, чтобы в случае, подобном этому, можно было выиграть время. Расчет удался, «хранилка» отвлекла внимание коренастого. Его подельник вышел из-за Тасиной спины и с жадным любопытством уставился под руку товарища. Мужичок оказался неказистым и щуплым, словно дешевая килька. «На стреме» оставался третий грабитель, но он продолжал озираться по сторонам, не глядя на Тасю. Она воспользовалась моментом и сунула руку в левый карман.

– Вам нужна помощь? Я к вашим услугам.

Рядом с Тасей стоял кареглазый, высокий, в черных джинсах и джемпере, красивый до одури парень. Он был настолько хорош, что казался ненастоящим. Тасе даже захотелось оглянуться: нет ли где «киномеханика» с голопроектором?

Единственное, что выбивалось из его гармоничного облика, была шляпа. Обычная, черная, совершенно немодная, с узкими полями и высокой тульей. Из-под нее выступала ровная темная линия коротко стриженных волос.

Грабители разом подняли головы. Взгляд коренастого из удивленного быстро стал грозным. Щуплый же продолжал изумленно моргать.

– Че надо? – бросил криволицый и сморщился. Похоже, говорить ему и впрямь было больно. А может, это была какая-то нервная реакция, нечто вроде тика. Но уже в следующее мгновение ему стало больно наверняка.

Гибкость, сила и быстрота парня оказались фантастическими. Тася не успела заметить, как он очутился перед грабителями. Будто черные крылья, взмахнули руки; словно бильярдные шары, звучно треснули друг о друга головы бандитов; и пока их тела оседали на асфальт, парень успел подхватить вылетевшую из ладони коренастого «хранилку» и протянуть ее Тасе.

На шум уже мчался третий грабитель. Тасин защитник встретил его совершенно невозмутимо, его тело даже не покачнулось, а на лице оставалась та же милая улыбка, с которой он только что смотрел на Тасю. Короткий, едва уловимый взмах руки, хлесткий щелчок удара, глухой вскрик – и еще одно недвижимое тело распласталось у Тасиных ног.

– Позвольте, я провожу вас, – протянул парень Тасе ладонь.

Она приняла его руку. От прикосновения к сухой, горячей коже по телу пробежала дрожь и защекотало внутри живота. Тася отдернула пальцы и взяла парня под локоть.

Весь путь они проделали молча. Возле Тасиногo подъезда ее спаситель аккуратно высвободил руку и коротко кивнул:

– Всего доброго.

– Вы не зайдете? – подняла глаза Тася.

– Это лишнее. Вы должны понимать.

Увы, Тася это хорошо понимала.

...Алевтина с Матвеем пришли раньше почти на час, когда ничего еще не было готово. Тася включила им визор и присела рядышком, изредка поглядывая в кухонный проем, откуда доносилось приглушенное позвякивание посуды. Вскоре с неподдельным интересом туда стала смотреть и Алевтина.

– Чем это так вкусно пахнет? – повела она носом.

– Павел никогда не говорит заранее, что будет готовить, – улыбнулась Тася. – Придется набраться терпения.

– Ты хочешь сказать, твой Павел сам готовит?.. – округлила глаза Алевтина. – Вот это да! – Она ткнула в бок локтем уставившегося в визор Матвея: – Ты слышал, Таськин мужик сам умеет готовить! Не то что некоторые.

– А зачем? – не отрываясь от экрана, пожал плечами мужчина. – У вас что, инсташка накрылась? Так быстрее новую выписать, чем разводить эту канитель с готовкой. Да и вкусней через инсташку.

– Вот уж не скажи, – засмеялась Тася. – Инстант-доставка, конечно, накормит гораздо быстрее, но вот насчет вкусности... Да ты сам скоро попробуешь, – подмигнула она Матвею.

К тому времени, когда был готов ужин, подтянулась и вторая пара – Нина с Игорем. И тех, и других Тася знала чуть более суток, да и то лишь заочно; они познакомились вчера на семейном форуме, где Тася хвасталась своей «второй половинкой». Ей не верили, что в наше время еще встречаются такие уникалы – заботливые, любящие, веселые, умные. Тася предложила придти к ней в гости и убедиться. Эти две пары согласились. И с нескрываемым удивлением признали вскоре Тасину правоту: ее Павел был идеальным семьянином! Он приготовил такой потрясающий ужин, что Матвей больше не заикался ни о какой инсташке,

а стал даже выпрашивать у Павла рецепты и записывать их на диктофон – возможно еще и затем, чтобы похвастаться оригинальной безделицей, сделанной в виде ручки с золотым пером.

Но кулинарные способности оказались не единственным достоинством Павла. Когда гости насытились, он взял в руки гитару и стал исполнять концерт по заявкам, спев все до единой заказанные песни. Да еще как спел!.. У женщин, когда он, не отрывая влюбленного взора от Таси, выводил бархатным тенором романсы и серенады, ручьем лились слезы умиления и зависти, а на унылых лицах мужчин отчетливо проступала печать комплекса собственной неполноценности. Правда, когда, отложив гитару, Павел принялся рассказывать истории «из жизни» и просто анекдоты, о всяческих комплексах было сразу забыто, и слезы орошали щеки всех без исключения гостей – теперь уже от смеха.

Когда мужчины вышли покурить, а Павел – сам он, конечно же, не имел сей пагубной привычки – составил им компанию, Нина с Алевтиной стали изливать Тасе свои восторги.

– А какой он у тебя красивый!.. – закатила к потолку глаза Нина. – Голубоглазый, белокурый, такой милашка!

– Только почему он все время в шляпе? – вздернула бровь Алевтина. – Он что, лысый?

– Да что ты, – от души рассмеялась Тася, – просто у него имидж такой. Ну, причуда.

– И ему это так идет! – вздохнула Нина. Было похоже, что Павел всерьез разбил женщине сердце.

Посиделки закончились далеко за полночь. Когда восхищенные гости ушли, Павел убрал со стола и вымыл посуду. А потом разобрал Тасе постель и помог ей раздеться.

– Иди ко мне, – легла и позвала она Павла.

– Это лишнее. Ты должна понимать.

Увы, Тася это вполне понимала.

...Она сидела за белым круглым столиком в увитой виноградом беседке. Вокруг, залитые солнцем, благоухали розы. Жужжали шмели. Из сочной зелени окружавших садик кустов разливалось пение птиц. Откуда-то издалека доносились волнующие звуки музыки.

Стол украшали ваза с фруктами, бутылка вина и два наполненных густым багрянцем фужера.

Напротив Таси сидел Он – усатый мачо с пылающими страстью черными глазами. Багровая, под цвет вина майка рельефно обтягивала мощную, в завитках черной поросли грудь. Шоколадный загар покрывал мускулистые плечи, могучую шею, прекрасное в звериной дикости лицо.

Вот только шляпа на его шикарных темных кудрях смотрелась столь же уместно, как бантик в гриве льва.

Тася задрожала под раздевающим ее взглядом. Трясущейся рукой она подняла фужер и глотком вина попыталась притушить вспыхнувший внутри пожар. Глупая! От вина тот лишь разгорелся сильнее.

Почувствовав Тасино состояние, мачо резко поднялся и, едва не опрокинув стол, бросился к ней. Их губы слились. Их тела желали того же.

Мачо на пару мгновений отпрянул от Таси, одним мощным рывком порвал и отшвырнул майку, другим сдернул шорты, и, превратившись теперь уже в настоящего, полностью обнаженного зверя, снова ринулся к Тасе.

Эх, если бы не шляпа!.. Когда мачо был одет, она, хоть и казалась нелепой, не вызывала смеха. Теперь же, голый, загорелый, бугрящийся комьями мышц, заросший густым черным волосом, он казался в этой дурацкой шляпе сумасшедшим клоуном.

Тасю затрясло от безудержного хохота. Мачо, ничего не соображающий в порыве страсти, не придав этому значения, двумя кусками сорвал с Таси платье и зашарил ей по спине в поисках застёжки.

Продолжая хохотать, Тася резко толкнула мачо и отпрянула от него.

– Ты чего?.. – наконец пришел в себя тот. – Я не понимаю.

– Ты и не должен понимать. Это лишнее. – Перестав смеяться, она протянула руки к полям его шляпы, ухватила за них и дернула.

...В просторном кабинете кроме длинного стола и расставленных вдоль него стульев, ничего не было. Во главе стола сидел рыжеволосый мужчина и пилочкой подравнивал ногти. Бросался в глаза его галстук – вызывающе алый, с широким узлом, украшенный золотой, с красным камнем, заколкой.

На Тасю мужчина не смотрел. Сесть он ей тоже не предложил.

Тася достала из левого кармана жакета, который, по сути, был не карманом, а «хранилкой», черную, с узкими полями и высокой тульей шляпу.

– Я готова высказаться.

Хозяин кабинета отложил пилочку и, по-прежнему не глядя на Тасю, негромко позвал:

– Изя, зайди. Она пришла.

Почти сразу, словно он дожидался за дверью, в кабинет вошел невысокий, совершенно неприметный мужчина. На нем были серые мягкие брюки и темно-зеленая рубашка с закатанными по локоть рукавами. Мужчина молча встал рядом с Тасей.

– Говори, – наконец-то посмотрел на Тасю рыжеволосый.

– Устройство работает нормально, – приподняв в руках шляпу, начала она. – Мэн-образы активируются и ведут себя адекватно текущей ситуации.

– Замечания есть?

– Есть, – кивнула Тася. – Первое – сама шляпа. В большинстве случаев она неуместна, а при некоторых ситуациях нежелательна вовсе. В частности, по этой причине был сорван сексуальный контакт, поскольку шляпа на обнаженном человеке вызывает смех.

Рыжеволосый, дернув бровями, выразительно посмотрел на мужчину. Тот молча развел руками.

– Еще одно неудобство, – продолжила Тася, – вызывает узкая специализация каждого конкретного мэн-образа. При новой ситуации их приходится перемонтировать. Было бы гораздо удобнее, если бы всякий раз активировался единый, многофункциональный образ.

– Изя, – покачал головой хозяин кабинета, – а я ведь тебе об этом тоже говорил.

– Но энергия! – снова развел руками стоявший возле Таси мужчина. – Подключив сразу все модули, устройство станет потреблять прорву энергии!..

– Работай над этим. Думай, как снизить потребление. Ты ведь у нас изобретатель.

– Я работаю. Думаю. Решение пока не найдено. Но если это первоочередная задача, то...

– Довольно, – отмахнулся рыжеволосый. – Это пока не особо критично. А вот шляпа в качестве активатора – замечание крайне серьезное. Придумай что-то другое. Идеальным выходом, на мой взгляд, было бы кольцо.

– Объем слишком мал, – излюбленным жестом развел руки изобретатель. – Существующие технологии не позволяют... Но я работаю над этим, – поспешно предупредил он реакцию хозяина. – Сейчас же, в качестве альтернативы, я могу предложить, например, плавки.

– Да? – прищурился хозяин кабинета. – Ты разве не слышал, при какой ситуации активатор дал сбой? Как, по-твоему, образ выполнит данную функцию в плавках?

Изобретатель потупил взор.

– Ну тогда, разве что...

Рыжеволосый выбросил поднятые ладони:

– Не продолжай! Я тебя понял. По-твоему, все пользователи будут согласны прилюдно доставать из своих «хранителей» это?..

Изобретатель смутился еще больше.

– Ладно, – встал из-за стола хозяин кабинета. – Поговорим об этом позже. Зато, могу похвалить, ты прекрасно справился с тестером. Практически безукоризненная работа.

Рыжеволосый быстро подошел к Тасе, расстегнул и снял с нее жакет, то же проделал с блузкой, а потом, отшвырнув прочь одежду, повернул к себе Тасю спиной и щелкнул застежкой лифчика.

Тася растаяла в воздухе. Упала и покатилась по полу шляпа. Изобретатель проводил ее грустным взглядом.

– На, – протянул ажурную деталь женского туалета хозяин. – Сними и хорошенько проанализируй результаты теста. А само изделие доводи до ума – и его можно пускать в серию. Кстати, оно ведь получилось у тебя многофункциональным, почему нельзя сделать того же с мэн-образом?

– Оно не многофункциональное! – замахал лифчиком изобретатель. – Оно лишь тестер, не более. В любой из рассмотренных ситуаций это изделие – полный профан. Оно не умеет ни драться, ни готовить, ни петь песен, ни...

– Понятно, понятно, – скривился рыжеволосый. – Надеюсь, Изя, ты тоже хорошо понял свои недочеты и готов активно поработать над их устранением? Смотри мне! Не то...

– Я готов, я все понял! – воскликнул изобретатель, стремительно закрывая ладонями пряжку брючного ремня.

Омут

*У кого-нибудь расчет
под рукой,
Этот кто-нибудь плывет
на покой.
Ну а прочие – в чем мать
родила,
Не на отдых, а опять
на дела.*

В. С. Высоцкий

Я поплевал на червяка и забросил снасть в воду. Воткнул удилице в глинистый берег, распечатал пачку сигарет, закурил и сел на кочку. Ну и пусть тут не ловится ничего, как сказала баба Нюра, не за рыбой я, собственно, и пришел. Отдохнуть, расслабиться, помедитировать, глядя на поплавок и на воду...

Вообще-то хозяйка, у которой я остановился, – та самая баба Нюра – вообще мне не советовала идти сюда, к омуту. Очень не советовала, а почему – толком не объяснила. Нехорошее, дескать, место – и всё тут! Но я, тем не менее, пошел. А куда еще-то идти – речушка мелкая, пересохшая, осокой и камышом у берегов заросшая, даже искупаться – и то не тянет, несмотря на жару. Вот омут – другое дело! Глубокий, темный, в тени нависших с берега ветвей, – даже на вид он казался прохладным. Половлю с часик, решил я, и если действительно клевать не будет – обязательно искупаюсь.

Оказалось, мысль о купании в омуте посетила не меня одного. Сначала я увидел тень на воде – кто-то подошел к обрывистой кромке берега надо мной. Вот тень вскинула руки, стаскивая с себя одежду, наклонилась, присела и пропала. Затем прошуршали по береговому склону несколько комочков глины, и бывшая тень спустилась к воде. Я машинально повернул голову, но тут же вновь уставился на воду, чувствуя, что краснею. Источником тени оказалась женщина – молодая, насколько я успел заметить, и совершенно голая.

Меня она, казалось, не замечала. А поскольку не заметить центнер живого мужика с трех-четырех метров невозможно, лучше сказать, что она меня просто проигнорировала. Боковым зрением я увидел, как женщина ногой потрогала воду и решительно двинулась вглубь. Теперь, когда она оказалась ко мне спиной, я позволил себе скосить в ее сторону взгляд. Но смотреть уже было не на что – выбросив вперед руки, женщина нырнула. От поднятой волны поплавок укоризненно закачался, напоминая о себе.

«Ну вот, всю рыбу распугала!» – пробубнил я и улыбнулся, вспомнив Карлсона. Но у того в аквариуме по крайней мере точно была рыба, а в этом тихом омуте, видать, действительно одни черти водились. Да вот теперь еще русалка. Я подумал, не смотать ли удочку, а то еще зацепится за крючок гордая купальщица. Или она уже за что-нибудь зацепилась – что-то уж больно долго не выныривает?

Все-таки я достал снасть из воды, но сматывать пока не стал. Положил удочку, не отрывая глаз от гладкой поверхности омута. Сколько уже прошло – минута, две? За это время омут можно переплыть раз десять... В животе пробежался неприятный холодок. Я снял шлепанцы и ступил по щиколотку в воду, словно от этого могло стать лучше видно в темной глубине.

Еще через пару минут я утвердился в мысли, что с женщиной случилась беда. Но нырять за ней – добавить еще один труп. Бежать за подмогой в деревню – пройдет минут двадцать... И зачем я поперся к этому омуту! Ведь говорила же мне баба Нюра!

«А что, если бы не пошел, женщина бы не утонула? – ехидно спросил кто-то внутри меня. – Или просто совесть осталась бы чистенькой?» «Да при чем здесь совесть! – огрызнулся я сам на себя. – Плавать же я всё равно не умею!»

Так, переругиваясь с собственной совестью, или с чем там еще в глубине черепашки, я продолжал метаться вдоль берега, зайдя уже по колено в воду. Наконец, я догадался поорать – вдруг кто-нибудь да окажется рядом. И точно, не прошло и минуты, как сверху послышалось:

– Ну, чего орешь-то?

Я мигом вскарабкался на берег. Передо мной, затягиваясь папироской и лениво шурясь, стоял мужичок неопределенного возраста с хлыстом через плечо. На нем, несмотря на жару, надет был кургузый пиджачишко, темные, мятые и грязные брюки, кирзовые сапоги и темная же, давно потерявшая естественный цвет, засаленная кепка. Судя по всему, это был местный пастух, хотя никаких коров я поблизости не видел.

– Закурить не дашь? – окинув меня цепким взглядом, спросил пастух, продолжая пощипывать папироской.

– Там... Там женщина утонула! – испуганно выкнул я и ткнул рукой в сторону омута.

– Да то Инга, – отмахнулся мужик и сплюнул. – Сигаретки у тебя не найдется? Сладенького шибко хочется.

– Да какие сигареты! – возмутился я. – Говорю же вам, человек утонул!

– И я тебе говорю – Инга то! Чего всполошился? Или сигареты жалко?

– Да нате ваши сигареты! – сунул я пастуху начатую пачку. – Забирайте все! Только сделайте же что-нибудь! Там эта Инга нырнула и уже десять минут не выныривает.

– Может и до завтра не вынырнуть, – благодарно кивнул мужичок, пряча сигареты за пазуху.

– Как... до завтра? – поперхнулся я пастуховой шуткой. – Вам не стыдно?

– Чего мне стыдиться? – глянул вниз мужик. – Мотня вроде застегнута.

Понимая, что от циничного придурка мне ничего путного не добиться, я, как был босиком, бросился в сторону деревни. Пусть спасти женщину было уже поздно, но надо ведь сообщить о несчастье тем же родственникам... Да и вообще – надо же было хоть что-нибудь делать!

Разумеется, я не знал, где жила несчастная Инга – я вообще никого еще в этой деревне не знал, кроме бабы Нюры. Поэтому побежал я сразу к ней.

Старушка шуровала в печи ухватом, когда я заорал прямо с порога:

– Там женщина утонула! В омуте! Инга, что ли!..

Баба Нюра продолжала двигать чугуны и кастрюли. Только нахмурилась:

– Ходил-таки к омуту? Говорила ж тебе...

– Баба Нюра! – опешил я. – Да при чем тут это?! Говорю ж, утонула женщина! Пастух сказал, ее Ингой зовут.

– Да чего ты кричишь-то так, – поморщилась хозяйка, оставив, наконец, ухват. – Чай, не глухая еще! Никуда твоя Инга не денется.

– Да не моя она... – растерялся я окончательно. – И как же не денется, если нырнула и не всплывает?

– Всплывет, – вновь вернулась к ухвату баба Нюра. – Сегодня и всплывет. Али завтра...

– Ну, я не знаю! – всплеснул я руками, а сам подумал: ну не могут же они все тут быть такими равнодушными циниками!

Баба Нюра словно услышала мои мысли. Она подцепила ухватом небольшой чугунок, перенесла его на стол и сказала:

– Садись-ка лучше, кашки поешь! Горяченькая, с корочкой. Из печи-то, поди, и не едал никогда. А про меня не думай, что я к смерти уваженья не имею... К ней, костлявой, я очинно

уважительно отношусь. Только нету тут никакой смертушки, – баба Нюра быстро перекрестилась. – Тута другое совсем.

– А что тут может быть другое? Нырнул человек и...

– С памира она, Инга-то! – перебила меня хозяйка. – Туды и ходит всё... Второе уж лето ходит, сердешная.

– Откуда? – закашлялся я. – Из Памира?

– Да не с Памира никакого, а с памира, что ль... – Баба Нюра нахмурилась, вспоминая. – С парального, что ль... Или с парного какого... Что ни есть! – Она махнула рукой. – С ненашего.

– Из параллельного, может? – хмыкнул я.

– Так и есть, – заулыбалась хозяйка. – С параллельного мира. Так Ингушка и говорила.

– Но это же глупости! – засмеялся я, забыв даже на миг о трагедии.

– Мы, может, и не шибко образованные, – обиделась баба Нюра, – но не глупее городских. И Ингу год уже как знаем. И если не поняли чего, то видели, как она прошлым летом нагишом в деревню прибежала, а потом каждый день в омут бросалась. Поперву тоже считали, что девка ошалела, убиться задумала. А она не топиться бегала, а домой попасть хотела.

– И что? Она вам сказала, что попала сюда из параллельного мира? – Я перестал улыбаться.

– Так и сказала, – кивнула хозяйка. – Омут-то наш давно Нечистым кличут, много народу в нем сгнуло, а чтобы оттуда к нам – такого не было. Только Ингушка нам рассказала, что в омуте том то ли дверь какая на дне, то ли лаз, а ведет в другой мир, паральный этот. И она оттуда пришла, а назад попасть теперь не может.

– А где же она пропадает тогда?

– А это ты у ней сам спроси, – сказала баба Нюра, доставая кринку с молоком и ставя ее передо мной. – Она хоть девка-то и славная, а Нечистый омут – он и есть нечистый! Мне не шибко интересно, что в преисподней творится, прости, господи! – Хозяйка широко, с чувством, перекрестилась. – Только я так думаю, – баба Нюра понизила голос, почти зашептала, – что Инга по ошибке к грешникам попала, а когда разобрались – ее и выпустили, дали еще пожить.

– Чего ж она тогда назад, на сковородку, рвется? – не удержался я от иронии.

– То мне не ведомо, – снова обиделась хозяйка. – Поди, у нее и спроси!

И все-таки я хозяйке не поверил. Подкрепившись кашей, – действительно, удивительно вкусной – выпив молока, – настоящего, коровьего, не какого-нибудь суррогата из пакетов – я снова отправился к речке. Во-первых, нужно было забрать удочку и шлепанцы, а во-вторых...

В общем, когда я успокоился и, поев, стал соображать лучше, то подумал вот о чем: меня просто разыграли! Положим, «утопленница» меня разыгрывать не собиралась. Но, когда полезла купаться нагишом, меня сразу действительно не заметила. А когда заметила – гордость не позволила убежать. Поэтому она виду не подала, а просто нырнула, подплыла под водой к камышам и отсиделась в них, пока я не ушел. А пастух с бабой Нюрой хорошо знают односельчанку – знают, что плавает она прекрасно и утонуть в обмелевшей речке – пусть даже и в омуте – не может. Вот баба Нюра и решила постращать меня сказочками про грешников и преисподнюю. Таких сказок (быличек, как их еще называют) про нечистые омуты, заброшенные мельницы и тому подобное в любой деревне не одну расскажут. Только теперь их еще и осовременивают – ишь, и параллельный мир вплели!

И еще я подумал, что сейчас очень легко смогу убедиться в этой гипотезе – я просто посмотрю, есть ли возле омута одежда Инги. Ведь я прекрасно видел, пусть и по тени, как

женщина раздевалась. И если она, дождавшись моего ухода, вылезла из воды и отправилась восвояси, то одежды, разумеется, не будет. А если будет... Значит, Инга утонула или... отправилась в преисподнюю! Ну, или в параллельный мир, что для меня по степени достоверности являлось одним и тем же.

Я обнаружил одежду в кустах возле омута – лимонно-желтое платьице, висящее на ветке, издали бросилось мне в глаза. На веточке пониже висели голубенькие трусики, а в траве белели босоножки.

Я открыл новую пачку сигарет, закурил и сел на обрывистый берег, свесив ноги. Мыслей не было. Кроме одной – застрявшего в мозгу обрывка дурацкой песенки: «Интересно девки пляшут – только сиськи прыгают...» И тут я эти сиськи увидел, наяву. Из воды выходила Инга. Она бросила на меня равнодушный взгляд и направилась к кустам. Я щелчком отбросил недокуренную сигарету, выждал пару минут и пошел туда же.

Девушка, уже одетая, но еще босая, расчесывала мокрые волосы. Красивая, кстати, девушка! Даже очень. Она вновь посмотрела на меня равнодушно, но взгляд на сей раз не отвела, выжидая. Долго ждать я ее не заставил:

– Здравствуйте, Инга! Это правда, что вы из параллельного мира?

Вообще-то я не собирался об этом спрашивать так сразу. Вопрос вырвался сам. Потому что я еще до сих пор был одуревшим. До такой, причем, степени, что даже не смог развить свою предыдущую версию о камышах. Что стоило, например, следуя моей логике, девушке купаться и нырять, после того как я ушел, еще минут сорок?

Но Инга ответила. Голосом, равнодушным как ее взгляд:

– Правда. А что?

– Ничего, конечно... – проямлил я. – Необычно просто...

– Вот и отстаньте от меня, пожалуйста, если ничего! – раздраженно сказала Инга. Хоть какие-то эмоции прорезались, это уже хорошо. И я решил не отступать:

– Вы меня, конечно, извините, но то, что мне рассказала баба Нюра...

– Так вы – постоялец бабы Нюры? – наконец-то улыбнулась девушка. – Я о вас слышала. Это правда, что вы писатель?

– Ну, какой там писатель, – замаялся я. – Да и не обо мне речь... – Тут я вспомнил, что до сих пор не представился: – Меня, кстати, Мишей зовут...

Девушка звонко рассмеялась. Улыбнулся и я, мысленно сопоставив свою грузную фигуру с именем. Инга, скорее всего, подумала о том же.

– Вы меня извините, – вдруг запрыгала на одной ноге Инга, наклонив вбок голову. – Вода в ухо попала!

Я смотрел на тоненькую девичью фигуру, откровенно любясь. Теперь уже Инга ничуть не напоминала ту гордую «утопленницу», что я увидел впервые меньше часа назад.

Девушка между тем вытряхнула из ушей воду, надела босоножки и вопросительно посмотрела на меня:

– Пойдемте в деревню?

– Сейчас! – Я быстро спустился к воде, нашел свои шлепки, смотал удочку и снова поднялся на берег. Инга терпеливо ждала.

– Пойдемте? – еще раз спросила она. Я кивнул, и мы неторопливо направились по цветущему лугу в сторону деревни.

Первые минуты мы оба молчали. Я готов уже был выслушать любое объяснение из уст девушки, потому что вдруг понял, что не поверить ей не смогу. Но услышать правду было отчего-то страшновато. И я не спешил. Но Инга заговорила сама:

– Я ведь и правда из параллельного мира. Он почти такой, как и этот. Только возглавляет страну не президент, а император. И у нас все давно знают, что миров – бесконечно много.

Ну, может, не бесконечно, я не специалист, но жизни одного человека вряд ли хватит, чтобы посетить все, даже если ходить по переходам ежедневно.

– Ходить по переходам? – не удержался я.

– Да, у нас их довольно много. Да и в других мирах – тоже, только во многих ничего о переходах не знают. А у нас даже составлен специальный каталог всех переходов Земли.

– Земли?!

– Конечно, – пожала плечами Инга. – Планета-то одна. Это измерений много, точнее, как их там... состояний чего-то там... вы извините, я не ученый.

– Да ладно, какая разница! – махнул я рукой. – Вы мне о сути расскажите – что это за переходы? Куда они ведут, в какие миры?

– В разные, – снова вздернула плечики девушка. – Каждый раз попадаешь в другой мир... Ну, не совсем каждый раз – иногда попадаешь и в тот, где уже был.

– А назад? – спросил я и заметил, как вмиг погрузилась Инга, словно внутри нее щелкнули выключателем.

– Если идешь в тот же переход, откуда вышел в ином мире, то попадешь в предыдущий... – очень тихо сказала она и замолчала.

– Но я слышал, вы не можете попасть домой?

– Да... – Я еле услышал шепот Инги.

– Но... почему? – Мне очень неудобно было это спрашивать, но и не спросить я не мог.

– Потому что я забыла о правиле... – заговорила Инга чуть громче. – Неизвестно почему, но если идешь в переход, приняв какой-нибудь наркотик, то попасть назад почти невозможно.

– Вы принимаете наркотики?!

– Я не совсем правильно сказала. Любой препарат, хоть как-то изменяющий сознание. Например, алкоголь. А в тот раз я выпила немного вина... У меня был день рождения, отметили с родителями, а потом я решила сделать себе подарок – путешествие в иномир! Вот и сделала... Теперь я всегда возвращаюсь сюда. Но я не отчаялась! – Инга вскинула голову и умоляюще посмотрела на меня, словно это я запрещал ей вернуться. – Пока не отчаялась... Я побывала уже в сотнях миров и всё надеюсь, что следующим будет моя родина.

– Конечно, будет! – вякнул я и тут же замолчал под пронзительным взглядом Инги. Чтобы как-то сменить тему, я неожиданно ляпнул: – А почему вы ныряете в омут голая?

– Переносятся почему-то только биологические тела, – ничуть не смутилась Инга, в отличие от меня. – Одежда всё равно бы осталась в воде. Так зачем ее зря мочить? Да и утонула бы она, ныряй потом!

– А почему именно в воде переход?

– Это только здесь – в воде. Вообще переходы бывают, где угодно.

– Но кто их делает? – вырвалось у меня.

– Да никто! То есть, неизвестно кто. Или что. Природа, бог... Так уж устроен мир. Кто зажигает звезды?

Я пожал плечами. Впрочем, ответа и не требовалось.

Между нами вновь воцарилось молчание. Инга шла, ведя ладонью по макушкам цветов. Цветы за ее рукой начинали раскачиваться и будто бы становились ярче, словно девушка проводила по ним кистью с волшебной краской. А я немного отстал и вновь любовался изящной фигуркой Инги, похожей в своем лимонно-желтом платье на бабочку, летящую над лугом.

Инга заметила наконец, что меня нету рядом, оглянулась и замедлила шаг.

– Вы знаете, о чем я сейчас подумала? – спросила она и улыбнулась одними уголками губ. – Домой можно вернуться, если, как минимум, дом есть.

– Но у вас же он есть, – сказал я, поравнявшись с Ингой. Ходьба по жаре заставила меня чуть запыхаться. Утерев рукавом пот со лба и немного отдышавшись, я добавил: – И вас там, наверное, ждут.

– Ждут? Наверно... – Плечи девушки чуть дрогнули. – Мама, папа – конечно ждут. А дом... Я не знаю. Мне двадцать пять лет, а я всё еще не знаю, где мой дом, где мое место под солнцем... Вы извините, что я говорю банальности. Такая чушь приходит порой в голову!

– Да нет, что вы, почему чушь? – искренне возразил я. – Но неужели вы так одиноки? Неужели у вас нет ничего, к чему вы мечтаете вернуться? А любовь, работа, друзья, семья?

– Любовь, семья... – горько усмехнулась Инга. – Это было. Наверное, было... Я вышла замуж в восемнадцать и тогда думала, что люблю и любима. Но через два года мы расстались. Расстались легко, без взаимных обид и упреков. Любовь умерла, а может ее и не было вовсе. Работа... Есть, конечно. Впрочем, тоже была. Я ведь уже год, как не появлялась на ней. Вряд ли до сих пор держат для меня место. Но это ладно. Я ведь хорошо училась в школе, занималась музыкой, танцами. Ходила в драмкружок и мечтала поступить в театральный. Смешно, да?

– Ну почему же смешно? – возразил я. – Вовсе нет! И... что?

– Что? Я поступила в финансово-экономический. Мне показалось смешно поступать в театральный. Несерьезно. И я побоялась смешить окружающих. И закончила финэк. Удалось устроиться в престижный банк. Там я и работала.

– Но это же вовсе неплохо! Престижная работа, хорошая зарплата...

– Но это же нелюбимая работа, как вы не понимаете?! – почти прокричала Инга, и на глазах ее заблестели слезы. – Да – престиж, да – деньги! Ну и что? А где счастье? За какие деньги его можно купить? Куда отпустить порхать душу? В стерильном воздухе офисов ее крылья быстро вянут. Я даже друзей не смогла завести... А прежних растеряла. Остались коллеги, приятели, которые вряд ли сейчас обо мне вспоминают. Знаете, Михаил, я ведь ныряю в омут скорее уже по привычке. Пожалуй, я уже не хочу возвращаться...

– Но как вы будете здесь? – удивился я.

– А что – как? Разве здесь не живут люди?

Я смешался и не найдя что ответить, сунул в рот сигарету. Инга отвернулась и, глядя прямо перед собой, сказала:

– Мне ведь Анна Сергеевна, которая меня приютила, помогла сделать документы. У нее сын в городе живет, неплохие связи имеет... Это незаконно, конечно, – Инга бросила на меня извиняющийся взгляд, – но не идти же в полицию рассказывать про омут!

– Да уж, – покачал я головой. – Уж куда идти не стоит, так это в полицию... Но вы не боитесь, что деревенские проболтаются?

– А я скоро уеду. – Инга прищурила глаза и сжала губы.

– Уедете? Куда?! – ахнул я. – Неужели вы не будете больше пытаться вернуться домой?

– Почему же, буду. Но ведь лето скоро закончится, а нырять в прорубь я не собираюсь, – улыбнулась девушка. – Я уеду в город. Не могу же я вечно сидеть на шее у Анны Сергеевны. К тому же, я подала документы в культпросветучилище. Это, конечно, не театральный, но всё же... Меня вроде бы берут работать во Дворец культуры, завтра я еду решать этот вопрос окончательно. Обещают даже комнату в общежитии. Вот так! – Инга посмотрела на меня и улыбнулась легко и радостно. Но грустинка из ее глаз вовсе не думала улетать.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Ворочался так, что скрутил простыню в жгут. Наконец, плюнул, натянул футболку, джинсы и вышел на крыльцо. Закурил и уставился в звездное небо.

Невероятно, даже страшно подумать! Сколько их, миров во Вселенной! Ведь там, над моей головой, и то их невероятно много. А если предположить, что каждый мир – это череда

параллельных миров, то сколько же их тогда на самом деле? Может быть, действительно, бесконечность?

А еще я подумал о том, что буду большим дураком, если не воспользуюсь выпавшим мне шансом. Какой писатель – да что там писатель, обычный любознательный человек – отказался бы от возможности посетить иные миры? Мне просто необходимо нырнуть в этот омут! Правда, я не умею плавать, но это не такая уж большая проблема: брошу в воду бревно, а когда вынырну – уж как-нибудь до него добарахтаюсь. Риск, конечно, есть, но в данном случае он оправдан. Хуже будет, если в ином мире я тоже попаду в воду, но Инга говорила, что в основном переходы находятся на суше. В тех мирах, где о переходах знают и целенаправленно ими пользуются, есть даже что-то вроде станций, где прибывшим путешественникам выдают одежду и небольшую сумму денег.

Да, я приехал в деревню отдохнуть, расслабиться, развеяться... В последнее время в моем творчестве образовался натуральный застой – новые идеи или вовсе не приходят в голову, или приходят такие, от которых самому становится тошно. А тут – просто подарок судьбы: можно будет черпать идеи и сюжеты совковой лопатой! Так что отдых придется пока отложить. Всплыла в памяти строчка Высоцкого: «Ну а прочие – в чем мать родила, не на отдых, а опять на дела». Надо же, как к месту! Прямо про меня.

Утром, несмотря на полубессонную ночь, я встал бодрым и полным решительности. Плотно позавтракал, хотя есть совсем не хотелось. Но кто знает, будут ли меня кормить в иных мирах? Мне вдруг стало смешно, и я чуть не подавился яичницей, чем вызвал реплику бабы Нюры:

– Ты что это светишься, как самовар начищенный? Влюбился, что ль? Вчерась, видела, Ингу до дому провожал... Вишь, нашлась, никуда не девалась. А еще говорил «не моя...»! Вишь, и твоей стала.

Вот тут я подавился по-настоящему. Раскашлялся до слез. Баба Нюра принялась стучать по спине сухоньким кулачком, приговаривая:

– Это ничё, коли влюбился-то! Девка она ладная, умная. Вот и в город жить собирается... Может, и сладится у вас. Ты ж вроде говорил – не женат?

Я не стал ничего отвечать бабе Нюре, только кивнул. И говорить сквозь кашель было бы затруднительно, да и говорить, собственно, нечего. Не стану же я объяснять, что с Катериной мы то сходимся, то расходимся вот уже пять лет без малого. Сразу регистрироваться не стали, а теперь уже вряд ли будем. Мы теперь и видимся-то пару раз в месяц, да и то, скорее всего, уже по привычке. У каждого из нас свои интересы, свои дела и проблемы, свои друзья и знакомые. Мы стали друг другу совсем чужими, как ни банально это звучит. Но мысли о веревке и куске мыла нас при этом отнюдь не посещают. Так что всё нормально.

Кстати, о веревке! Мне вдруг пришла в голову замечательная мысль: зачем я буду тащить к омуту какое-то бревно (его, к тому же, может и к берегу прибить, пока я «плаваю»), если можно просто натянуть над водой веревку! Ширина речки в том месте всего метров пятнадцать, а слева и справа от омута ее легко можно перебрести.

– Баба Нюра, у вас веревка есть? – спросил я, откашлявшись. – Старая, ненужная, метров сорок?

– Перемёт, что ль, сделать хочешь? – со знанием дела поинтересовалась хозяйка. – Говорю ж тебе, пустое это, нету здесь рыбы!

– Все-таки хочу попробовать, – подхватил я «идею».

– Дам тебе веревку, – вздохнула баба Нюра. – Назад только принеси!

Натянуть над омутом веревку действительно оказалось делом нетрудным. Я вбил на обоих берегах по два прочных колышка и натянул веревку между ними, дважды перейдя

вброд речку слева и справа от омута. Получилось замечательно! Теперь, где бы я ни вынырнул, до «страховки» меня будет отделять не более пары метров – в длину омут был всего метров десять. Ну, а два-то метра я как-нибудь проплыву!

Закончив с мерами безопасности, я сел на травку и закурил. Обидно, что сигареты с собой взять нельзя, подумал я. Как я там без них буду обходиться? Впрочем, на первый раз я не собирался оставаться в иных мирах долго. Сначала нужно произвести разведку. А там видно будет. Но на всякий случай я решил накуриться впрок, чтоб «из ушей закапало». Высмолил одну за другой еще две сигареты. Закапать ниоткуда не закапало, но во рту скопилась жуткая горечь, и даже закружилась голова.

«Ну всё, вперед!» – подумал я, быстро разделся, сложил одежду под кустом и ступил в черную воду. По коже побежали мурашки – не столько от холода, сколько от страха. Все-таки то, что я собирался сделать, было сродни высадке на чужую планету. Да так оно, собственно, и было. Поэтому я сказал гагаринское «Поехали!» и, держась за веревку, отправился на глубину.

Через пару шагов я потерял под ногами опору и отчаянно забарахтался. Едва успел глотнуть воздуха, как тут же ушел под воду, словно кто-то потянул меня снизу. Я широко распахнул глаза, но кроме мутной темноты ничего не увидел. Меня обуял ужас – такой же темный, как и всё вокруг. Но продолжалось это недолго. Не знаю, что я ожидал увидеть, – волшебную дверь, черную дыру лаза, приветственную надпись «Welcome!» – на деле всё оказалось куда прозаичней и проще – для меня «включился» свет, и я понял, что могу дышать. Свет был неярким, потому что небо в просвете впереди оказалось затянуто тучами. И лил дождь. Впрочем, дождь меня не мочил – я находился у выхода небольшой пещеры – даже не пещеры, а ниши в склоне горы. Это я понял, когда выглянул наружу. И то, что увидел, меня совсем не обрадовало. Склон был очень крутой, почти отвесный. По крайней мере, так мне показалось. Пещера находилась над землей не менее, чем в сотне метров. Даже если бы мне удалось спуститься, то назад бы я не поднялся – это уж точно! Поэтому, полюбовавшись немного хмурым пейзажем чужого мира, заключающим в себя лишь черные тучи и серые горы, я решительно двинулся вглубь пещерки...

...и вышел в просторную светлую комнату. Передо мной за выгнутой широкой дугой столом сидела молодая женщина и приветливо улыбалась. Я машинально принял позу футболиста, стоящего в «стенке». Женщина заулыбалась еще шире, обнажив ровный ряд белоснежных зубов.

– Добро пожаловать! – пропела она, поднимаясь из-за стола. – Рада приветствовать вас в Российской Империи!

– В чем?! В... г-г-де-де? – заблеял я и, расцепив снизу руки, обхватил голову.

– Вы путешествуете первый раз? – не переставала улыбаться женщина. Она подошла ко мне и тронула за локоть: – Пойдемте, я выдам вам комплект одежды и деньги.

Меня затрясло. Я не мог вымолвить ни слова.

– Да что с вами? – положила мне на плечо руку женщина. – Успокойтесь, всё хорошо! Сейчас всё пройдет. Пойдемте! – И она легонько потянула меня к овальной двери.

Я механически зашагал следом. В голове было пусто. Так же механически я оделся в соседнем помещении, очень похожем на склад. Рубашка и брюки темно-зеленого цвета оказались мне впору – у женщины был наметанный глаз. С обувью вышло сложнее – пришлось примерить три пары. Впрочем, я делал только то, что говорила моя «проводница» – сам я, казалось, совсем разучился мыслить.

– Ну вот, вы замечательно выглядите! – окинула меня придиричивым взглядом женщина. – Сейчас я выдам вам гостевое удостоверение и сумму в сто рублей. Этого вам хватит

на неделю пребывания в нашей стране. Конечно, если придерживаться разумных потребностей.

– У вас не будет закурить? – наконец-то разлепил я рот.

– А вы не собираетесь возвращаться в течение ближайшего часа? – слегка сдвинула брови «проводница».

– Н-н-не знаю... А что? – выдавил я, чувствуя, что холодею. Я уже понял, что ответит сейчас женщина. Мысли словно прорвали наконец плотину в мозгу.

– Видите ли, наркотические средства, даже такие легкие, как никотин... – начала «проводница», но я прервал лекцию отчаянным воплем.

Я орал и орал, бегая по комнате, заставленной стеллажами, наткнулся на них, падал, снова вскакивал и снова бежал... Женщина семенила следом, на ходу тревожно бормоча что-то в трубочку телефона. В очередной раз упав, я увидел перед носом тяжелые ботинки армейского образца, а подняв голову – и их обладателя. Широкий бритый череп с узенькой полоской лба, постукивающая о громадную ладонь дубинка быстро подсказали мне нужную линию поведения. Я медленно встал, успокаивающе выставив руки, затем приложил одну к сердцу и вежливо произнес:

– Извините.

– Смотри мне! – ответил череп и повернулся в сторону женщины.

– Всё хорошо, Степан, – кивнула «проводница», но глазами попросила охранника не уходить далеко. Мне же она сказала: – Ведь правда, всё хорошо? Вы успокоились?

– Вполне, – попытался улыбнуться я и понял, что действительно успокоился. Разом. Только по-прежнему хотелось курить. И я напомнил: – Вы собирались дать мне сигарету.

– Да, конечно! Пойдемте, я дам вам сигарету и, пока вы курите, мы заполним нужные бумаги.

Я вышел из здания «станции» под синее ясное небо. В кармане зеленой рубашки лежали «Удостоверение гостя Российской Империи» и сторублевая купюра с портретом Государя Императора. Мимо, по широкому и прямому, как луч, шоссе проносились машины ярких расцветок и непривычной формы. Впрочем, все они имели по четыре колеса, а остальное меня уже не волновало. Я подошел к обочине и вытянул руку. Почти сразу же «шикнули» об асфальт покрышки. Усатый парень выглянул из окна оранжевой «мельницы»:

– Куда едем, командир?

Я обошел машину и сел рядом с водителем.

– Хорошо бы домой, – сказал я.

– Домой – так домой! – кивнул парень, нажимая на «газ».

День свадеб

Корабль, Семья,...

Меня разбудил Пу. Не скрипящим пиликаньем, как обычно, а величественным, хотя тоже скрипучим, маршем. Да и сам Пу выглядел торжественно: индикаторы помаргивали в такт музыке, отражаясь в непривычном глянце корпуса.

– Что это с тобой сегодня, Пу? – щелкнул я робота по блестящему брюху. – Последний раз я видел тебя таким начищенным... Да я никогда не видел тебя таким начищенным! И в честь чего музыка?

– Сегодня день твоего рождения, Мас! – задрезжал Пу.

– Не простой день рождения! – В каюту ввалился Улит. Он блестел не меньше Пу, вот только индикаторы его уже давно не светились. Как говорит сам Улит – с того самого дня, семнадцать лет назад... – Отнюдь не простой! – повторил он, бешено вращая окулярами. Значит, Улит волнуется – от волнения у него всегда коротит в зрительной схеме. Опять же, по его словам. Сам я в этом не разбираюсь. Впрочем, и он тоже. Все-таки он Учитель Литературы – Улит, одним словом. Правда, кроме литературы он обучает меня этике, русскому языку, а также всему остальному, чему должны были обучать другие Учителя. Других Учителей не стало в тот же день, когда у Улита перестали гореть индикаторы. И Улит старался, как мог, за всех. Ведь он что-то помнил из того, что слышал от них. Жаль, слышал он не очень много, да и из того, что услышал, сумел понять самую малость. «Мозги у меня под другое заточены», – говорил он, пытаясь изобразить вздох.

Я засмотрелся на маленькие отражения самого себя, прыгающие в линзах Улита, и переспросил:

– Не простой? Мне исполнилось восемнадцать, ведь так? Не десять, не двадцать. Ты называл эти числа круглыми. А восемнадцать – это так... Ничего особенного! Или ты опять все перепутал с математикой?

– Мой мальчик! – голос Улита скрипел и хрипел даже сильнее, чем у Пу. Это и понятно – говорить со мной ему приходилось больше и чаще. – Нет, теперь ты уже не мальчик! Этим и необычен твой нынешний день рождения. Ты стал совершеннолетним! С сегодняшнего дня ты можешь участвовать в Свободных Выборах, быть призванным в Вооруженные Силы, а также вступать в брак.

Про Выборы я слышал впервые. Обо всем остальном имел кое-какие сведения из книг и видео. Все неизвестное настораживает и даже пугает. Разумеется, я сразу спросил:

– Что такое Свободные Выборы? Что я должен выбирать? И, если выбор свободный, могу я от него вообще отказаться?

– Разумеется, можешь, – скрежетнул Улит. – Наверное, ты так и должен будешь поступить. Признаюсь честно, вряд ли мы с Пу сумеем все организовать правильно, поскольку ни он, ни я, не получили на этот счет никаких инструкций... – Улит развел манипуляторами.

– Не переживай, Ул! – погладил я робота по макушке. – Будем считать, что я воспользовался свободой и не стал делать выбор. Давай теперь про Вооруженные Силы. Что я должен делать? И обязательно ли это?

– Боюсь, что обязательно. – Окуляры Улита перестали вращаться и сфокусировались на моей переносице. – Служба в Вооруженных Силах – почетная обязанность каждого гражданина мужского пола. Обязанность, Масенький!

От того, что Улит назвал меня полным именем, я понял, что он стал вещать Официальные Сообщения. А Официальные Сообщения – это такие сообщения, которые надо вни-

мательно слушать и обязательно выполнять то, что в них сообщается. Поэтому я поднялся с койки, на которой сидел до сих пор, и замер, соединив ступни и прижав руки к бедрам. Этому тоже научил меня Улит. Называлось это «стоять смиренно». Если Улит ничего не перепутал.

Одобрительно крутанув окулярами, Улит продолжил:

– С этой минуты, Масенький, объявляю тебя принятым в Вооруженные Силы Корабля. Присваиваю тебе воинское звание Генералиссимус!

– Почему? – вырвалось у меня не вполне сообразно моменту. Улит смутился, отчего окуляры его закрутились в противоположные стороны, но быстро взял себя в руки, то бишь – манипуляторы:

– Генералиссимус – высшее воинское звание, о котором я знаю. Поскольку Вооруженные Силы Корабля имеют численность в одну боевую единицу, есть резон присвоить это звание именно данной единице, то есть тебе.

Я пожал плечами, в общем-то соглашаясь с резонностью доводов Улита.

– И что я должен теперь делать?

– Охранять Корабль от врагов!

– А где они?

– Не могу знать! – неожиданно гаркнул Улит, а потом добавил уже обычным скрипучим голосом: – Мне кажется, это вообще лишь вымышленные, мифологические персонажи. Вспомни литературу.

Я вспомнил. «Войну и мир» Толстого. (Толстого вообще обожал Улит и пичкал меня его произведениями с тех пор, как я себя помню.) Там русские воевали с французами. Для русских врагами являлись французы, для французов – русские. Но все, что описывалось в книге, было таким нелепым, настолько явно вымышленным, что я невольно улыбнулся. Меня сместило в этой книге все – особенно описываемые пространства и количество персонажей. Корабль просто не мог бы вместить в себя все это! А еще я хохотал до упада, представляя себя скачущим на большом животном, называемом лошадьё, по коридорам и переходам Корабля.

– Ладно, – я убрал с лица улыбку, чтобы не обижать Улита. – Что там еще у тебя осталось? Брак? – я порылся в памяти, вспоминая полученные из словарей знания: – Испорченные недоброкачественные, с изъяном предметы производства, а также сам изъян в изделии...

Увидев мою растерянность, Улит изобразил смех. Больше всего это походило на прерывистый скрежет металлического предмета, царапающего стекло. Я поморщился, и Улит прекратил смеяться.

– Я так и знал, что ты относишься к учебе легкомысленно! – скрип от его укоризненно вращающейся головы оказался ничем не лучше смеха. – Ты читаешь не все значения слов! Брак – это не только изъян. Другое значение этого слова – семейные отношения между мужчиной и женщиной.

– Семья? – разумеется, я знал значения этого слова. – Но у меня уже есть семья – ты и Пу!

– Между мужчиной и женщиной! – терпеливо повторил Улит. – Ты – мужчина. Но ни я, ни Пу – не женщины. Мы даже не люди. Мы – электронные механизмы, роботы, слуги и помощники человека, то есть тебя. Мы не относимся к людскому племени.

– Неважно! Все равно мы семья, – запротестовал я.

– Пусть так, – согласился Улит. – Но тебе все-таки нужно вступить в брак с женщиной. Тогда ваша... наша семья станет полной и настоящей. Семья – это ячейка общества! – поднял он манипулятор. – Так что вступить в брак тебе просто необходимо.

– Но где я возьму женщину? – снова улыбнулся я, ожидая, что Улит и на этот раз гаркнет: «Не могу знать!» и заявит, что женщина, по его мнению, – мифологическое существо.

Лично я почти так и считал. Если бы не видеозаписи Экипажа... Но неожиданно подал голос Пу, так и простояв весь разговор в изголовье кровати застывшим изваянием. Я даже вздрогнул от неожиданности, когда он заскрипел:

– Это наша забота! Сегодня за завтраком состоится твоя свадьба. Просим не заходить на камбуз. Будет сюрприз! – индикаторы на корпусе Пу снова весело замигали.

И Пу с Улитом направились к двери. Уже из дверного проема Улит, скрипнув, обернулся:

– Чуть не забыл! Совершеннолетние получают право доступа к Главному Пульту Корабля. Но я прошу тебя не ходить туда без нас.

Я подпрыгнул. Главный Пульт Корабля! А ведь я до сих пор считал его почти легендой, такой же сказкой, как все остальные, которыми любил поучать меня Улит. Единственное, что оставляло сомнения в пользу Пульта, была запертая дверь на самом верхнем уровне Корабля. Открывалась она с помощью кода, которого я, разумеется, не знал. Может, его знают Улит и Пу? В любом случае, просьба не ходить к Пульту без них была бессмысленной. Но я все равно ужасно обрадовался. Главный Пульт – это звучало так загадочно, так торжественно! Ладно, подождем. Больше ждали. И я заставил себя не думать о Главном Пульте, переключившись на выполнение Распорядка Дня.

Я отправился в спортивный зал, сел на велотренажер и, крутя педали, стал думать о семье. Я не обманывал Улита, сказав ему, что считаю его и Пу своей семьей. Эти два уцелевших робота являлись для меня самой настоящей семьей. С того самого момента, как я стал осознавать себя, рядом со мной были только они. Они заботились обо мне, кормили, ухаживали, учили, воспитывали. Учил и воспитывал, в основном, Улит, а кормил и ухаживал Пу, но заботились оба – нежно и искренне, насколько это позволяли их электронные мозги и органы чувств.

На самом деле Пу именовался Прислужгой, но, будучи ребенком, едва научившись говорить, я не мог произнести такое сложное слово и называл его Пу. Это мне рассказал сам Пу, который был вовсе не против такого имени. Улит же «сократил» себя сам. Впрочем, я и это имя не сразу стал произносить правильно. Сначала получалось что-то вроде «Уи». Но это не прижилось. Став постарше, я научился выговаривать «Улит». А Пу так и остался Пу. Меня же они оба ласково называли Мас – сокращенно от Масенький. А Масеньким меня называла мать. Так мне рассказывали роботы. Сама же мать, вместе с другими членами Экипажа погибла семнадцать лет назад. Тогда же погибли остальные роботы, а Улит получил повреждения. Что именно случилось, ни Улит, ни Пу не знали. Все, что они могли рассказать – это то, что однажды завывли сирены, свет стал мигать красным. Динамики Оповещения (мне их потом показывал Улит, но они всегда молчали) верещали: «Опасность! Расчет неверен! Требуется вмешательство оператора!» Люди забежали, заметались, но никто, наверное, не знал, кто такой Оператор, потому что дальше последовало страшное – раздался сильный удар, Корабль застонал и содрогнулся, переворачивая все внутри себя, а потом наступила тишина. Сначала еще кто-то слабо стонал, но вскоре стало совсем тихо. А еще через некоторое время послышался тоненький плач. Это плакал я. И Улит с Пу продолжили выполнение своих обязанностей. Ведь я был человеком, членом Экипажа Корабля.

Я рос, учился, читал книги, смотрел видео. Читать я люблю. Но считал и считаю литературу выдумкой. Ну, не могло быть на самом деле того, что там написано! Я уже говорил, что у меня просто не укладывались в голове описываемые просторы. Не бывает бескрайних полей и безбрежных морей! Пусть даже описываемый мифический Корабль и был бы в сто раз больше нашего, – хотя я совсем уж не представляю: зачем? – то его стены все равно были бы видны с любой точки! Вот наш бассейн – двадцать метров на десять. Море – ведь это же бассейн? Пусть оно будет два километра в длину и километр в ширину... Мне смешно даже представить такой бассейн, но ладно, пусть! И что, его берегов не будет видно?

Глупости! В крайнем случае, можно взобраться под перекрытие – и все будет прекрасно видно. Ведь и высота перекрытий тогда была бы где-нибудь с полкилометра. Страшные цифры! Длина (или высота... все время путаюсь с этими понятиями, да и сам Улит – тоже) нашего Корабля – всего-то двести метров. Что там, за крайними переборками, где начинается и кончается Главная Шахта – мне неизвестно. Улиту и Пу – тоже. Их программировали уже на Корабле. Хотя оба уверены, что за пределами корабля еще что-то есть. По крайней мере, еще один Корабль – Земля. О ней-то и пишут чаще всего в книгах, она и заснята на видео. Но видео мне совсем не нравится. Там сняты ужасные вещи... Попадают кадры, где действительно нет стен, переборок и перекрытий! Мне становится плохо от таких изображений. Улит говорит, что видео – это тоже выдумка, называется «кино». Вот уж навывдумывали нелепостей!

Поэтому видео я не люблю. Кроме тех записей, где снят Экипаж. Мать, отец, два брата, сестра... Странно было их видеть... Вообще странно было видеть *людей*. Ведь я никогда не видел их по-настоящему. А видео, даже эти, *документальные* записи, я подсознательно все равно причислял к выдумке. И все же на свою семью было смотреть интересно. На ту, *настоящую* семью. Или же моей настоящей семьей были все же Пу и Улит?

Что там писал о семье любимый Улитов Толстой? «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». А какая у нас семья? Конечно, счастливая! Значит, все остальные семьи... которые были... значит, они были похожи на нашу?

Я улыбнулся пришедшим мыслям, спрыгнул с тренажера и направился к бассейну. В последнее время в нем стало совсем мало воды – мне по пояс, и она неприятно пахла. Но я все же проплыл от стенки до стенки, а потом бросился в душ, сдерживая рвотные позывы. Видимо, занятия плаванием придется бросить... Или попытаться найти причину обмеления и «протухания» бассейна. Хотя я почти наверняка знал, что задача эта для меня невыполнима. Я совсем не разбирался в технике и в точных науках. Я уже говорил, что знания Улита в этих областях носили очень уж обрывочный характер... Попытавшись читать научную литературу самостоятельно, я быстро прекратил это начинание. Если обычная литература – «художественная», как называл ее Улит, – меня часто удивляла и смешила, то «научная» приводила в полное замешательство! Там *всё* было для меня непонятным! Начиная от странных значков, до бессмысленных рисунков! Помню, в одной такой книге я увидел пестрый, в голубоватой дымке, шар на черном, с мелкими светлыми точками, фоне. Под рисунком была надпись: «Земля. Вид из космоса». Слово «космос» я не знал. Улит сказал, что слышал его много раз от самого первого Экипажа, от следующих – все реже и реже. Последний же Экипаж не вспоминал про «космос» вообще. Словарь же объяснял это слово как «Вселенная, мир». Что такое Вселенная, я тоже не знал. А мир – это Корабль. Значит, космос и Корабль – одно и то же? Стало быть, Земля – это Корабль, как я, собственно, и предполагал. Но тогда, если «перевести» надпись, получится «Корабль. Вид из Корабля». Так все-таки Корабль, или вид из Корабля? Вид на себя из себя? Что-то уж слишком заумно. И почему этот Корабль так странно выглядит? Что вообще это значит? Корабль – это перекрытия, переборки, стены, коридоры, шахты, каюты, помещения... Этого нельзя было увидеть *сразу*! И я сильно сомневаюсь, что даже если бы имел возможность каким-то образом увидеть Корабль *сразу*, то он был бы похожим на пестрый дымчатый шар. А точки? Может быть, это индикаторы? Я засмеялся. Чушь! Глупость и чушь.

В душе меня ждало очередное разочарование: вода лилась еле-еле. Мне с трудом удалось помыться. И все равно казалось, что я продолжаю пахнуть тухлой водой из бассейна. Или вода в душе тоже стала так пахнуть? Может, в Корабле вообще кончаются запасы воды? Почему-то раньше я не задумывался о том, что на Корабле что-то может кончиться. Тем

более, Улит говорил что-то о регенерации, повторной очистке используемой воды. Значит, все-таки поломка? Очень плохо...

До завтрака оставалось немного времени, и я решил прогуляться по оранжерее. Раньше, судя по видеозаписям, здесь было очень красиво: росли деревья и цветы, полезные и просто красивые растения. Оранжерея давала и пищу, и кислород. Но семнадцать лет назад оранжерея, как многое на Корабле, погибла. Из сухой, потрескавшейся почвы торчали кривые палки... Но все же Оранжерея привлекала меня своей неправильностью, несимметричностью тех же высохших палок – жалких остатков деревьев. Я взял маленький комочек земли, растер его между пальцев, поднес к носу щепотку серой пыли. Она и пахла пылью. Ничем больше. Я отряхнул руку и двинулся в столовую. Запах пыли все еще стоял в носу. Мне стало уже казаться, что все в Корабле пахнет пылью. Сам воздух... Я вздрогнул. Если испортилась система очистки воды, то может выйти из строя и система очистки воздуха. И вообще, как объяснял тот же Улит, кислород, необходимый для моего дыхания, вырабатывается как раз из воды. Раньше в этом помогали и растения. Теперь их нет. Если выйдет из строя эта установка, кислорода на Корабле не будет. Что тогда? Впрочем, если кончится вода, будет не лучше. Тем более, раз они так взаимосвязаны... Да мне по большому счету все равно, что раньше кончится.

Я разозлился на себя. Да с чего я взял, что должно что-то кончиться! На Корабле ничего не может кончиться. Это же мой мир! Он не может позволить мне умереть. С водой – это случайность, запах пыли – это просто запах сухой почвы. Все наладится. Все будет хорошо! Тем более, моя семья приготовила мне какой-то сюрприз.

Улит вынырнул из бокового коридора перед самым носом – я даже вздрогнул – и загородил собой проход в столовую.

– Подожди! Подожди! – заскрипел он. – Еще не все готово! Мы тебя позовем. – Улит неуклюже прогромыхал в проход и закрыл за собой дверь.

Я остался топтаться в коридоре, не зная, что предпринять. Прошло минут десять. У меня забурчало в животе. Завтрак запаздывал. Это было немыслимо! Роботы, особенно Пу, всегда отличались исключительной точностью. За моим Распорядком Дня они следили тщательнее, чем за графиком собственной профилактики. Видать, действительно готовится нечто особенное...

И как раз в этот момент дверь в столовую раскрылась. По обе стороны от прохода застыли Пу и Улит. Зазвучала торжественная музыка. Странно, но звуки были абсолютно чистыми, без скрипов и лязгов. Я не сразу догадался, что ее издают не роботы. Музыка лилась из звуковоспроизводящего устройства, которым я часто играл в детстве, а потом почему-то забыл.

Я шагнул в зал. Он просто сверкал белизной свежeweымытых стен! Все полсотни столов были застелены белыми скатертями, чего я не помнил за всю свою жизнь. На самом дальнем – пятьдесят первом, стоящем отдельно, напротив центрального ряда, – возвышалось нечто большое и круглое. Этот предмет сразу привлек мое внимание, и я не сразу заметил в окружившей меня белизне, что на одном из двух кресел возле пятьдесят первого стола сидит кто-то в белом...

Мои ноги подкосились, перед глазами все поплыло, и я бы, наверное, упал, если бы роботы не подхватили меня с двух сторон манипуляторами.

– Я же говорил, не надо так неожиданно... – глухо прохрипел Улит.

– К-кто там? – промямлил я. Язык тоже стал ватным, как и ноги.

– Твоя невеста! – ответили роботы дуэтом, а Улит добавил: – Татьяна Морина.

Я икнул, потеряв дар речи. В глазах моих, видать, тоже что-то замкнуло, как у Улита в минуты волнения, и я никак не мог сфокусировать взгляд. Но белое пятно впереди уже потянуло меня к себе, не обращая внимания на мои заплетающиеся ноги. Улит и Пу едва

поспевали следом, все еще протягивая ко мне манипуляторы, но уже не дотягиваясь – передвигался я все-таки быстрее их, даже на ватных ногах.

Приближаясь к столу я почувствовал, что в голове почти прояснилось, ноги перестали дрожать, язык обрел чувствительность, а глаза – прежнее зрение. И последние сделали это напрасно. За столом сидел обмотанный в белую простыню скелет! На костях и черепе еще сохранились куски иссохшей, заплесневелой кожи, но глазницы зияли черной пустотой, нижняя челюсть отвисла в мерзком оскале. И только густые, пепельно-серые волосы казались живыми, но подернутые пыльной изморозью.

Я медленно повернулся к роботам. Их надраенные корпуса, казалось, вмиг потускнели от моего взгляда.

– Я же говорил... – хрюкнул Улит, и окуляры его принялись вращаться, все набирая и набирая обороты. Я испугался даже, что линзы вылетят сейчас из креплений, и несчастный Улит лишится зрения. Поэтому орать я не стал. Сказал только:

– Эх вы... Безмозглые! Бессердечные... – И пошел к выходу.

– Постой, Мас, постой! – заверещал Пу, пытаясь ухватить меня манипулятором. – Постой, Масенький! Скажи, что мы сделали не так? Ведь мы так старались! Мы хотели, как лучше!

Я остановился. А ведь они действительно хотели, как лучше. Они и правда старались. При чем тут мои роботы? Разве виноваты они, что мозги у них электронные, а сердца и вовсе нет? Разве не дарили они мне свою электронную, но такую теплую любовь и доброту все эти семнадцать лет? И я не смог уйти. Не смог разозлиться на них по-настоящему.

– Ну почему? Зачем вы это сделали? – простонал я.

– Тебе нужно было вступить в брак, – затараторил Улит странным, почти живым голосом, и даже не скрипя. Окуляры его замедлили вращение, но все еще не могли остановиться. – Нужна была женская особь твоего рода-племени, незамужняя... Татьяна Морина отвечает всем этим параметрам.

– Но она же мертвая! – не удержался и все-таки взревел я, грохнув кулаком по ближайшему столу.

– Нигде не сказано, что невеста обязательно должна быть живой... – хрипнул Улит. Привычный голос снова вернулся к нему.

– Где вы ее держали столько лет? – горько улыбнулся я, не в силах больше сердиться на своих дуралеев.

– Там же, где и всех остальных, – подал голос Пу. – В помещении Главного Пульта Корабля.

– Как?! – ахнул я. – Они все здесь?!

– Мы не знаем, куда девали Экипажи мертвые тела своих членов, – скрипнул Пу. – И мы убрали всех в помещение, куда тебе не было доступа.

Почему-то я никогда прежде не думал, куда делись тела погибших членов Экипажа... Мне казалось – раз человека не стало, значит все – нет его. Хотя и знал, конечно, что, умирая, человек не теряет тело. Да и картинки я в книгах видел с мертвыми телами, и видео... Я ведь и сейчас сразу понял, что передо мной скелет! Просто раньше я об этом не задумывался... А ведь моя мать, мой отец, мои родные, моя семья – они ведь тоже все здесь, на корабле! И я их могу сейчас увидеть. Стоп! А хочу ли я этого? Увидеть истлевшую кожу на костях, черепа с дырками глазниц? Может быть, лучше помнить их такими, как на видеозаписях – смеющимися, красивыми, *живыми*? Да, лучше так. Но на Главный Пульт все равно надо идти. Там я смогу узнать... Что? Не знаю. Но чувствую, что могу узнать и понять что-то важное.

– Пойдемте на Главный Пульт, – сказал я и снова направился к выходу. Но Пу ухватил меня всё-таки за руку:

– Постой, Мас! Попробуй хотя бы торт. Мы так старались!

Я оглянулся на стол, стараясь не смотреть на «невесту». Так вот что стояло посредине стола! Торт! Я почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Моя семья... Они действительно любят меня! Они попытались устроить мне настоящий праздник. Ведь о тортах я только лишь читал в книгах и видел их на видео... Торт всегда казался для меня настоящим символом семьи – человеческой семьи!

Роботы почувствовали перемену моего настроения и вновь нерешительно заблестели.

– Только ты знаешь, Мас, – сказал Улит, – эта мука была последней... Осталось немного соли, шоколада и все...

Я не сразу понял, что имеет в виду Улит, а когда понял – снова почувствовал, как подкашиваются ноги. Я рухнул в ближайшее кресло.

– Ты хочешь сказать, что на Корабле кончились продукты?

– Да, Мас, – поддакнул Пу. – Шоколада тебе хватит на пару недель, если питаться им одним. Соль в чистом виде не едят. Можно попробовать отварить остатки растений из Оранжереи, но...

– Я скоро стану такой же, как она? – неожиданно захихикал я, кивнув в сторону мумии. – Вот тогда вы и устроите нам настоящую свадьбу! Обещайте мне!

– Ты правда этого хочешь, Мас? – спросил Улит, вновь завращав окулярами.

Я постарался взять себя в руки. Ноги все еще дрожали, но встать я смог. И даже пойти.

– Пойдемте, друзья, пойдемте, – позвал я роботов. – На Главный Пульт! Торт буду есть после, маленькими кусочками. На неделю его должно хватить.

Очувтившись в помещении Главного Пульта, я растерялся. Я ожидал увидеть огромный зал, вроде столовой. На самом же деле комната оказалась чуть больше моей каюты, только круглой, с серыми, стеклянно блестящими стенами и круглым столом посредине. В помещении пахло затхлостью и тленом, хотя вентиляция исправно работала, – я чувствовал, как шевелятся волосы на затылке. А может, они шевелились от груды скелетов, сложенной у стены. Я старался не смотреть в ту сторону, но боковое зрение услужливо подсовывало в мозг фрагменты кошмарной картины – белое вперемешку с черным и серым.

Я подошел к столу. Вокруг него разместились пять кресел. В поверхность стола были вмонтированы пять клавиатур. Посредине стола, напротив кресел, располагались пять экранов. На каждом экране был текст. На четырех из них – одинаковый:

«Время старта с Земли: 05.12.2103 15:00:00

Текущее время: 07.12.2379 09:35:11

Аварийная автоматическая посадка произведена 06.04.2362 23:41:18.

Повреждения:

Двигательная установка – 56%

Система безопасности (силовое поле) – 23%

Система навигации и связи – 94%

Система жизнеобеспечения – 48%

Система внешнего обзора – 100%

Система анализа и контроля – 79%

Энергосистема – 12%

Прочие системы исправны.

Основные характеристики планеты (данные неполные в связи с низкой работоспособностью системы анализа и контроля): планета земной группы, сила тяжести – 1,2 земной, кислорода в атмосфере – 22%, азота – 70%, прочие газы – 8%, наличие биологической активности – присутствует».

На пятом же экране мигала красная надпись:

«ВНИМАНИЮ КАПИТАНА!

Энергоносители разряжены до критического значения!
Энергосистема переведена в аварийный режим работы.
Энергопотребление всех систем корабля снижено до пороговых значений.
Силовое поле будет отключено через 28 минут 11 секунд.
Энергоснабжение прочих систем корабля будет отключено через 2 часа 15 минут.
СРОЧНО ЗАРЯДИТЕ ЭНЕРГОНОСИТЕЛИ!»

...Племя

Я стояла в длинной очереди и смотрела на Палец Бога. Он сверкал под лучами солнца в переливчатом коконе и указывал в небо – туда, откуда пришел. Когда это случилось, я была совсем маленькой, поэтому ничего не помню. Как жаль! По рассказам старших, на это стоило посмотреть. Расколосось небо, ночь стала днем, погасли звезды, и из трещины в небе показался Палец Бога. Он пылал, он ревел, и от рева его падали деревья, взлетали камни. Палец встал посередине озера, подняв воду и обернув ее вокруг себя. И никто не может подойти к Пальцу Бога – пленка воды окружила его радужным пузырем. Она кажется живой, когда касаешься руками – теплая, упругая, податливая... Но прорвать ее невозможно. Вблизи она даже не похожа на воду – ее почти не видно, только радужные переливы расходятся под руками.

Жрецы тоже стерегут Палец Бога. Но мне кажется – Ему их помощь не нужна. Ему не нужна ничья помощь! Он сам пришел для того, чтобы помочь моему племени. Жрецы возносят Божеству молитвы, подносят приношения. Палец всегда молчит, но иногда выполняет то, о чем его просят Жрецы. Он дает дождь в засуху, солнце в непогоду, удачу на охоте, хороший урожай, богатый приплод. Порой он помогает и нам, простым людям племени. Но Жрецы пускают нас к Пальцу Бога лишь один раз в год – в День Свадеб. Поэтому так много передо мной свадебных пар. Считается очень важным попросить у Пальца Бога счастья и удачи в этот день – тогда и семья будет крепкой, и муж сильным и добрым, и жена веселой да работающей, и родятся здоровые, красивые дети.

Солнце уже начало спускаться с Небесной Вершины, когда настала моя очередь. Я подошла вплотную к радужной пленке, широко раскинула руки и прижалась к ней всем телом. То, что попросила я у Пальца Бога горячим шепотом, было таким мелким, таким незначительным для племени – я почти не надеялась, что Божество меня услышит. Но то, что случилось... Теперь рассказ и об этом событии, наверное, будут передавать из поколения в поколение. Переливчатый пузырь лопнул под моим телом! Я упала на бывшее дно озера, ожидая, что потоки воды обрушатся на меня, занимая свое законное место... Но этого не случилось. И тогда я поняла, что Палец Бога услышал меня! Меня, такую юную, такую незаметную... Меня, с такой личной, с такой смешной просьбой! Ведь я попросила всего лишь красивого, сильного, доброго мужа.

Коммуналка

– Ну, что будем делать? – Глаза жены, устремленные на Романа, блестели от слез.

Роман, проводив взглядом автобус, увозивший сына, хоть и считал вопрос Кати риторическим, все-таки буркнул:

– Комнату снимать, что же еще...

– Может, квартиру?..

Этот вопрос тоже был риторическим – финансы подобного не позволяли, что прекрасно знала и сама Катерина, – и отвечать на него Роман не стал, только вздохнул и приобнял супругу за хрупкие плечи. Они мелко подрагивали – то ли от холодного сентябрьского ветра, то ли от переживаний за Мишку.

«Эх, Мишка, Мишка! – подумал Роман. – Студент ты наш ненаглядный... Хорошо, что студент, молодчина, а вот то, что один теперь...»

В ушах Романа до сих пор звучал голос сына, глуховатый и прерывистый от смущения, а то и от комка сдерживаемых слез, застрявшего в горле: «Не могу я больше в этой общаге жить! Лучше уж на вокзале...»

Роман и сам видел, когда отвозил первый раз Мишку, что жить – еще худо-бедно, а уж нормально готовиться к занятиям в университетском общежитии невозможно. В комнатухе, где и двоим-то было тесно, селили по трое, а то и по четверо. Надстраивали над кроватями второй ярус – и вперед!.. А то, что ни стола дополнительного некуда поставить, ни даже тумбочки, никого не волновало. Впрочем, уставшую от проблем женщину-коменданта тоже можно было понять – заявлений на общежитие было гораздо больше, чем мест в ней. Так что действовала она, в общем-то, исходя из лучших побуждений. И ведь многие были ей за это благодарны, далеко не все могли позволить себе такую роскошь – снимать отдельное жилье...

Мишке как раз и досталось место на верхнем ярусе, поскольку соседи оказались старшекурсниками и жили в общаге не первый год. Но это бы еще полбеды... Сложнее оказалось поладить с этими университетскими «дедами». Нет, они не обижали Мишку. Они просто игнорировали его. Слушали музыку до двух-трех ночи, оставляли после еды свинарник на столе, как-то раз приперлись поздно вечером пьяные и продолжали веселье до утра... Даже нормально выспаться было в таких условиях проблематично, не то что учиться!

– Может, попросить у коменданта, чтобы переселила тебя в другую комнату? – спросила тогда Катя у Мишки.

– Ну, вот еще! – вспыхнул сын. – И что ей сказать? На этих идиотов пожаловаться? Чтобы меня потом стукачом считали? Ну уж нет!..

– И правда, Кать, – поддакнул Роман. – Некрасиво получится. И где гарантия, что в другой комнате будет лучше? Там есть такие, где и вчетвером живут. А если и есть лучшие – что, мы кого-то попросим: переселись-ка парень к веселым ребятам, а то мы уже нахохотались?

– Не смешно! – фыркнула Катерина.

– Вот именно, – кивнул Роман. А вопрос так и остался нерешенным.

По дороге с автовокзала Роман скупил все газеты объявлений, которые нашлись в ближайшем киоске. Правда, как выяснилось уже дома, лишь в четырех из них оказались данные по сдаче жилья в областном центре. Роман и Катя поделили газеты поровну – по две каждому. Катерина взялась за трубку домашнего телефона, Роман достал мобильный. И начался обзвон номеров.

Университет находился почти в центре города, но сначала супруги не рискнули звонить по адресам, предлагаемых в центральном районе – слишком уж пугала цена. Самую окраину

они тоже, договорившись, отвергли: Мишке пришлось бы вставать ни свет, ни заря, чтобы добраться оттуда до учебы. Остановились на «золотой середине». Но, увы, после двух-трех десятков звонков ни Роман, ни Катерина не добились успеха: комнаты или оказывались уже сданными, или предлагалось нечто невразумительное, вроде каморки в деревянном доме с «частичными удобствами», да еще в коммунальной квартире на пять семей. Вряд ли подобные варианты были многим лучше общежития.

Супруги не ожидали такого расклада. Катины губы мелко задрожали.

– Ну почему нам так не везет?

– Потому что поздно спохватились, – нахмурился Роман. – Те, кто хотел, еще в августе подсуетились.

– Но мы же думали, что Миша будет в общежитии...

– Вот именно. Думали. Кто ж знал-то? Я в свое время тоже жил в общежитии. Но у нас это было вполне нормальное жилье – два человека в комнате, все удобства...

– И что будем делать? – голосом, полным слез, прервала воспоминания мужа Катерина.

– Осталась окраина и... центр, – вздохнул Роман.

– Только не окраина! – замотала головой Катя. – Не хочу, чтобы мальчик по часу в троллейбусах трясся! И давка в час пик там – знаешь какая? А зимой на остановке мерзнуть?..

– Да я разве спорю? Давай центр обзванивать.

– Но там же дорого...

– И что ты предлагаешь? – повысил голос Роман. – Окраина тебя не устраивает, в центре – слишком дорого!..

– Меня?! – вспыхнула Катя. – Меня не устраивает?.. То есть, на мальчика тебе уже наплевать?

– Стоп! – хлопнул по диванному подлокотнику Роман. – Нам только поругаться сейчас не хватало.

Он положил ладонь на затылок сидящей рядом жены, нежно провел по волосам, а потом притянул ее голову к груди.

– Успокойся, все будет хорошо.

– Не будет, – шмыгнула носом Катя, прижимаясь к мужу сильнее.

– Будет-будет, – сказал Роман, стараясь придать голосу больше уверенности. – Вот увидишь. – Он аккуратно отстранил Катю, решительно развернул газету и набрал первый попавшийся номер с адресом центрального района.

Ответил вежливый мужской голос.

– Комната? Да, сдается. У меня двухкомнатная квартира, в одной живу я, а другую... сдаю.

Роману показалось, что мужчина что-то недоговаривает. Ему послышалась в голосе собеседника некая недоговоренность, почудился скрытый подвох.

– Условия хорошие? Дом не деревянный?

– Нет, что вы! – послышалось в ответ. – Нормальный дом. «Хрущевка», правда... Панельная пятиэтажка. Квартира на втором этаже. Вот только окна...

– Что окна? – перебил Роман, глянув искоса на прислушивающуюся к разговору Катерину. – На помойку выходят?

– Нет-нет! – заторопился мужчина. – Не на помойку, что вы! Просто дом стоит прямо под сопкой, и ее склон для безопасности забетонировали. Вот окна и выходят на эту бетонную стену. Вид совершенно безрадостный.

– Ну, нам жилье не для радости нужно, – облегченно выдохнул Роман. – Мы для студента комнату снимаем, ему некогда будет в окна пялиться, учиться нужно.

– А для учебы как раз все условия! – обрадовался невидимый собеседник. – Письменный стол, книжный шкаф, шкаф для одежды. Диван есть, новый совсем, кресло... Телевизор, конечно же; на кухне – холодильник, плита, микроволновка, посуда...

– И... сколько это удовольствие стоит? – постарался как можно равнодушной спросить Роман, но голос предательски дрогнул.

В ответ мужчина назвал такую цену, что Роман не сразу и понял – подумал, что ослышался.

– Сколько, простите? – переспросил он.

Мужчина повторил ту же сумму. Роман недоуменно заморгал: столько могла стоить самая заваливающая комнатенка на окраине. В деревянном доме с «частичными удобствами». В коммуналке с клопами, мышами и тараканами вдобавок к многочисленным соседям. Но уж никак не жилье в самом центре города! Теперь Роман был твердо уверен, что в данном варианте кроется подвох, и собрался нажать кнопку отбоя. Но его опередила Катерина, которая, как оказалось, тоже услышала сумму, названную хозяином квартиры. Она выхватила у Романа телефон и буквально крикнула в трубку:

– А почему так дешево?!..

Роман стал прислушиваться, но Катя очень плотно прижала телефон к уху – доносилось лишь невнятное глухое бормотание.

– В общем, так!.. – Голос жены приобрел стальные нотки. – Мы сами приедем к вам завтра и все обговорим. В котором часу вам удобно? – Она выслушала ответ собеседника и спросила еще: – А вы никому за это время не сдадите? А то ведь нам ехать из другого города, с работы отпрашиваться...

Трубка снова глухо и торопливо забормотала.

– Хорошо, – сказала Катя. – Тогда до завтра.

Мужчина, по крайней мере внешне, внушал доверие. Не молодой, но и далеко не старик – лет пятидесяти, как определил навскидку Роман. Одет в темно-серый пуловер и классического покроя джинсы. Стрижка короткая, волосы с сильной проседью; аккуратная, полностью седая бородка. Взгляд спокойный, глаза не бегают. В общем, на жулика не похож. Скорее – на университетского преподавателя или на отставного военного. Хотя Роман понимал, что профессиональный мошенник тоже не станет семафорить внешним видом, что собирается тебя надуть.

– Андрей Николаевич, – представился мужчина, когда Роман и Катя вошли в прихожую.

Роман тоже назвал свое имя, а Катерина сразу взяла с места в карьер:

– Я все-таки не поняла, почему вы так мало просите за комнату?

Андрей Николаевич все же потерял невозмутимость. Развел руками, опустил глаза.

– Ну, я же вам говорил... Мне много не надо, я живу один, зарабатываю неплохо. А вторая комната пустует; отчего бы не помочь тем, кому она действительно нужна?

– Не верю я в альтруизм, вы уж меня простите! – вздернула Катя подбородок. – И покажите-ка, кстати, комнату.

– Да пожалуйста! – заметно повеселел мужчина. Шагнул к ближайшей двери, распахнул ее. – Вот, ничего особенного, как видите, но жить вполне можно.

Катя, а следом и Роман, шагнули в комнату. Там все было точно так, как рассказал вчера Андрей Николаевич по телефону: диван, кресло, письменный стол, два шкафа – книжный и для одежды, телевизор на невысоком комод. Все, кроме дивана, выделяющегося яркосиней обивкой, не особенно новое, но вполне приличное, жить действительно можно.

Роман подошел к окну, отдернул занавеску и взгляд его уперся в серую бетонную стену. Она была совсем близко, метрах в трех-четырех, и заполняла собой весь обзор. Роман чуть

пригнулся и глянул вверх. Стена заканчивалась примерно на уровне четвертого этажа. Выше нее, на склоне сопки, виднелись чахлые деревца – скорее, кустики.

– Вот, из-за этого тоже цена невысокая, – прокомментировал действия Романа Андрей Николаевич.

– А из-за чего еще? – нахмурилась Катя. Она была решительно настроена докопаться до истины.

Андрей Николаевич вздохнул.

– Собственно, это мелочи, конечно, прихоти пожилого человека, но у меня есть несколько условий...

«Начинается!..» – подумал Роман, а Катерина заметно насторожилась.

– Да вы не пугайтесь! – заметил реакцию супругов мужчина. – Условия пустяковые. Дело в том, что я – человек одинокий, но у меня довольно часто бывают посетители. Нет-нет, мы не шумим, не пьянствуем, – предупредил он готовый сорваться с губ Катерины вопрос. – Ваш сын даже не заметит чужого присутствия. А условие мое очень простое: никогда не входить в квартиру и не выходить из нее вместе с кем-то из моих гостей...

– Пойдите, – возмутилась все же Катя. – А если мальчику будет как раз нужно войти или выйти? Он что же, на лестнице ждать должен, пока ваши гости нагостятся?

– Да нет же, вы не поняли, – смущенно поморщился Андрей Николаевич. – Нельзя лишь заходить и выходить одновременно. То есть, нужно всего лишь дожидаться, пока за моим... э-ээ... гостем закроется дверь – и открыть ее снова. Вот и все.

– А... зачем?.. – не удержался Роман.

– Я же говорю: прихоти, – неохотно ответил хозяин квартиры. Чтобы побороть смущение, он даже повысил тон: – Я ведь никого не принуждаю снимать эту комнату! Не согласны с моими условиями – стало быть, распрощаемся, да и все.

– Вы сказали, что условий несколько, – подхватила Катерина. – Что, есть еще какие-то... прихоти?

– Ну, если вам понравилось такое определение... Собственно, условий еще два. Первое – телевизор... Он подключен к общей антенне. Показывает сносно, основные каналы ловит все. Так вот, не стоит пытаться подключить к нему другую антенну. Комнатную, или еще какую... Вообще не нужно трогать антенный кабель.

– Да никто и не собирается, – пожал плечами Роман, но Андрей Николаевич, казалось, его и не слышал. Он продолжал:

– Второе – нельзя заходить в мою комнату. Даже стучаться не стоит. Я человек очень занятый, из комнаты почти не выхожу... Надеюсь, ваш мальчик самостоятельный, справится и без меня.

– А когда он соберется заплатить вам за жилье, тоже не стучаться? – с отчетливым ехидством в голосе спросила Катя.

– Тоже, – кивнул мужчина. – В этом случае ему следует выйти из квартиры и позвонить.

– По телефону?.. – заморгал Роман. Его мысли начали путаться. Андрей Николаевич – хоть и не походил на сумасшедшего – нес явную околесицу.

– Нет, в дверь, – спокойно ответил тот. – Я открою и возьму деньги. Кстати, телефона в комнате вашего сына не будет. Считайте это еще одним условием, а также, если хотите, причиной низкой цены.

– Ничего, у него мобильник есть, – машинально сказал Роман.

– А мобильник здесь, увы, не работает...

– Это тоже условие? – нахмурилась Катя.

– Это факт, – развел руками хозяин квартиры. И строго посмотрел на супругов: – Так вы согласны?

Роман с Катей растерянно переглянулись.

* * *

Михаил прожил на новом месте уже две недели. После ненавистной общаги уютная комната казалась ему настоящим раем! Если раньше он старался как можно дольше оттягивать возвращение «домой», то теперь спешил в «свою» комнату с удовольствием.

Вот и теперь Миша взлетел на второй этаж, прыгая через две ступеньки, в предвкушении ожидаемого наслаждения: в прошлые выходные он привез из дому новый фантастический роман, а почитать его никак не удавалось – предыдущие дни были загружены учебой.

Он так разогнался, что чуть не сбил с ног высокую длинноволосую девушку, стоявшую возле дверей квартиры. Той самой квартиры, комнату в которой снимал Михаил!

«Какие к старику гости ходят!» – неприятно подумал он, но развить мысль не успел – девушка обернулась и с легкой усмешкой окинула парня взглядом.

– Ну, чего застыл? – сказала она. – Проходи давай!

А Мишка и правда словно застыл. Никогда еще не видел он таких глаз – огромных, зеленоватых, словно подернутый тиной омут. И в этот-то бездонный омут, затянуло и Мишу. Сразу – и с головой.

– Так я... это... тоже туда... – с трудом выдавил он.

– А! Ты к Андрею Николаевичу? – спросила девушка и, не дожидаясь ответа, повернула в замке ключ и вошла в открывшуюся дверь.

Зачарованный Михаил, забыв про все условия и договоренности, шагнул следом за незнакомкой.

– Ой! – вскрикнула девушка, когда за парнем захлопнулась дверь. – Андрей Николаевич не велел заходить вместе с его гостями!..

– Вы извините, – опомнился Миша, – я нечаянно... Не говорите ему, ладно?

– А мне-то зачем говорить? – округлила и без того огромные глаза девушка. – Это ведь мне влетит, если что. – Она дернула плечиками, ставя тем самым точку в разговоре, скинула туфли и прошла... в Мишину комнату.

– Э-э!.. – протянул руки Михаил, но дверь перед его носом захлопнулась.

Миша недоуменно поморгал, потоптался возле двери, но все же решился и негромко в нее постучал. Девушка словно ждала этого – дверь тут же распахнулась.

– Ну, что еще? – Глаза незнакомки казались уже не зелеными, а черными. Возможно, из-за недостатка света, а может быть потому, что девушка сердилась.

– Вы извините, – прижал руки к груди Миша, – но я тут живу...

– Вот тут? – качнула назад головой незнакомка и улыбнулась. Нехорошо так, не подоброму. – И сидите в этом вот кресле, и спите на этом диване?

– Ну, да, – закивал Михаил. – На этом диване сплю. Ой!.. – Парень уставился на диван и часто-часто заморгал. – А почему он зеленый?..

– Ну все, остряк-недоучка! Твои шуточки мне надоели. Будешь продолжать клеиться – пожалуюсь Андрею Николаевичу! – Девушка собралась захлопнуть дверь, но Миша вцепился в ручку обеими ладонями.

– Погодите! – завопил он. – Я не шучу! Это моя комната! То есть, я снимаю ее у Андрея Николаевича... Но у меня другая мебель! И обои другие... И ковер...

Видимо, голос, которым Мишка выпалил все это, и глаза, которые он безумно таращил на чужую обстановку «своей» комнаты, заставили девушку усомниться в нехороших намерениях парня. Она выпустила дверную ручку и посторонилась, кивнув Михаилу:

– А ну, заходи!..

* * *

– Где?! Где он?!.. – Катерина набросилась на открывшего дверь Андрея Николаевича и затрясла его, вцепившись в пуловер. Не ожидавший такого натиска мужчина едва не упал, споткнувшись о порог.

– Катя, ну что ты делаешь? – болезненно поморщился Роман.

– Что я делаю?! – повернула к мужу голову Катя. – Я?!.. А не он вот, этот вот!.. – Она снова принялась трясти Андрея Николаевича, но тот уже был готов к подобному и мягко, но крепко перехватил руки женщины.

– Прошу вас, не надо, – сказал он, сочувственно глядя на Катерину. – Давайте пройдемте в квартиру и поговорим...

– О чем?! – замотала головой Катя. – Я не хочу с вами ни о чем говорить! Верните мне сына или с вами будут разговаривать в полиции!

– Но я не знаю, где он. Я не видел его уже три дня...

– Нам он тоже не звонит три дня, – закивал Роман. – Ему было стыдно за супругу, но еще более – страшно за судьбу пропавшего Мишки. Он положил руки на Катину талию и мягко подтолкнул жену к двери: – Катюша, давай и правда зайдем, сейчас все соседи сбегутся.

Катя внезапно заплакала. Закинула руки на плечи Романа, прижалась к его груди лицом и затряслась в рыданиях. Роман воспользовался этим и почти занес ее в прихожую. Андрей Николаевич поспешил закрыть за ними дверь. Потом он метнулся на кухню и вернулся со стаканом, от которого явственно пахло лекарством.

– Пусть выпьет, – протянул он стакан Роману. – Это успокаивающее.

Катя больше пролила, чем выпила, но через пару-тройку минут ей и впрямь стало легче. Рыдания прекратились, плечи перестали трястись.

– Проходите, – открыл Андрей Николаевич дверь. Лишь переступив порог комнаты, Роман понял, что хозяин квартиры впустил их не к себе, а в комнату... Миши!

Но... Роман огляделся... В комнате не было вещей сына! Она была такой же пустой, как и две с лишним недели назад, когда они с Катей осматривали ее впервые.

Андрей Николаевич перехватил недоуменный взгляд Романа и закивал:

– Да-да! Он здесь не жил. Присядьте, я все вам сейчас расскажу...

И он рассказал... Да такое!

По словам хозяина квартиры выходило, что дверь в нее является неким порталом между параллельными измерениями. И каждый, кто ее открывал – открывал проход в иной мир, похожий на наш, но все-таки отличный от него. И в каждом таком мире существовала эта квартира. То есть, не совсем эта, тоже слегка отличающаяся от оригинала, пусть даже совсем в мелочах.

Андрей Николаевич не был ни в одной из этих «параллельных» квартир, он оставался всегда в этой, находящейся в нашем мире. Зато любой другой попадал исключительно в другой мир, для каждого свой. Но, разумеется, не подозревал об этом, ведь выходя из квартиры, каждый возвращался в нашу реальность.

Рассказ хозяина квартиры показался Роману бредом... Зато Катя уцепилась за эту фантастическую версию, как за соломинку.

– Так давайте скорее пойдем в тот мир... в ту квартиру, где сейчас Миша! Что же мы сидим?!

– Но как?.. – развел руками Андрей Николаевич. – Туда может войти только он... Как во все другие – прочие жильцы этой квар...

– Пойдите, – нервным смешком перебил мужчину Роман. – Сколько же народу вы поселили в эту... коммуналку?

– Я не считал, – смущенно отвел глаза в сторону Андрей Николаевич. – Человек двадцать, я думаю... Я никому не отказывал. Зачем? И людям хорошо, и... мне.

– Да уж! – опять всхотнул Роман. – Так вот почему вы ее так дешево сдаете! Это сколько же вы в итоге со всех-то навариваете?

– Я не считал... – вновь повторил хозяин «коммуналки». – Выходит и впрямь немало, но...

– Да при чем тут это?! – вскочила с дивана Катя. – Хоть миллион, нам-то что! – Она смерила мужа гневным взглядом. – Лично мне сын дороже любых денег! Сделай же хоть что-нибудь!..

– Что я могу сделать? – огрызнулся Роман, но тут же смягчился, извиняюще поднял руки. – Разве что... Разве мне попробовать войти в этот... гм-м... портал... – Он все еще не верил в рассказанное Андреем Николаевичем, но мозг уже начал просчитывать варианты. – Ведь мы с Мишей близкие родственники, и если проход настраивается на какие-то биологические параметры...

– Так иди, Рома, иди! – не стала дослушивать Катерина бормотание мужа и потащила его за рукав в прихожую. – У тебя не получится – я пойду!..

Роман переступил уже было порог квартиры, но в последний момент обернулся.

– Погодите, но если из квартиры всегда возвращаются в наш мир, то почему сюда не вернулся Михаил?

– Не знаю, – помотал головой Андрей Николаевич. – Возможно, когда в дверь заходят сразу двое... я же не зря ставил условие не входить ни за кем следом!.. возможно, тогда что-то сбивается... Или еще, – мужчина задумчиво поскреб затылок. – Да-да, еще вариант – выйти не через дверь, а, скажем, через окно...

– Но зачем? – ахнула Катя. – Ведь второй этаж!..

– А если он зашел с кем-то еще из жильцов? Им же стало бы тогда очевидно, что квартира со странностями! И... стало, например, любопытно, почему так происходит. Ваш сын читает фантастику?

– Он только ее и читает, – улыбнулся Роман.

– Вот видите! Тогда он вполне мог догадаться, в чем дело. И мысль про окно наверняка бы пришла ему в голову.

Он закрыл входную дверь и тут же распахнул ее снова. Прихожая была пуста. Андрей Николаевич и Катя будто испарились.

Роман судорожно сглотнул и осторожно, почему-то на цыпочках, прошел к двери в злощастную комнату. Приоткрыл ее, просунул голову... Комната была иной, чем та, в которой сидели они только что. Похожей, но иной. Сразу бросился в глаза цвет дивана – не яркосиний, а оранжево-красный, будто сигнализирующий об опасности. А потом Роман перевел взгляд на окно. Одна его створка была открытой...

Не помня себя, не думая, что может отбить, а то и сломать ноги, он вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Пронесся перед глазами серый бетон стены – такой же точно, как и в родном, обычном мире, больно ударила асфальтом по пяткам земля. Но боль оказалась терпимой, да и не до нее было сейчас Роману. Слегка прихрамывая, он бегом обежал дом и помчался к университету, корпуса которого виднелись через пару кварталов.

Вбежав на крыльцо, Роман едва не столкнулся с выходящим из здания... Михаилом. Отец и сын, и без того похожие друг на друга, замерли в одинаковых позах, разинув рты. И тут следом за Мишей на университетское крыльцо вышла высокая стройная девушка и, взяв парня под руку, потянула за собой. Но, почувствовав его невольное сопротивление, подняла изумленные зеленоватые глаза на друга, а потом медленно перевела их на Романа.

– Что такое, Миша? – спросила она. – Кто это?

– Это... – сглотнул Миша и почти беззвучно выдавил: – Это мой... папа... – И тут парня вдруг затрясло, он попятился, выставив перед собой, словно защищаясь, руки. – Но ведь ты... ты умер! – выкрикнул он, и в ушах Романа противно зазвенело, то ли от этого крика, то ли от того, что он машинально прочел на бронзовой вывеске за спиной сына.

Вычурными, под славянскую вязь буквами на ней значилось: «Государственный Его Императорского Величества Университет...»

Мать космонавта

Когда ночная чернота разливается по небу и колючие звезды начинают в нем холодное перемигивание, из покосившейся избы выходит старая женщина и, на ходу поправляя неизменный черный платок, направляется к угору над речкой Исток, что течет у деревни с таким же названием. Она останавливается на том самом месте, где желто-оранжевая глинистая тропинка начинает крутой нырок под угор и, петляя, вьется между сочными травяными зарослями до самой воды. Женщина поднимает лицо к небу и, подслеповато шурясь, перебегаёт взглядом от созвездия к созвездию, ища вполне определенную и жизненно важную для нее цель – красноватую искорку Марса. Для этого ей не нужны ни карты звездного неба, ни астрономические календари; за двадцать последних лет она научилась находить Марс так же легко и быстро, как зловердных колорадских жуков в ботве картофеля.

Найдя желаемое, женщина замирает на несколько минут, не отрывая взгляда от мерцающей красной звездочки. В этом взгляде и боль, и нежность, и неземная тоска, а губы ее беззвучно шепчут при этом что-то слышимое лишь ей одной. Закончив неслышную молитву, старая женщина осеняет крестом далекую планету, а потом, беззвучно роняя слезы, трясет на нее сухоньким кулачком.

Двадцать лет назад Александра Петровна не то что найти Марс на небе – и самого-то названия такого никогда не слышала. Не до этого ей было, не до тонких небесных сфер. Да и образования – один класс церковноприходской школы; хорошо, читать с Божьей помощью выучилась: сынок хоть редко, но пишет, мать не забывает, и можно эти драгоценные листочки каждый день перечитывать, ни к кому не обращаясь. А то вот Нюрка Тимошиха как раз к ней часто бегает, письма от дочек почитать. Надо сказать, дочки у Тимошихи пишут чаще, чем ее Коленька, но на то они и дочери, да и в городе ведь у них ни коровы, ни огорода – что еще вечером делать? А вот ее сынок – Николай Алексеевич – военный летчик! Чай, у него времени-то поменьше, чем у продавщицы Катьки да медички Наташки.

Но именно тогда, двадцать лет назад – в семьдесят пятом – пришлось узнать ей, пожилой уже женщине, об этом трижды проклятом Марсе; узнать – и не забывать теперь уже никогда, до самого последнего, смертного часа. Началось все так неожиданно и стремительно, что кажется, будто сама жизнь Александры Петровны разломилась на две половинки: до этого июльского дня – и после.

Было еще совсем рано – только выгнали коров на пастбище. Утро выдалось особенно чистое, по-июльски теплое, тихое и безоблачное. Но первозданную райскую тишину резко и грубо разорвал треск мотоциклетного мотора. Старый «Иж» председателя, вынырнув из леса, мчался по сухой, прожаренной солнцем дороге, оставляя за собой такие клубы дыма и пыли, что казался подбитым «Мессершмиттом» из военных фильмов. Еще не доехав до первых домов, председатель начал что-то возбужденно орать, порываясь при этом еще и размахивать руками. Не сдержав рвущихся из души эмоций, он оторвал-таки обе руки от руля, но резво взмахнув ими пару раз, нарушил этим устойчивость своего двухцилиндрового агрегата, и мотоцикл, угрожающе накренившись набок, изменил свою первоначальную траекторию. Председатель опомнился лишь, когда переднее колесо отделили от придорожной канавы каких-то полметра. Он судорожно схватился за руль, но спасти положение сумел только отчасти. Вместо того чтобы клюнуть на полном ходу носом в канаву, мотоцикл влетел в нее по касательной, упав правым боком на пологий склон. Но председатель словно и не заметил этого дорожно-транспортного происшествия. Он быстро выбрался из канавы и, прихрамывая, бросился бежать к дому Александры Петровны, продолжая при этом громко,

но неразборчиво орать и теперь уже совершенно беспрепятственно размахивая руками, как готовящаяся ко взлету курица.

У Александры Петровны екнуло в груди и тисками сдавило сердце. Из бессвязного вопля подбежавшего уже совсем близко председателя она разобрала только одно: «Николай Бурдаев». Это было имя ее сына. «Коля, Коленька...» – прошептала Александра Петровна вмиг помертвевшими губами и, схватившись рукой за грудь, стала медленно опускаться на лавку. Но председатель, прогремев ведрами в сенцах, уже влетел в избу, и только увидев на его красном, заляпанном грязью, перекошенном лице застывшую, словно грубо приклеенную, гримасу дикого восторга, она поняла, что беда миновала.

– Радио! Включай радио! – заорал в самое ухо председатель. Он хотел сказать что-то еще, но все другие слова, похоже, вылетели из его головы при падении с мотоцикла. Он лишь продолжал махать руками так, что затрепыхали ситцевые занавесочки на окошке, и повторял, как заведенный: – Радио! Скорее, радио!

– Да нет у меня радио! – простонала Александра Петровна. – Что случилось-то?! Ты, ирод, меня в гроб чуть не загнал! Что с Коленькой? Что?!

Председатель неожиданно прервал свой рукокрылый взлет и застыл, словно вкопанный. Его глаза округлились, лицо покраснело еще больше, даже вздулись жилы на лбу, но сказать он так ничего и не сумел. Поняв, что от председателя в ближайшее время ей ничего путного не дожидаться, Александра Петровна бросилась к двери. У неграмотной Нюрки Тимошихи как раз было радио.

Уже на крыльце Нюркиного дома Александру Петровну догнал очухавшийся председатель. Способность мыслить вернулась к нему вместе с выбитыми из головы словами. При чем слова эти стали вылетать из председателя пожалуй быстрее, чем формировались сами мысли.

– Николай, Николаев Бурдаев! – затараторил председатель. – Он на Марс полетел! Советский корабль! Шесть человек! Сегодня ночью!

Поскольку Александра Петровна ничего до этого не слышала о Марсе, ей снова стало страшно.

– Какой корабль?! – заплакала она. – Коля же летчик!

– Космический корабль! – затряс женщину за плечи председатель. – Прекрати реветь, ты у нас теперь мать космонавта!

На шум высунулась из избы Нюрка.

– Вы че тут разгалделись? Михалыч, ты че в таку рань примчался? Война, што ль? – эта неожиданная мысль вдруг показалась Нюрке очень правдоподобной, и она громко заголосила во все горло.

– Цыть, дура! – рявкнул на Нюрку председатель, став наконец самим собой окончательно. – Накаркаешь! Включай радио скорее! – и оттолкнув оторопевшую бабу, сам влетел в избу и метнулся к приемнику. За ним ринулись женщины. Из динамика, включенного председателем на полную громкость, с полуслова загремел голос диктора: «...паж корабля «Союз 7К-М1» перешел на борт марсианского экспедиционного комплекса «Аэлита». В три часа восемнадцать минут по московскому времени с космодрома «Байконур» произведен запуск космического корабля «Союз 7К-М2» с экипажем в составе командира корабля – летчика-космонавта, подполковника Бурдаева Николая Алексеевича, бортинженера – Героя Советского Союза, летчика-космонавта, подполковника Еремина Геннадия Александровича и космонавта-исследователя Саленко Сергея Семеновича. Космический корабль «Союз 7К-М2» выведен на околоземную орбиту, и в настоящее время его экипаж готовится к операции стыковки с марсианским экспедиционным комплексом «Аэлита». После того как оба экипажа займут свои рабочие места в экспедиционном комплексе, будет запущен разгонный блок, и космический комплекс «Союз 7К-М1» – «Союз 7К-М2» – «Аэлита» начнет уско-

ряться для достижения второй космической скорости, после чего возьмет курс на планету Марс.

Прослушайте биографии членов экипажей космических кораблей «Союз 7К-М1» и «Союз 7К-М2»...»

Женщины стояли раскрыв рты, ничего пока не понимая из сказанного. Александра Петровна не могла еще поверить, что говорят про ее Коленьку. Мало ли бывает однофамильцев! И Николаев Алексеевич тоже в СССР – пруд пруди. Этот, к тому же, – подполковник, а Коленька-то – майор. Но вот диктор дошел до слов: «Командир корабля „Союз 7К-М2“ – летчик-космонавт, подполковник Бурдаев Николай Алексеевич родился 30 ноября 1940 года в деревне Исток Великоустюгского района Вологодской области...».

– Это ж твой Колька! – ахнула Нюрка, всплеснув руками.

Теперь это поняла и сама Александра Петровна. И обе женщины в один голос зарыдали.

Председатель был всего лишь первой ласточкой. В этот же день к Александре Петровне прикатило районное руководство из Великого Устюга, ближе к вечеру – областное, из Вологды, ну а на следующий день Исток – забытая богом деревушка в десять дворов – превратился просто в центр Вологодской области! Приезжали представители из Москвы, Ленинграда, других городов Союза; газетчики, теле- радиорепортеры, важные и не очень советско-партийные руководители, делегации трудовых коллективов и школьников, и многие-многие другие. Разбитая грунтовка, петляющая сорок километров по полям и лесам от Великого Устюга до Истока, за все свое существование не переносила на себе столько транспорта, сколько потрамбовало ее за эти несколько дней. Поток посетителей стал редеть дней через десять, а только лишь где-то через месяц сократился до одного-двух человек в день. Жители деревни, не привыкшие к такому дикому столпотворению, вздохнули с огромным облегчением. Александра Петровна – тем более. Только безграничная гордость за сына помогла ей выдержать это ужасное напряжение, длящееся целый месяц. Усталость от ежедневного общения с такой уймой народа была для непривыкшей и к тысячной доле подобного интереса к себе пожилой женщины просто непосильной нагрузкой.

Единственной положительной стороной этого паломничества был подаренный в первый же день областной администрацией телевизор. Приехавшие с ними специалисты в полчаса соорудили и установили возле дома высоченную мачту антенны, подключили к ней и настроили новенький телеприемник, и уже в тот же вечер в набитой до отказа народом избе Александра Петровна смогла увидеть на экране своего Коленьку. Стыковка «Союза 7К-М2» с «Аэлитой» произошла удачно, и Николай Бурдаев в кругу своих космических собратьев бодро рапортовал партии и правительству страны Советов об успешном начале экспедиции.

Бабы восхищенно ахали и охали, глядя, как их бывший сосед Колька парит в невесомости. А сердце матери разрывалось от огромной любви к сыну, такой же огромной гордости им и не менее, а скорее более чем огромного волнения и страха за него.

Черета дней превратилась в один сплошной поток переживаний и сердечной боли. Александра Петровна не пропускала ни одного выпуска «Новостей», ни одной программы «Время». Об «Аэлите» говорили всюду, громко и много. Вся великая страна восхищалась смелостью и героизмом шестерых советских парней – и ее Коленьки в том числе! «Мы снова впереди всех в космосе!» – кричали с экрана политики и журналисты. «Янки, утритеесь своей Луной!» – явным подтекстом светилось каждое выступление, телерепортаж, газетная статья.

Александра Петровна знала теперь, что такое Марс. Заезжие люди прожужжали ей все уши этой Красной планетой. Она бы теперь смогла, наверное, читать лекции о Марсе в сельском клубе. Побывавшая в гостях группа школьников из вологодского астрономического кружка привезла ей в подарок телескоп-рефрактор и научила находить Марс на небе,

пользуясь звездным атласом и справочником. Полуграмотная женщина на удивление быстро все поняла, но смотреть в телескоп ей не понравилось – пугающая бездна космоса, затянувшая в себя ее сына, казалась через окуляр трубы еще более страшной.

«Зачем же ты полетел туда, сыночек? – шептала мать бессонными ночами. – Что ты забыл на этом Марсе? Там ведь, говорят, ни людей, ни деревьев, даже травы нет! Ни рек там нет, ни озер, и воздухом тамошним дышать нельзя. Приезжал бы ты лучше сюда, Коленька! Ты же знаешь, какой сладкий воздух у нас, какой лес у нас зачарованный, какая речка ласковая! Ведь как ты любил разогнаться с угора и полететь с обрыва в воду ласточкой... Вот и теперь летишь, не ласточкой уже, а орлом могучим... Но куда, зачем, Коленька?»

Пролетал день за днем, месяц за месяцем. Все ближе и ближе был ее Коленька к чужой непонятной планете, все дальше и дальше от родной Земли и матери. Через долгих семь месяцев улыбающиеся с экрана телевизора сын и его товарищи доложили, что экспедиционный комплекс «Аэлита» приблизился к расчетной точке и готовится лечь на околомарсианскую орбиту.

Это было последнее их сообщение. Это был тот самый последний раз, когда увидела мать сияющие звездным блеском глаза сына. После этого сеанса экипаж «Аэлиты» на связь больше не выходил. Оборвалась не только связь с экипажем – перестали поступать все сигналы с борта комплекса: навигационные, телеметрические, любые... Страна ахнула и застыла у экранов телевизоров и динамиков радиоприемников. Никто не хотел верить в трагедию. Разумных объяснений случившемуся было много: поломка передающей антенны, обширная зона непрохождения радиосигнала, – что угодно, только не самое страшное! Ни с телеэкранов, ни со страниц газет не прозвучало ни полслова о возможной гибели экипажа. Что страна, – вся планета, затаив дыхание, ждала и надеялась!

Александра Петровна почернела от горя, но гнала, как могла, страшные мысли из головы. Она иступленно, неистово молилась, она просила Господа вернуть ей сына в обмен на что угодно, даже на собственную жизнь. Но, то ли не услышал Господь, то ли была на то Его воля...

Прошли еще полгода – тот срок, за который «Аэлита» должна была вернуться домой. Все это время средствами массовой информации поддерживалась надежда на то, что с кораблем и экипажем все в порядке, программа выполняется по плану, и только повреждения передающего устройства или антенны делают связь с межпланетным комплексом недоступной. Но истек и самый крайний срок. Было официально и скупое объявлено о гибели экипажа «Аэлиты». И – тишина... Страной словно бы овладел жуткий склероз. Шестерых отважных парней не только не стало – их словно и не было никогда.

Александра Петровна уже не плакала – слез просто больше не было – она лишь тихо шептала: «Почему их не спасают? Как могли о них забыть?» Разве могла понимать, в одночасье превратившаяся из пожилой в старую, женщина, что в стране просто нет и быть не может тех средств, чтобы организовать хоть какое-то подобие спасательной экспедиции; что только гонка приоритетов между Советским Союзом и Америкой, только жажда любой ценой взять реванш за лунное поражение заставила советское правительство буквально выжать все возможное и невозможное для создания этого, единственного, пропавшего в космических глубинах комплекса. Она не знала этого, но она и не хотела ничего знать. «Почему бросили в беде, забыли моего сына?» – вот единственный вопрос, на который она хотела услышать ответ. Но дать ей его было некому.

Еще через два месяца к ней прибыла делегация военных. Красивый седой генерал, пряча глаза, протянул ей две алых коробочки – с Орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза. Александра Петровна даже не взглянула на высочайшие награды страны. Она не слышала также, что виноватым тихим голосом говорил при этом седой генерал. Она

спросила его только, перебив на полуслове: «Почему вы их там бросили?» Генерал ответил честно: «У нас не было ни малейшей возможности их спасти». «Тогда зачем все это было нужно?» – снова спросила мать. Генерал ничего не ответил.

Когда небо затянуто тучами, или Марс просто не виден, старая женщина не выходит к угору. Она садится за дощатый струганный стол, почерневший от времени, достает из бархатной красной коробочки блестящую желтую звездочку и кладет ее рядом с фотографией сына в узорной деревянной рамке. Женщина долго и молча смотрит в глаза улыбающегося сына, потом кивает на высшую советскую награду и говорит: «Ты ведь не к этой звезде летел, сыночек. Ты летел к настоящим звездам. Ты у меня молодец».

Шеф-повар

Смотреть без отвращения Юлий мог только вниз, на землю. Еще, пожалуй, на скалы, хотя за одиннадцать лет и они обрыдли ему до чертиков. Но все остальное... За те же одиннадцать лет он так и не научился спокойно реагировать на то, что подстерегало неосторожно брошенный взгляд в другие стороны Оазиса. И уж тем более он старался никогда не поднимать глаза к небу. К тому, что должно было быть небом там, наверху.

Говорят, человек может привыкнуть ко всему. Неправда. Человек может привыкнуть ко всему человеческому, пусть даже самому омерзительному и ужасному. Этот же мир создавался вселенскими творцами определенно не для людей; человек попал сюда исключительно по ошибке – и не кто иной как он, Юлий Сысоев, двадцатипятилетний в ту пору спейс-разведчик, для которого этот полет был всего лишь третьим самостоятельным в его недолгой карьере. Сложнее сказать, по чьей же ошибке он попал в этот нечеловеческий мир. Первой в голову напрашивалась мысль о недостатке собственного опыта, который и привел к выпадению корабля из надпространства во время гиперпрыжка. Но сколько раз это логичное на первый взгляд объяснение его посещало, столько же Юлий его безжалостно изгонял. Не мог он совершить никакой ошибки во время гиперпрыжка хотя бы уже потому, что в это время был стянут защитными полями до состояния абсолютной неподвижности. Ошибиться можно было при вводе координат, но тогда он просто попал бы не в то место куда собирался – ввести заведомо абсурдные данные ему не позволил бы информаторий, точнее, он бы их попросту не принял. Грешить на сам информаторий не приходилось по определению – скорей можно было ожидать, что небо упадет на землю, чем то, что тот выйдет из строя. Собственно, с небом-то как раз и случилось что-то неладное в отличие от информатория. Последний, разумеется, можно было уничтожить физически – хотя вряд ли Юлий сумел бы это сделать при имеющихся у него возможностях, – но разрушить его интеллект не удавалось еще никому. Проще было допустить, что «сломалось» само пространство, обнаружилось некое неизвестное доселе его свойство, честь открытия коего выпала именно ему, спейс-разведчику Сысоеву Юлию. Однако стоит ли говорить, что он охотно променял бы лавры первооткрывателя на шалаш из елового лапника в заповедных и диких лесных даях, на эскимосское иглу, на однокомнатную «хрущевку» мутных времен – лишь бы только над его головой опять голубело небо! Или серело, чернело, слепило молниями, проливалось холодным ливнем; но чтобы это было именно небо, настоящее, видимое, воспринимаемое человеческими органами чувств, а не это... не это сводящее с ума отвратительное, дьявольское ничто, которому даже пожелать «чтоб ему пусто было» не представлялось возможным!..

Накрутив себя, Юлий чуть было не поднял глаза к предмету своих проклятий, но тут же, спохватившись, вперил их в землю. Даже инстинктивно пригнулся, оправдав это тем, что так лучше искать грибы. Самое смешное, что это и впрямь были грибы – и на вкус, и на вид. Правда, без шляпки. То есть, гриб состоял как бы одновременно из корня и шляпки – эдакий торчащий из земли темно-бурый пузатый огурец, – но по всем остальным свойствам и качествам ничем иным как грибами Юлий назвать эти образования не мог. В первый раз он даже раскопал под ними почву – грибница присутствовала. Впрочем, какая разница, как эти грибы выглядели и как они росли – по вкусу они ничем не отличались от нормальных земных боровиков. И это было воистину отрадно, ведь кроме грибов ничего съедобного в Оазисе не водилось. А пища из синтезатора хоть и являлась по определению максимально сбалансированной на предмет калорий, витаминов и прочих необходимых для поддержания человеческой жизни факторов, на вкус и на вид представляла собой клейкую, серую, неаппетитную массу.

Грибы росли на утыканых безобразно корявыми деревьями пяточках, почти круглых «лесных опушках», каждая из которых была около ста метров в диаметре. А между этих немногочисленных островков скудной растительности лежал красноватый песок – до самого горизонта... Нет, до того выворачивающего наизнанку ничто, из которого состояло и небо. До того, чем и был этот неподвластный ни разуму, ни человеческим органам чувств окаянный, проклятый мир. Каким образом Юлию на его спасательной капсуле удалось угодить именно в этот крохотный, пригодный для существования уголок невероятно чуждого мира, который по понятным причинам он тут же нарек Оазисом, он не мог объяснить точно так же, как и причину, приведшую его «Поиск-193» к аварии. Везение? Да на черта оно случилось, такое везение! Куда лучше было бы разлететься вместе с кораблем на мелкие кусочки, едва ли успев осознать, что его недолгое пребывание на этом свете закончилось. Впрочем, на этом свете, в привычном физическом мире, он и впрямь перестал пребывать. Уже одиннадцать лет он жил вообще неизвестно где. Точнее, существовал.

Не стоило лукавить самому себе, тогда он был чертовски рад этому невероятному спасению, этой фантастически небывалой удаче. Он просто обалдел от счастья, когда анализатор капсулы указал на абсолютную безопасность и безоговорочную пригодность для дыхания здешней атмосферы; на полное отсутствие болезнетворных микроорганизмов; на комфортнейшую температуру в двадцать два градуса Цельсия, которая, кстати, оставалась практически постоянной, за исключением периодов пылевых бурь, когда она понижалась не более чем на три-четыре градуса... И – о счастье! – в Оазисе напрочь отсутствовали хищные животные и кровососущие насекомые, как, впрочем, любые иные насекомые, рыбы, звери и птицы, что радовало уже не столь сильно – вкус мяса за эти одиннадцать лет преследовал Юлия только во снах.

Так что наличие в его новом ареале обитания грибов он воспринял как дополнительный к своему чудесному спасению бонус. Равно как и наличие в центре Оазиса небольшого круглого озера – скорее, пруда – с изумительно чистой и вкусной водой.

Обрадовался Юлий и невысокому скалистому массиву с одной стороны Оазиса. Во-первых, на шербатых каменных стенах взгляд мог отдыхать без опаски провалиться в тошнотворную пустоту. Во-вторых, в скалах обнаружилась небольшая, но вполне уютная пещера с высоким куполообразным потолком, которая сразу и на все последующие годы стала его «монашеской кельей». Конечно, он мог бы превосходно обходиться и без нее. Но от одной только мысли, что открыв спросонья глаза он утонет взглядом в здешнем неправильном небе, Юлию становилось по-настоящему дурно. К тому же, не стоило сбрасывать со счетов и пылевые бури. Они начинались строго, как по расписанию, один раз в полгода и продолжались восемнадцать дней. Всегда. Все двадцать два раза, что ему посчастливилось их наблюдать. Правда, наблюдать в те крошечные темные, надрывно и жутко воюющие дни было по определению нечего. Он мог бы, конечно, укрыться на время «непогоды» в спасательной капсуле, но лежать, максимум сидеть, восемнадцать дней подобно сардине в банке – удовольствие то еще! В пещере, возле разгоняющего тьму костерка, куда лучше.

Что еще было удивительного в бурях, это то, что их «пунктуальная» периодичность была удивительным образом связана со столь же загадочно точным жизненным циклом деревьев. За пару недель до разгула стихии зеленовато-серые мелкие листья на них начинали засыхать, скукоживаться, становиться грязно-бурыми, а через десять-двенадцать дней полностью облетали. После бури же, которая подчистую сметала этот мусор гигантским пылесосом, почки на деревьях набухали, и уже через неделю кривые, уродливые ветви радовали глаз молодой, хоть и не особо яркой зеленью. Получалось, что пылевые катаклизмы каким-то образом заменяли в Оазисе дожди, которых за все одиннадцать лет здесь не бывало ни разу.

Вспомнив о бурях, Юлий подумал о том, что до начала очередной из них осталось ровно три дня. Он досадливо скривился – даже в привычной и уютной «келье» безвылазно

сидеть восемнадцать суток было тоскливо. А потом губы Юлия растянулись в злорадной усмешке: на эти же восемнадцать дней каракаты останутся без сладкого!

Караката он увидел в первый же день своего пребывания в Оазисе. Хотя понятия «день» и «ночь» здесь были условными, поскольку одинаково светло было всегда, и ход времени Юлий отслеживал лишь при помощи миниинформатория капсулы.

Но сначала были грибы. Нет, сперва он наткнулся на озеро. Сунул в него анализатор – вода. Чистейшая, но не дистиллированная – с примесью безопасных и даже полезных для здоровья солей. Без бактерий, без вообще какой бы то ни было органики, что казалось, в общем-то, странным, с учетом растущих неподалеку деревьев. Но в тот день его мозг устал уже чему-либо удивляться. Юлий быстро разделся и стремительно ринулся в воду. Плавал, нырял, пытаясь остудить клокочущее от пережитого сознание.

А уже после купания он и нашел первый гриб. Следом второй, третий... Пришлось вернуться к спасательной капсуле и взять шлем, который он тут же набил грибами доверху. Ссыпал их возле капсулы, наломал сучьев, разжег костер и, нанизав грибы на ветки, принялся их жарить. От защекотавшего ноздри вкуснейшего, памятного с детства запаха закружилась голова. И возникшего по другую сторону костра караката Юлий поначалу принял за следствие этого головокружения. Тем более что выглядело это создание и впрямь больше похожим на призрачный морок: слегка серебристый сгусток – большой, около трех метров в диаметре, но почти абсолютно прозрачный. Каракатом же Юлий назвал своего неожиданного гостя за то, что перемещался тот, плавая в воздухе подобно каракатице, – вбирал в себя и выбрасывал едва видимые бесцветные щупальца.

Каракат завис подле костра и протянул к Юлию одно из них. Пламя облизывало его эфемерную конечность, но существо это обстоятельство ничуть не беспокоило. Прозрачное щупальце неподвижно висело в полуметре от Юлия, а он был настолько ошарашен, что не нашел в себе силы не только на то, чтобы убежать или хотя бы отодвинуться, но даже на то, чтобы испугаться. И совершенно машинально он сделал вдруг то, до чего наверняка бы не додумался, будучи способным хоть сколько-нибудь соображать. Он поднял одну ветку с нанизанными подрумяненными грибами и сунул ее в протянутое щупальце.

Каракат ухватил ветку и резко вобрал в себя вместе с нею конечность. С полминуты он серебристо колыхался возле костра, а потом выбросил к Юлию сразу три щупальца. Теперь этот жест трудно было воспринять двояко. «Шампуров» с грибами оставалось четыре штуки, и три из них Юлий подал своему прозрачному гостю. Тот исчез столь же внезапно, как и появился. Если бы вместо пяти не осталось всего одной ветки с грибами, Юлий бы наверняка подумал, что удивительный пришелец всего лишь привиделся его воспаленному сознанию.

Оставшиеся грибы он сжевал совершенно автоматически, не преминув, впрочем, отметить их превосходный вкус. Страх же пришел к нему гораздо позже, когда Юлий уже нашел пещеру и стал устраиваться в ней для ночлега. Он вылетел из «кельи» и принялся суматошно носить и подкатывать ко входу камни, забаррикадировав его снаружи так, что едва сумел протиснуться внутрь сам, заложив потом изнутри и это небольшое отверстие. Первую «ночь» он совсем не спал, в ужасе ожидая появления «грибного гурмана», который в отсутствии грибов вполне мог не побрезговать и мясным деликатесом. Непрожаренным, с кровью.

Но никто к нему не явился с требованиями позднего ужина или раннего завтрака. Сам Юлий позавтракал безвкусным продуктом, предложенным ему синтезатором, а потом так и просидел, не вылезая из пещеры, пока его все же не сморил сон.

Выспавшись, Юлий решил, что даже если каракат ему и не привиделся, то существом он был скорее всего безопасным. И вряд ли хищным – ведь в Оазисе не водилось никакой

живности, на какую бы тот мог охотиться. «Кроме меня!» – шевельнулась в мозгу «успокоительная» мысль, которую он все-таки решил игнорировать.

В следующий раз он осмелился жарить грибы только возле пещеры, чтобы в случае чего успеть в нее юркнуть и забаррикадироваться. На сей раз он набрал их больше – на восемь веток. А когда «шашлыки» дошли до готовности, каракат появился снова и сперва опять протянул только одно щупальце, но, не удовольствовавшись первой предложенной порцией, в итоге забрал семь «шампуров», вновь благосклонно оставив один самому повару.

С тех пор так и повелось: Юлий собирал и жарил грибы, каракат неминуемо появлялся, протягивал к нему щупальце и забирал всё, кроме одной ветки. Причем, так было всегда, как часто или редко ни жарил бы Юлий грибы, как много или мало ни использовал бы он при этом «шампуров». Он экспериментировал и так, и эдак – результат был всегда одним и тем же. Единственное, чего он так и не осмелился сделать – это не приготовить грибов вообще. Откровенно говоря, он попросту боялся рассердить своего прозрачного «клиента». Исключением из правил являлись периоды бурь, когда при всем желании он бы не смог не только найти хоть один гриб, но даже и просто дойти до ближайшего лесного пятка. Нужно сказать, что первая пылевая буря стоила ему немало потраченных нервов. Не говоря уже о том, что он в принципе не знал, чего ожидать от подобного явления и как долго оно может длиться, так он еще и откровенно опасался, что каракат явится за любимившимся угощением.

Однако его опасения были напрасными. Конечно, Юлий ни на мгновение не допускал, что каракаты обладали разумом – в таком случае они сами могли бы собирать и жарить грибы, – но он все-таки думал, что даже у безмозглой твари хватит ума не тащиться за угощением в такое неподходящее для сбора грибов время. Впрочем, и сами каракаты вряд ли могли противостоять буре, так что наверняка пережидали непогоду, сидя, как и он, в своих пещерах и норах.

Между прочим, Юлий не раз думал как о природе самих каракатов, так и о том, где они могли обитать. В том, что в Оазисе больше нет ничего, хоть сколько-нибудь похожего на жилища, он был уверен на сто процентов – всё, кроме участков непосредственно примыкающих к его границам, он сотни раз облазил вдоль и поперек. Вывод напрашивался один: серебристо-прозрачные существа жили в том самом невообразимом ничто, на которое он не мог даже смотреть. И вполне вероятно Оазис являлся для них тоже не самым лучшим на свете местом, недаром же приходящий за грибами каракат исчезал всегда очень стремительно, едва успев получить желаемое. Возможно, именно поэтому и собирать грибы самостоятельно они не любили.

Все бы ничего, но страх перед каракатами, хоть и утратил свою остроту, все-таки не исчез совсем. Слишком уж они казались противоестественными человеческому рассудку созданиями. Таким и впрямь было самое место в столь же чуждой для людского разума пустоте.

Юлий ничего не мог поделать с этим иррациональным по сути страхом. Как ни пытался – не мог. Он ненавидел себя за это, и не было ничего удивительно в том, что часть этой ненависти – весьма немалую – он переносил и на самих каракатов. К тому же, ему противно и мерзко было ощущать себя прислугой, рабом безмозглых прозрачных тварей. А от понимания, что он раб не столько каракатов, сколько собственного страха, делалось еще противней и горше. И с каждым годом, с каждым днем это выжигающее душу чувство становилось все нетерпимее и сильнее. Поэтому и пылевые бури стали теперь для него долгожданным подарком, когда он вновь становился самим собой и мог делать всё, что ему вздумается. Несмотря даже на то, что делать в это время было как раз совершенно нечего – только есть синтезированную баланду и спать. Зато душу грело и осознание того, что кара-

каты в эти дни страдают без своего любимого лакомства. Это чувство было глупым, ребячьим, но оно доставляло Юлию откровенное удовольствие.

И вот теперь до следующей бури оставалось всего лишь три дня. Или же целых три дня – это как посмотреть. В последнее время чувство потери собственного достоинства раздражало его особенно сильно. Почему он безропотно идет на это? Почему так боится глупых прозрачных тварей? Ну что они могут сделать ему более страшного, чем то, что с ним уже произошло? Убьют?.. А так ли уж это плохо? Что хорошего в его монотонной бессмысленной жизни?

Юлий выпрямился и отшвырнул уже сорванный гриб. Хватит! Баста! Он не нанимался шеф-поваром в вонючий каракатий ресторан! И пускай он сам станет блюдом в этой забегаловке, но уж это будет точно самое последнее блюдо, поданное им на усладу призрачным тварям.

Он зашагал к пещере с такой легкостью, словно наконец сбросил с плеч тяжеленную ношу. Впервые за одиннадцать лет ему захотелось петь. Вот только он не помнил уже ни одной песни.

Юлий, даже не став ужинать – липкая баланда не полезла бы ему сейчас в горло, – сразу лег спать. Но, возбужденный донельзя, он никак не мог заснуть, а потому, прокрутившись на лежанке из веток пожалуй не менее часа, он вскочил, выбежал из пещеры и помчался к озеру, в которое сразу же, с разбега нырнул, не потрудившись даже снять одежду, от которой за одиннадцать лет осталось одно название в виде жалкого тряпья.

Наплававшись и нанырвавшись вволю, он выбрался на берег и, сорвав с себя эти несчастные лохмотья, отбросил их в сторону. И лишь тогда он наконец-то почувствовал себя по-настоящему свободным.

Было бы ложью сказать, что он совсем не боялся. Но этот страх не довлел над ним, Юлий не чувствовал себя его рабом. Ему и в самом деле стало почти все равно, как отнесутся к его мятежу каракаты. Смерть даже стала казаться ему едва ли не лучшим выходом, ведь она даровала ему абсолютную свободу. По большей части, страх вызывала лишь неизвестность, ведь умирать ему до сих пор не приходилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.